

ГОМЕР

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ОДИССЕЯ

Annotation

Личность легендарного древнегреческого поэта Гомера до сих пор остается загадкой, но именно он считается автором величайших памятников мировой литературы – «Илиады» и «Одиссеи», – со славой прошедших испытание временем. Его поэмы оказали огромное воздействие на мировую литературу, обогатили поэзию каноническим размером – гекзаметром, дали пищу историкам быта и нравов той эпохи.

«Одиссея» содержит повествование о приключениях мифического героя по имени Одиссей во время его возвращения на родину по окончании Троянской войны, а также о приключениях его жены Пенелопы, ожидавшей мужа на Итаке. Поэма вдохновила многих художников и скульпторов на создание своих бессмертных шедевров.

-
- [Гомер](#)
 - [Путь к Гомеру](#)
 - [Песнь первая](#)
 - [Песнь вторая](#)
 - [Песнь третья](#)
 - [Песнь четвертая](#)
 - [Песнь пятая](#)
 - [Песнь шестая](#)
 - [Песнь седьмая](#)
 - [Песнь восьмая](#)
 - [Песнь девятая](#)
 - [Песнь десятая](#)
 - [Песнь одиннадцатая](#)
 - [Песнь двенадцатая](#)
 - [Песнь тринадцатая](#)
 - [Песнь четырнадцатая](#)
 - [Песнь пятнадцатая](#)
 - [Песнь шестнадцатая](#)
 - [Песнь семнадцатая](#)
 - [Песнь восемнадцатая](#)
 - [Песнь девятнадцатая](#)
 - [Песнь двадцатая](#)

- [Песнь двадцать первая](#)
 - [Песнь двадцать вторая](#)
 - [Песнь двадцать третья](#)
 - [Песнь двадцать четвертая](#)
 - [Примечания. Словарь](#)
 - [Примечания](#)
 - [Словарь мифологических и географических названий и имен](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Гомер

Одиссея

© Вступительная статья. Маркиш С. Наследники, 2018

© Примечания, словарь. Ошеров С. Наследники, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Путь к Гомеру

Во втором акте шекспировского «Гамлета» появляется бродячая труппа, и один из актеров, по просьбе принца, читает монолог, в котором троянский герой Эней рассказывает о взятии Трои и о жестокостях победителей. Когда рассказ доходит до страданий старой царицы Гекубы – у нее на глазах осатаневший от злобы Пирр, сын Ахиллеса, убил ее супруга Приама и надругался над его телом, – актер бледнеет и заливается слезами. И Гамлет произносит знаменитые, вошедшие в поговорку слова:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

А он рыдает...^[1]

Что современному человеку Гекуба, что ему Ахиллес, Приам, Гектор и прочие герои Гомера; что ему их муки, радости, любовь и ненависть, приключения и битвы, отгремевшие и отгоревшие больше тридцати столетий назад? Что уводит его в древность, почему Троянская война и возвращение на родину многострадального и хитроумного Одиссея трогают нас если и не до слез, как шекспировского актера, то все же достаточно живо и сильно?

Всякое литературное произведение далекого прошлого способно привлечь и увлечь человека нового времени изображением исчезнувшей жизни, во многом поразительно не схожей с нашей жизнью сегодня. Исторический интерес, свойственный любому человеку, естественное желание узнать, «что было раньше», – начало нашего пути к Гомеру, точнее – одного из путей. Мы спрашиваем: кто он был, этот Гомер? И когда жил? И «сочинил» ли своих героев или в их образах и подвигах отражены подлинные события? И насколько верно (или насколько вольно) они отражены и к какому времени относятся? Мы задаем вопрос за вопросом и ищем ответа в статьях и книгах о Гомере; а к нашим услугам – не сотни и не тысячи, а десятки тысяч книг и статей, целая библиотека, целая литература, которая продолжает расти и сейчас. Ученые не только обнаруживают все новые факты, имеющие отношение к гомеровским поэмам, но и открывают новые точки зрения на поэзию Гомера в целом, новые способы ее оценки. Была пора, когда каждое слово «Илиады» и «Одиссеи» считали непререкаемой истиной – древние греки (во всяком

случае, громадное их большинство) видели в Гомере не только великого поэта, но и философа, педагога, естествоиспытателя, одним словом – верховного судью на все случаи жизни. Была и другая пора, когда всё в «Илиаде» и «Одиссее» считали вымыслом, красивой сказкой, или грубоватую басней, или безнравственным анекдотом, оскорбляющим «хороший вкус». Потом пришла пора, когда Гомеровы «басни» одна за другою стали подкрепляться находками археологов: в 1870 г. немец Генрих Шлиман нашел Трои, у стен которой сражались и умирали герои «Илиады»; спустя четыре года тот же Шлиман раскопал «обильные золотом» Микены – город Агамемнона, вождя греческого воинства под Троей; в 1900 г. англичанин Артур Эванс начал уникальные по богатству находок раскопки на Крите – «стоградном» острове, неоднократно упоминаемом Гомером; в 1939 г. американец Блэджен и грек Курониотис разыскали и древний Пилос – столицу Нестора, «сладкогласного витии пилосского», неутомимого подателя мудрых советов в обеих поэмах...

Список «гомеровских открытий» чрезвычайно обширен и до сего дня не закрыт – и едва ли закроется в близком будущем. И все же необходимо назвать еще одно из них – самое важное и самое сенсационное в нашем веке. В ходе раскопок на острове Крите, а также в Микенах, в Пилосе и в некоторых других местах южной части Балканского полуострова археологи нашли несколько тысяч глиняных табличек, исписанных неведомыми письменами. Чтобы их прочесть, потребовалось почти полвека, потому что не был известен даже язык этих надписей. Лишь в 1953 г. тридцатилетний англичанин Майкл Вентрис решил задачу дешифровки так называемого линейного письма «Б». Этот человек, погибший в автомобильной катастрофе три с половиной года спустя, не был ни историком Античности, ни специалистом по древним языкам – он был архитектор. И тем не менее, как писал о Вентрисе замечательный советский ученый С. Лурье, «ему удалось сделать самое крупное и самое поразительное открытие в науке об Античности со времен эпохи Возрождения». Его имя должно стоять рядом с именами Шлимана и Шампольона, разгадавшего тайну египетских иероглифов. Его открытие дало в руки исследователей подлинные греческие документы того же примерно времени, что события «Илиады» и «Одиссеи», документы, расширившие, уточнившие, а кое в чем и перевернувшие прежние представления о прообразе того общества и государства, которые изображены у Гомера.

В начале II тысячелетия до н. э. на Балканском полуострове появились племена греков-ахейцев. К середине этого тысячелетия в южной части

полуострова сложились рабовладельческие государства. Каждое из них было небольшою крепостью с примыкавшими к ней землями. Во главе каждого стояли, по-видимому, два властителя. Властители-цари со своими приближенными жили в крепости, за могучими, циклопической кладки стенами, а у подножья стены возникал поселок, населенный царскими слугами, ремесленниками, купцами. Сперва города боролись друг с другом за главенство, потом, около XV столетия до н. э., начинается проникновение ахейцев в соседние страны, за море. В числе прочих их завоеваний был и остров Крит – главный центр древнейшей, догреческой культуры юго-восточного района Средиземноморья. Задолго до начала ахейского завоевания на Крите существовали государства с монархической властью и общество, четко разделявшееся на классы свободных и рабов. Критяне были умелыми мореходами и купцами, отличными строителями, гончарами, ювелирами, художниками, знали толк в искусстве, владели письменностью. Ахейцы и прежде испытывали сильное воздействие высокой и утонченной критской культуры; теперь, после покорения Крита, она окончательно стала общим достоянием греков и критян. Ученые называют ее критомикенской.

Землею, постоянно привлекавшей внимание ахейцев, была Трояда на северо-западе Малой Азии, славившаяся выгодным местоположением и плодородною почвой. К главному городу этой земли – Илиону, или Трое, – не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, собравший особенно много кораблей и воинов, остался в памяти греков под именем Троянской войны. Древние относили ее к 1200 г. до н. э. – в пересчете на нашу хронологию, – и работы археологов, копавших Гиссарлыкский холм вслед за Шлиманом, подтверждают древнюю традицию.

Троянская война оказалась кануном крушения ахейской мощи. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена – дорийцы, – такие же дикие, какими тысячу лет назад были их предшественники, ахейцы. Они прошли через весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, и до основания разрушили их общество и культуру. История обратилась вспять: на месте рабовладельческого государства вновь появилась родовая община, морская торговля заглохла, зарастали травой уцелевшие от разрушения царские дворцы, забывались искусства, ремесла, письменность. Забывалось и прошлое; цепь событий разрывалась, и отдельные звенья обращались в предания – в мифы, как говорили греки. Мифы о героях были для древних такую же непререкаемую истину, как мифы о богах, и сами герои становились предметом поклонения. Героические предания переплетались друг с другом и с мифами о богах. Возникали круги (циклы) мифов,

соединявшихся как последовательностью фактов, лежавших в их основе, так и законами религиозного мышления и поэтической фантазии. Мифы были почвой, на которой вырос греческий героический эпос.

Героический эпос есть у каждого народа. Это повествование о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа. Таким событием (или, по крайней мере, одним из таких событий) оказался великий поход на Трои; сказания о нем сделались важнейшей сюжетной основой греческого эпоса. Но от времени, когда создавался эпос, эти события были отделены тремя, а то и четырьмя веками, и потому к картинам ушедшей жизни, запомнившимся с необыкновенной точностью, присоединялись детали и подробности, заимствованные из жизни, которая окружала неведомых нам творцов эпоса. В самой основе мифа многое оставалось нетронутым, но многое и перетолковывалось на новый лад, в согласии с новыми идеалами и взглядами. Многослойность (а стало быть, и неизбежная противоречивость) изначально была характерной чертой греческого эпоса, а так как он находился в непрерывном движении, число слоев все увеличивалось. Подвижность эта неотделима от самой формы его существования: как и у всех народов, героический эпос у греков был устным творчеством, и письменное его закрепление знаменовало последний этап в истории жанра.

Исполнителями эпических произведений и вместе с тем их создателями, со-авторами были певцы (по-гречески «аэды»). Они знали наизусть десятки тысяч стихотворных строк, перешедших к ним по наследству и бог весть кем и когда сочиненных, они владели набором традиционных средств и приемов, тоже переходивших от одного поколения поэтов к следующему (сюда относятся и разнообразные формулы-повторы для описания сходных или в точности повторяющихся ситуаций, и постоянные эпитеты, и особый стихотворный размер, и особый язык эпоса, и даже самый круг сюжетов, довольно широкий, но все же ограниченный). Обилие устойчивых, неизменных элементов было необходимым условием для самостоятельного творчества: вольно их комбинируя, переплетая с собственными стихами и полустихами, аэд всегда импровизировал, всегда творил наново.

Большинство современных ученых считает, что Гомер жил в VIII веке до н. э. в Ионии – на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов. К тому времени аэды успели исчезнуть, и место их заняли декламаторы-рапсоды; они уже не пели, аккомпанируя себе на кифаре, а читали нараспев, и не только собственные произведения, но и

чужие. Гомер был одним из них. Но Гомер не только наследник, он и новатор, не только итог, но и начало: в его поэмах лежат истоки духовной жизни всей Античности в целом. Византиец Михаил Хониат (XII–XIII вв.) писал: «Подобно тому, как, по словам Гомера, все реки и потоки берут начало из Океана, так всякое словесное искусство исток имеет в Гомере».

Есть предположение, что «Илиада» и «Одиссея» действительно заключают многовековую традицию импровизационного творчества – что они были первыми образцами письменно закрепленного «большого эпоса», с самого начала были литературой в прямом смысле слова. Это не значит, разумеется, что известный нам текст поэм ничем не отличается от исходного, каким он был записан или «выговорен» в конце VIII или начале VII века до н. э. В нем немало позднейших вставок (интерполяций), в иных случаях весьма пространных, до целой песни; немало, вероятно, и сокращений-купюр, и стилистических поправок, которые следовало бы назвать искажениями. Но в таком «искаженном» виде он насчитывает почти две с половиной тысячи лет, в таком виде был известен древним и принят ими, и пытаться возвращать его к первоначальному состоянию не только невозможно по существу, но и бессмысленно с историко-культурной точки зрения.

«Илиада» повествует об одном эпизоде последнего, десятого, года Троянской войны – гневе Ахиллеса, самого могучего и храброго среди греческих героев, оскорбленного верховным предводителем ахейцев, микенским царем Агамемноном. Ахиллес отказывается участвовать в сражениях, троянцы начинают брать верх, гонят ахейцев до самого лагеря и едва не поджигают их корабли. Тогда Ахиллес разрешает вступить в битву своему любимому другу Патроклу. Патрокл погибает, и Ахиллес, отрекшись наконец от гнева, мстит за смерть друга, сразив Гектора, главного героя и защитника троянцев, сына их царя Приама. Все главное в сюжете поэмы – от мифов, от Троянского цикла. С тем же циклом связана и «Одиссея», рассказывающая о возвращении на родину после падения Трои другого греческого героя – царя острова Итаки Одиссея. Но здесь главное – не миф: оба основных сюжетных компонента «Одиссеи» – возвращение супруга к супруге после долгого отсутствия и удивительные приключения в дальних, заморских краях – восходят к сказке и народной новелле. Различие между обеими поэмами этим не ограничивается, оно заметно и в композиции, и в деталях повествования, и в деталях мироощущения. Уже сами древние не были уверены, принадлежат ли обе поэмы одному автору, немало сторонников такого взгляда и в новые времена. И все же более вероятным – хотя, строго говоря, точно таким же доказуемым –

представляется обратное мнение: сходного между «Илиадой» и «Одиссеей» все же больше, чем отличного.

Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь упомянутой выше многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох – микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов – микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием – дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами – безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути родовые старейшины... В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества – вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на большую часть текста, но художественную цельность и совершенство «Илиады» и «Одиссеи» относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Ученые неумолимо вскрывали все новые противоречия (нередко они бывали плодом ученого воображения или ученой придирчивости) и готовы были платить любую цену, лишь бы от них избавиться. Цена, однако же, оказалась слишком высока: выдумкою, фикцией обернулся не только Гомер, но и достоинства «мнимых» его творений, разодранных на клочки беспощадными перьями аналитиков (так называют ниспровергателей «единого Гомера»). Это было явной нелепостью, и в течение последних пятидесяти лет верх взяла противоположная точка зрения – унитарная. Для унитариев неоспоримо художественное единство гомеровского наследия, ощущаемое непосредственно любым непредвзятым читателем. Их цель – подкрепить это ощущение с помощью особого «анализа изнутри», анализа тех правил и законов, которые, сколько можно судить, ставил себе сам поэт, тех приемов, из которых складывается поэзия Гомера, того мироощущения, которое лежит в ее основе. Итак, взглянем на Гомера глазами непредвзятого читателя.

Прежде всего нас озадачит и привлечет сходство, близость древнего к

современному. Гомер сразу же захватывает и сразу из предмета изучения становится частью нашего «я», как становится всякий любимый поэт, мертвый или живой – безразлично, потому что основным для нас будет эмоциональный отзыв, эстетическое переживание.

Читая Гомера, убеждаешься, что многое в его взгляде на мир – не только вечная и непреходящая истина, но и прямой вызов всем последующим векам. Важнейшее, что отличает этот взгляд, – его широта, желание понять разные точки зрения, терпимость, как сказали бы сегодня. Автор героического эпоса греков не питает ненависти к троянцам, бесспорным виновникам несправедливой войны (ведь это их царевич Парис нанес обиду людям и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своего гостеприимца, спартанского царя Менелая); скажем более – он уважает их, он им сочувствует, потому что и у них нет иного выбора, как сражаться, защищая свой город, жен, детей и собственную жизнь, и потому, что они сражаются мужественно, хотя ахейцы и сильнее и многочисленнее. Они обречены; правда, сами они еще не знают этого, но Гомер-то знает исход войны и, великодушный победитель, сострадает будущим побежденным. И если, по словам самого поэта, «святая Троя» ненавистна богам «за вину Приамида Париса», то Гомер выше и благороднее богов-олимпийцев.

Широта взгляда вдохновляется добротой, человечностью. Едва ли случайно, что европейскую литературу открывает призыв к доброте и осуждение жестокости. Справедливость, которую обязаны блюсти люди и охранять боги, – во взаимной любви, кротости, приветливости, благодушии; беззаконие – в свирепстве, в бессердечии. Даже Ахиллесу, образцовому своему герою, не прощает Гомер «львиного свирепства», и поныне это не прописное проклятие прописному пороку, а живой опыт, за которым люди на протяжении своей истории платили так много и всякий раз сызнова. Человечность Гомера столь велика, что одерживает верх даже над неотъемлемыми признаками жанра: обычно героический эпос – это песнь войне как испытанию, обнаруживающему лучшие силы души, и Гомер в самом деле прославляет войну, но он уже и проклиняет ее бедствия, ее безобразие, бесстыдное надругательство над человеческим достоинством. Первое, видимо, идет от примитивной морали варваров-дорийцев, второе – от новой морали законности и мира. Ей предстояло подчинить себе вселенную, и по сию пору нельзя еще сказать, чтобы эта задача была решена. Вот где Гомер встречается с Шекспиром, а мы – с тем и другим, вот что нам Гекуба! Мы отлично понимаем ужас старого Приама, заранее оплакивающего свою уродливую и бесславную гибель:

О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью, –
Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют, –
Участи более горестной нет человекам несчастным!

И несколько не меньше, не хуже понятен нам яростный
шекспировский протест против судьбы, позволившей этому совершиться:

Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо, Разбейте обод, выломайте спицы
И ось его скатите с облаков
В крошечный ад!^[2]

Унижение человека несправедливостью, насилием – это позор и мука для каждого из людей; свой наглый вызов злодейство бросает всему миропорядку, и, стало быть, каждому из нас, и, стало быть, каждый в ответе за злодейство. Гомер это предчувствовал, Шекспир ясно понимал.

Но терпимость нигде ни разу не оборачивается терпимостью к злу, робостью перед ним, попыткой его оправдать. Твердость этической позиции, серьезная и строгая однозначность в отношении к жизни, столь характерная для Гомера (и для античной традиции в целом), обладает в наших глазах особою притягательною силой. «Незыблемость скалы ценностей», от Гомера до наших дней – неискоренимость добра и честности перед лицом злобы и предательства, вечность тяги к прекрасному вопреки соблазнам безобразного, «вечность» максим и заповедей, которые иным простакам кажутся родившимися только вчера или даже сегодня, – несет в себе радость и ободрение. И не нужно подозревать, будто такая однозначность оценок – следствие примитивного, первобытного самодовольства, которому непонятно, что такое сомнение; нет, под нею скрыта органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности!) решать и судить.

Для здорового чувства и здорового интеллекта жизнь – великий дар и самое драгоценное достояние, несмотря на все ее бедствия, муки и тяжкие превратности, несмотря на то, что Зевс изрекает с высоты небес:

...Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!

Но бессмертному не понять смертных, и поэт не только благороднее, но и мудрее своих богов. Он приемлет действительность спокойно и здраво, он улавливает в ней ритм чередующихся радостей и горестей и видит в таком чередовании непреложный закон бытия, и решительно говорит бытию «да», а небытию – «нет».

Решительно, но небезоговорочно, потому что и в лицо смерти смотрит с таким же бесстрашием и спокойствием, как в лицо жизни. Неизбежность смерти не может и не должна отравить радость земного существования, а ее угроза – толкнуть на бесчестие. Одно из лучших и самых знаменитых мест в «Илиаде» – слова троянского героя Сарпедона, обращенные к другу перед битвою:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя.
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их не минуть, не избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!

Мироощущение Гомера – это высшее спокойствие и просветленность духа, который изведаль и неистовый восторг, и неистовое отчаяние и поднялся выше обоих – над наивностью оптимизма и озлобленностью пессимизма.

Слова Сарпедона, призывающие друга в бой, читателя призывают задуматься, насколько свободен человек у Гомера – обладает ли он свободой выбора, свободой воли или скован «вышними силами» по рукам и ногам. Вопрос на редкость сложный, и ответы разноречивы, ибо разноречивы представления о богах и Судьбе, совместившиеся в греческом эпосе. Довольно часто люди действительно жалуются, что они не более чем игрушки в руках богов, и во всех своих бедах и ошибках винят злокозненных небожителей, но если это так, почему боги негодуют на неправду, чинимую людьми? Тогда это их, божеская, неправда, и гомеровская мораль лишается основания. Как ни толкуй эти жалобы (а их

можно объяснять и психологически, например, попыткой оправдаться, переложить собственную вину на чужие плечи), сгладить противоречие очень трудно. Да это и ни к чему. Тем более что мы встретим достаточно мест, где человек принимает решение сознательно, здраво взвешивая все «за» и «против», без всякой помощи (или коварной подсказки) свыше, и потому обязан нести ответственность за свой поступок. Подобные человеку во всем, боги Гомера и тут выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы – совершенно так же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках – совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшею удачей, чем смертные, не брезгают вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут – ни один из них, даже Зевс.

Участь человека предопределена Судьбою, высшей в мире силою, которой подчиняются и сами боги. Они слуги Судьбы, исполнители ее решений; приблизить или отдалить назначенное Судьбою – вот все, на что они способны. Главное их преимущество перед людьми – знание, мудрость, предвидение будущего (так же как главная причина людской несправедности, греха – это невежество, духовная слепота, глупость), и они охотно пользуются этим преимуществом, чтобы заранее известить смертного, что «предначертано ему роком». А это очень важно, поскольку в рамках предначертанного, в рамках необходимости почти всегда остается место свободе. Судьба предлагает дилемму: поступишь так-то – уцелеешь, поступишь по-иному – умрешь (что и значит «судьбе вопреки низойти в обитель Аида»). Выбор есть акт свободной воли, но, коль скоро он сделан, в его последствиях ничего нельзя изменить. Гермес внушал Эгисту, чтобы тот не покушался на жизнь Агамемнона, когда царь возвратится из похода на Троию, и не вступал в брак с его супругой. Эгист остался глух к наставлению бога и, как предупреждал его Гермес, понес наказание от руки сына убитого.

Читая Гомера, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, захватанные штампы, давно потерявшие смысл и выразительность, вдруг оживают. Он в самом деле «гений поэзии» и в самом деле «художник слова». Он рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо. Он обладает неповторимую даже среди братьев по гениальности остротою глаза, и потому мир его видения – самые обыденные предметы в этом мире – резче, отчетливее, содержательнее, нежели то, что открывается любому иному взору. Это качество хотелось бы, вслед за Марксом, назвать детскостью, потому что лишь в ранние годы, лишь ребенку доступна такая зоркость. Но детскость Гомера – это еще и яркое солнце, которым

пронизаны поэмы, и восхищение жизнью, во всяком ее облики (отсюда общая приподнятость тона, эпическая величавость), и неиссякаемое любопытство к деталям (отсюда бесчисленные, но никогда не утомляющие подробности). Детскость проявляется наконец и в том, как относится художник к своему материалу.

Писатель нового времени, как правило, борется с материалом, он *организует* слово и стоящую за ним действительность – это именно процесс организации, претворение хаоса в космос, беспорядка в порядок. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем заметнее борьба, тем меньше старается художник скрыть ее от чужих глаз, а нередко и демонстративно выставляет сопротивление материала на всеобщий обзор. Античный писатель не знал этого сопротивления, у Гомера субъект еще не противопоставлен объекту (обществу или даже природе): так ребенок долго не осознает противоположности «я» и «не-я». Органическое ощущение единства слабело с веками, но вплоть до самого конца античной традиции не исчезало окончательно, и это придает всякой античной книге, и прежде всего гомеровским поэмам, особую цельность, которую ни с чем не спутаешь и которая влечет нас и радует – по контрасту. То же ощущение, пожалуй, запечатлено в современной Гомеру пластике и вазописи, обычно именуемых архаическими. Глядя на «курсов» (изваяния юношей в полный рост), на их сдержанную, скованную мощь и блаженную улыбку, разглядывая вазы и глиняные статуэтки, каждая из которых вправе называться шедевром, думаешь о том, с какою свободой и беззаботностью, с каким мудрым забвением повседневных тягот и тревог, с каким детским доверием к будущему и уверенностью в нем воспринимал мир древний художник. Потому-то и улыбаются губы, потому так широко открыты глаза – с любопытством ко всему на свете, с достоинством и спокойствием, которые чудесным образом сочетаются с экспрессией, смелой выразительностью движений в вереницах людей и животных.

То же и у Гомера. «Статические» зарисовки чередуются с «динамическими», и трудно сказать, какие удаются поэту лучше. Сравним:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облачен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял...

...в изумленье та бляха

Всех приводила. Хитон, я заметил, носил он из чудной

Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце: все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялись ей несказанно.

И:

Вышел таков Теламонид огромный, твердыня Данаев,
Грозным лицом осклабляясь, и звучными сильней стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

Чему отдать предпочтение, пусть каждый решит для себя сам, но в любом случае запомним, что упрекать гомеровский эпос в примитивной застылости, в неспособности изобразить движение – несправедливо и нелепо.

Зримость, наглядность, как основное качество поэзии Гомера, позволяет объяснить многое в «Илиаде» и «Одиссее». Становится понятным последовательное олицетворение всего отвлеченного (Обида, Вражда, Молитвы): то, чего нельзя охватить взором, для Гомера просто не существует. Понятна полная конкретность – не просто человекоподобие, но именно конкретность, вещность – образов небожителей. Конкретность неизбежно снижает образ, и только здесь, в обостренном чувстве реальности, а никак не в первобытном вольнодумстве, надо искать причину того, что нашему восприятию кажется насмешкою над богами: боги Гомера вспыльчивы, тщеславны, злопамятны, высокомерны, простоваты, не чужды им и физические изъяны. Гомеровская мифология – первая, которая нам известна у греков; что в ней от общепринятых религиозных верований, что добавлено вымыслом поэта, никто не знает, и можно с большой вероятностью предполагать, что более поздние, классические представления об Олимпе и его обитателях во многом прямо заимствованы из «Илиады» и «Одиссеи» и происхождением своим обязаны художественному дару автора поэм.

Конкретность и вообще несколько снижает приподнятость тона, эпическую величавость. Одним из средств, создающих эту приподнятость, был особый язык эпоса – изначально неразговорный, сложенный из элементов различных греческих диалектов. Во все времена он звучал для самих греков остранинно и высоко и уже в классическую эпоху (V в. до н. э.) казался архаичным. Русский перевод «Илиады», выполненный Н. И.

Гнедичем около полутора ста лет назад, как нельзя вернее воспроизводит отчужденность эпического языка, его приподнятость надо всем обыденным, его древность.

Читая Гомера, убеждаешься: не только внешность мира, его лик, – когда улыбчивый, когда хмурый, когда грозный, – умел он изображать, но и человеческая душа, все ее движения, от простейших до самых сложных, были ведомы поэту. Есть в поэмах настоящие психологические открытия, которые и теперь при первой встрече – первом чтении – поражают и запоминаются на всю жизнь. Вот дряхлый Приам, тайком явившись к Ахиллесу в надежде получить для погребения тело убитого сына,

никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, –
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Цену этим строкам знал, бесспорно, и сам поэт: недаром чуть ниже он повторяет их, вложив в уста самого Приама и дополнив прямым «психологическим комментарием»:

Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жальче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Или еще пример – другое открытие: горе и сплачивает, и в то же время разъединяет людей. Дружно рыдают рабыни, оплакивая убитого Патрокла, но в душе каждая сокрушается о собственном горе, и так же плачут, сидя рядом, враги – Ахиллес и Приам:

За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам – знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый,
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.

Или еще – всякое очень сильное чувство двулико, скорбное

просветление скрыто на дне безутешного плача, за бешеным гневом таится сладость:

Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит,
Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда.

Психологизм в сочетании с даром художника – постоянным стремлением не рассказывать, а показывать – сообщает эпосу качества драмы: характеры раскрываются не со стороны, а непосредственно, в речах героев. Речи и реплики занимают приблизительно три пятых текста. В каждой из поэм около семидесяти пяти говорящих персонажей, и все это живые лица, их не спутаешь друг с другом. Древние называли Гомера первым трагическим поэтом, а Эсхил утверждал, что его, Эсхила, трагедии – лишь крохи с пышного стола Гомера. И правда, многие знаменитые, психологически совершенные эпизоды «Илиады» и «Одиссеи» – это сцены, словно бы специально написанные для театра. К их числу принадлежат свидание Гектора с Андромахой в VI песни «Илиады», появление Одиссея перед феакийской царевною Навсикаей и «узнание» его старой нянькою Евриклеей – в VI и XIX песнях «Одиссеи».

Читая Гомера, убеждаешься, что обе поэмы (в особенности «Илиада») – чудо композиции, и дивишься безумной отваге аналитиков, утверждавших, будто эти виртуознейшие конструкции сложились сами собой, стихийно, спонтанно. Трудно сомневаться, что расположение материала было строго и тщательно обдумано, – именно потому так полно исчерпываются все начатые однажды темы, так плотно сконцентрировано действие. Всего одиннадцать стихов потребовалось автору «Илиады», чтобы ввести слушателя (или читателя) в суть дела, в самую гущу событий; в одиннадцати строках экспозиции открываются и главная тема всего произведения – гнев Ахиллеса, и повод к гневу, и обстоятельства, предшествовавшие ссоре вождей, и даже божественная подоплека событий («совершалась Зевсова воля»). Сразу же за тем начинается действие, которое длится до тех пор, пока не иссякает полностью главная тема. Ни убийство Гектора, ни надругательство над его телом, ни пышные похороны Патрокла, ни погребальные игры в честь друга не приносят успокоения Ахиллесу. Только после свидания с Приамом наступает перелом: душа, омраченная яростью и отчаянием, словно просветляется, омытая слезами, которые вместе проливают убийца и отец убитого. И затем такое же просветленное завершение второй темы – темы Гектора, которая

неотделима от главной, ею рождена и дополняет ее. Эпилога в «Илиаде» нет, и вплоть до последней, завершающей строки: «Так погребали они конеборного Гектора тело» – длится развязка, всем духом своим напоминающая развязку трагедии. Напоминает о трагедии и темп повествования, неровный, порывистый, изобилующий резкими, неожиданными поворотами – в трагедии их называют перипетиями. Главная перипетия решает судьбу героя и решительно направляет действие к кульминации и развязке. В «Илиаде» роль главной перипетии играет гибель Патрокла, кульминации – умерщвление Гектора.

И эпизоды и образы «Илиады» объединены вокруг главной темы и главного героя, образуя тесно связанную систему. Все события поэмы укладываются в девять дней (впрочем, если считать и «пустые промежутки» между сгустками действия, дней набирается пятьдесят один). «Одиссея» построена несколько иначе, более рыхло. Здесь нет такого сгущения действия, такую тесного переплетения различных его линий (хотя «действенных» дней тоже девять). Более независимы друг от друга и образы: нет таких психологически взаимодополняющих или противопоставленных пар, как Ахиллес – Гектор, или Ахиллес – Диомед, или Ахиллес – Патрокл, связи между персонажами по преимуществу внешние, сюжетные. Но надо помнить, что перед поэтом стояла труднейшая задача – изложить десятилетнюю предысторию возвращения на Итаку, рассказать о десятилетних скитаниях героя. Выходит, что большая рассредоточенность действия была задана самим сюжетом.

Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который называли «геометрическим». Его основа – острое чувство меры и симметрии, а результат – последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней «Одиссеи» составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину (I, 100) – Телемах и женихи на Итаке (I, 101–II) – Те-лемах гостит у Нестора в Пилосе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте (IV, 1–IV, 624) – женихи на Итаке (IV, 625–IV, 847) – совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно, это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общую стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непридуманной, ненарочитой

соразмерностью, – быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в новейшее время.

Со всем тем нельзя настаивать, что композиция поэм – и не только композиция – совершенно свободна от изъянов, с точки зрения современного читателя. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторах, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни «Одиссеи» волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изобразить не может, а потому рисует их разновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков – каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность – разом противники никогда не бьют.

В список изъянов можно было бы внести и пресловутое «эпическое (или даже гомеровское) спокойствие», ибо чистая, беспримесная объективность, полная незаинтересованность – мертвы и к искусству не принадлежат. Но, хотя «гомеровское спокойствие» часто считается необходимым признаком эпического стиля, это выдуманный признак. Гомер отнюдь не устранился от суждения о происходящем. Расставив декорации и выпустив на сцену актеров, он уже не вмешивается в игру, но и не прячется все время за кулисами, а то и дело выходит к зрителям и говорит с ними, комментируя происходящее, иной раз он обращается к Музе и к действующим лицам. Ученые подсчитали, что подобные «прямые высказывания» составляют около 1/5 всего текста. Самая замечательная их часть – это, бесспорно, авторские (или эпические) сравнения. В обычном сравнении, каким бы образным оно ни было, каждое слово направлено к возможно более полному изображению сравниваемого. Если Одиссей притворно жалуется:

...Но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты –

здесь все «идет в дело»: я теперь как вымолоченная солома, но как по

солومه легко догадаться, что за колос она несла, так и ты, глядя на меня, догадаешься, что за человек я был прежде. Но когда о младших начальниках, строящих войско к бою, говорится:

Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают, у всех обогрвлены кровию пасти,
После стаею целой к источнику черному рыщут,
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь поглощенную, в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, –
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, –

то собственно сравнению отведены три строки из десяти: вожди мирмидонян, окружавшие Патрокла, были похожи на волков. Остальные семь – особая картина, ничем фактически не связанная с окружающим текстом. Когда-то считали, что авторские сравнения только украшают эпос, но никакой функциональной нагрузки не несут. Теперь думают по-другому: авторские сравнения – это выход из условной, поэтической действительности в мир, доподлинно окружавший певца и его слушателей; чувства слушателей, изменяя свое направление, как бы получали отдых, чтобы затем с новым напряжением обратиться к судьбам героев.

Если авторские сравнения должны были служить эмоциональным контрастом к основному повествованию, ясно, что темы для сравнений заимствовались преимущественно из мирной жизни. В «Илиаде», более одухотворенной, монументальной и сумрачной, монументальны и сравнения; в «Одиссее» они короче и проще, среди мотивов преобладают бытовые, – вероятно, в противоположность чудесам сказки. Мы видели, как гомеровский эпос соприкасается с драмою. В авторских сравнениях он становится самою настоящею лирикой. Читая Гомера, радуешься встрече с каждым новым сравнением, останавливаешься и медленно произносишь вслух – раз, другой, третий, наслаждаясь его прелестью, свежестью, смелостью и вместе с тем полнейшей естественностью, ненарочитостью.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;

Все кругом открывается – холмы, высокие горы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, –
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрилось огней троянских.

Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад –
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня.

Читать «Илиаду» и «Одиссею», просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия, – вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем.

Симон Маркиш

Песнь первая

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь

5

Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, –
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом

10

Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибли верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной

15

Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги

Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа

Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов

Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
“Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?”

Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.

“Мечь за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет”, так
было
Сказано Эрмием – тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он”.
Тут светлоокая Зевсова дочь Афина Паллада

Зевсу сказала: “Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом

Пуле широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,

Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами

60

Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?”
Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,

65

Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,

70

Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,

75

Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет”.
Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада

Зевсу сказала: “Отец наш, Кронион, верховный владыка!

80

Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусобийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться

85

В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахейн и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим

90

Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава”.
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

95

Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельный легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,

Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.

100

Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;

105

В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса

110

Много нарезав, его разносили. Богиню Афины
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,

115

Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афины;

Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;
приблизась,
Взял он за правую руку прищельца, копье его принял,

120

Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
“Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищею”.
Кончив, пошел впереди он, за ним Афиня Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой

125

Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были,
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афины,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной

130

Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им

135

Полный студенной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,

140

Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;

145

Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное – желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшение; и звонкую цитру глашатай

150

Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
“Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;

155

Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,

160

Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет.

165

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какую дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.

170

Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралось много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

175

“Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуяся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе

180

Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь

185

Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачась
По полю взад и вперед посреди своего винограда.

190

Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятном
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе

195

Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы

200

Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я

205

Помню его; в старину мы друг с другом видались часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахейя
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались”.
“Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

210

Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней

215

Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали

220

Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собрание? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними

225

Быть устыдится, позорное их поведение видя”.
“Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.

230

Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,

235

Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

240

Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;

245

Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят”.
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
“Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный

250

Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире

255

Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;

260

Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но – того мы, конечно, не ведаем – в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их

265

В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахейн, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;

270

После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.

275

Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

280

Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притеснения; когда же

285

Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,

290

Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым

Светом украсился честью, отметивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой

К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпением и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я”.
“Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.

Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощался, гости друг друга дарили”.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши”.

С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живет
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.

Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахейн из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,

Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,

Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
“Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;

Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
 Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
 Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
 Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
 Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,

Столь преисполнившим славой своей и Элладу и Аргос”.
 “Милая мать, – возразил рассудительный сын Одиссеев, –
 Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
 То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
 В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше

Людам высокого духа по воле своей вдохновенье.
 Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
 Петь – с похвалою великою люди той песне внимают,
 Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
 Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:

Был не один от богов осужден потерять день возврата
 Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
 Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
 Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
 Были своей: говорить же не женское дело, а дело

355

Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель”.
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда

360

Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопею ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,

365

Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы

370

Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощениях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит

Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами”.
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:

“Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!”
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

“Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.

Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах”.

Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
 “О Телемах, мы не знаем – то в лоне бессмертных сокрыто, –
 Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
 Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
 Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,

Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
 Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
 Как его имя? Какую своим он отечеством славит
 Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
 С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?

Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
 Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть
 немного
 Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно”.
 “Друг Евримах, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
 Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
 Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
 В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
 Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,

Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев”. Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те ж, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же

Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.

Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил

Ложа коснуться ее, опасался ревности женской.
Факел неся, Еврикля вела Телемаха – за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,

435

В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и уладив, на гвоздь Еврикля сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.

440

Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

Песнь вторая

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил,
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

5

Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,

10

С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился –
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.

15

Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьeverжец с царем Одиссеем
В конеобильную Троию давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком

Гроте, последний, похищенный им для вечерняя пищи.
 Три оставались старцу: один, Еврином, с женихами
 Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
 Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
 Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:

“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
 Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
 Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
 Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
 Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?”

Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
 Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
 Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
 Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
 Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно”.

Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
 Встать и к собранию речь обратиться он немедля решился;
 Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
 Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
 К старцу сперва обратясь, ему он сказал: “Благородный

Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, – это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слышал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,

Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.

Нет; им удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней

Мере, чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашится мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодую на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше

Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;
Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше

Мы, чтоб и скот наш живой, и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем”.

Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:

“Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилося года, уже наступил и четвертый

С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
“Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я

Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,

Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый –
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;

Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.

Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене

Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами

В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа”.
“О Антиной, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –

Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, – не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю, – тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью

Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше

140

Тратя на них и черед наблюдая в своих угощениях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,

145

Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами”.
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распутивши огромные крылья;

150

Но, налетев на середину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрерывными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.

155

Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный

Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он

Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готова
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней

Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,

Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне”.
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: “Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.

В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая

Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если ты этого юношу с старым своим многознанием
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,

Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:

Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахейн,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь

200

Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседельй,
Всем докучаешь, – ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами

205

Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратимся
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними”.
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“О Евримах и вы все, женихи знаменитые, боле

210

Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобъкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,

215

Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притеснения; когда же

220

Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство”.
Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный

225

Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

230

Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрый царем и народ свой любил, как отец благодушный.

235

Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,

Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое”.
Сын Евеноров тогда, Леокрыт, негодуя, воскликнул:
“Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор?
Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых

Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:

Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.
Вы ж разойдитесь, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;

Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся”.
Так он сказав, распустил самовольно собрание народа.
Все, удалясь, по своим разошлись домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.

260

Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
“Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,

265

Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы”.
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:

270

“Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды

275

Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе

Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда

280

Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют – оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.

285

Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;

290

Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами

295

В путь изготовлен, и спустим его на священное море”.
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.

В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покаях

300

Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
“Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше

305

Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном”.
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

310

“Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,

315

Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,

Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)

320

Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно”.
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:

325

“Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,

330

Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить”.
“Но, – отвечали другие насмешливо первым, – кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется

335

Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим

Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами”.
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;

340

Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую

345

Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклю, сказал Телемах ей:
“Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим

350

После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржанною

355

Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,

360

Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье”.
Кончил. Ему Евриклея, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: “Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься

365

Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды

370

В страшное море тебе на беды и на бури пускаться”.
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,

375

Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет, – боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица”. Евриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,

380

Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившись, там с женихами остался.
Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться

385

Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноемону, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль – Ноемон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,

390

Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня

395

Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,

400

Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: “Пора, Телемах, нам;
Все собрались уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпением;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой”.

405

Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:

410

“Братья, принести поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает”. И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне

415

Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.

420

Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,

425

В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.

430

Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

Песнь третья

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града

5

Пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на берегу
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом

10

Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
“Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;

15

Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;

Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим”.
“Но, – отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, –
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?”

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан”.
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха

Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно
К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, сутились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки

Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат
благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на берегу песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.

Сладкой утробы отведасть им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
“Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши

Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;

Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю”.
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:

“Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желанья наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно

Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;

60

Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком”.
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двурусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.

65

Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский:
“Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,

70

Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?”

75

С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,

Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
“Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,

80

Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым

85

Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли

90

Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно

95

Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,

Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

100

В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне”.
Так Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский:
“Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,

105

Частью, когда в кораблях, предводимые бодрим Пелидом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов

110

Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там
мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?

115

Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.
Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, – кончить насилу решился Кронион.

120

В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было

125

Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.

130

Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они – потому и постигнула злая судьбина

135

Многих, разгневавших дочь светлоокою страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же

140

Стали один за другим объяснять им причину собрания:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,

145

Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян

150

Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.
Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказание.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.

155

Но половина другая ахейн осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,

160

Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.

165

Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:

170

Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,

175

Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежания;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.

180

День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Диомедом, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доныне

185

Сведать еще я не мог, кто погиб из ахейцев, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;

190

Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,

195

Как и Эгист наконец по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отметить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,

200

Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили”.
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
“Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отметил он, и страшно отметил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.

205

О, когда б и меня одарили такую же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу – и удел мой отныне терпенье”.

210

Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
“Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоём женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли

215

Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратяся, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила

220

В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала”.

225

Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

230

“Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий

235

Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет”.
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:

240

“Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору – правдой и мудростью всех он людей превосходит.

245

Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен –
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство

250

Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?”
“Друг, – Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский –
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

255

Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести

260

В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали – страшное дело свершил он.
Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.

265

Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное – мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,

270

Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и золотом и тканями, храмы украсил,

275

Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо

280

Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою
Фронτισ, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.
Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге

285

Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малей
Быстро достиг – повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,

290

Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;

295

Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,

300

Ветер могучий и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил незаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, – народ покорился безмолвно.

305

Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богopodobный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье

310

Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву

315

Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды

320

К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, – столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницей

325

Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим”.
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.

330

К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
“Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;

335

День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам”.
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умытия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,

340

В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.

345

Нестор, гостей удержавши, сказал: “Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей

350

Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною

355

Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?”
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею

360

Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из спутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;

365

Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши

370

Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных”.
Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:

375

“Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.

380

Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым”.

385

Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.

390

Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие

395

Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;

400

Лег близ него Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;

405

С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;

410

Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пестун ахейн. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Ехефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,

415

Младший из братьев пришел, Писистрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой герененский:
“Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афины,

420

Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок

425

Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрокос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам”.

430

Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный дляковки металлов принеши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно

435

Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Ехефрон;

440

Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготояся жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,

445

Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,

450

Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли – разом зарезал ее Писистрат благородный.

455

После, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедрa и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;

460

Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей

465

Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.

470

Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:

475

“Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться”.
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной

480

Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони

485

Полям, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;

490

Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

495

Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Песнь четвертая

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милья празднуя в царском жилище.

5

К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених,
снарядил он.

10

В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Гермiona, подобная дивной красой Афродите.

15

Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.

Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этеон многочтимый,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;

Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
“Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?”

С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
“Ты, Этеон, сын Воэфов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит

Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих”.
Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.

Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;

40

К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:

45

Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,

50

В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

55

Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,

Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:

60

“Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся”.

65

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие

70

Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
“Несторов сын, мой возлюбленный друг, Писистрат
благородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоях;
Блещет все золотом, серебром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;

75

Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я”.

Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
“Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;

80

Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикийян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;

85

В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.

90

Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам

95

Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.

100

Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,

105

Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,

110

Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома”.
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом

115

Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?

120

Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;

125

Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два треножных сосуда и золотом десять талантов;

130

Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из серебра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка

135

С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
“Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?”

140

Я же скажу – справедливо ли, нет ли, не знаю, – но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный

145

Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью”.
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
“Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,

150

То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся”.

155

Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
“Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре

160

Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он

165

Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься”.
Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
“Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,

170

Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличное прочих ахеян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;

175

Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого

180

Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вождеденный”.
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;

185

Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и младой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:

190

“Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою – скоро подыметя Эос,

195

В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян

200

Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах”.
Царь Менелай златовласый отвечивал так Писистрату:
“Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный

205

Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает

210

Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Теламахом

215

Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне”.
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:

220

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,

225

Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много

230

Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:

235

“Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом

240

Вам расскажу – хоть всего рассказать и припомнить нельзя
мне, –
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предпринял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,

245

Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,

250

Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я – он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном

255

Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахейн тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же

260

Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою”.

265

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
“Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,

270

Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил.
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла – по внушению злomu, конечно,

Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, –
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.

Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,

В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от гибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины”.

Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко

В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены”.
Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.

Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,

Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
“Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть, Телемах благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне”.

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
“Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разорятся земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих

Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал

Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все Расскажи мне”.
С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
“О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!

Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
 Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
 Стала б по горным лесам, по глубоким, травую обильным
 Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –
 Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;

Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
 Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
 В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
 Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
 Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –

Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
 Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
 Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
 Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,

То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Всё еще боги в отечество милое мне из Египта
 Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
 Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
 На море шумно-широком находится остров, лежащий

355

Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянье, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.

360

Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,

365

Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острогобенными крючьями удили – голод терзал их.

370

С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
“Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?”

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 “Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
 Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
 Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.
 Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),

Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
 Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”
 Так спросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
 “Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
 Здесь пребывает издавна морской пронизательный старец,

Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
 Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
 Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
 Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
 Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль

Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
 Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
 Что у тебя и худого и доброго дома случилось
 С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно –
 пустынным”.
 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:

395

“Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога”.
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

400

Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
Вод глубину покидает морской пронизательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостонogie, дети молодой Аლოსинды,

405

Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.

410

Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.

Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы

415

Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться – из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.

420

Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, – вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?”

425

Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;

430

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака молодая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой

Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.

435

Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожы тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.

440

В ямы уклавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напивавшихся горечью влаги соленой, –
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше

445

Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.

450

В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых

Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе

455

Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.

460

Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
“Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?”
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:

465

“Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный

470

Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?”

Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускался в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.

475

Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.

480

Иначе боги увидят отчизну тебе не дозвоят”.
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:

485

“Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?

490

Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?”
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
“Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не спрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.

495

Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженье, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями

500

Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.

505

Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;

510

С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко берегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Малей

515

Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына, Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги

520

Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подзорной стоянки увидел Атрида

525

Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:

530

Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом

535

Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли”.
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна

540

Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской пронизательный старец:
“Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,

545

Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью”.
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.

550

Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
“Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я”.
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:

555

“Это Лаэртов божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы

560

Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами – туда, где живет Радамант златовласый

565

(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса”.

570

Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;

575

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развив паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,

580

Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память

585

Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я

590

Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье”.
“Царь Менелай, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;

595

Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпеньем
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.

600

Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.

605

Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих”.
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;

610

Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
“Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;

615

Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь”.

620

Так говорили о многом они, беседа сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принеся
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.

625

Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.

630

Фрониев сын Ноемон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
“Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль – самому мне он надобен ныне:

635

Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить”.
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,

640

Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
“Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?”

645

Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?”
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
“Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы

650

Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж – ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:

655

Ибо я был изумлен несказанно – божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими”.
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.

660

К ним обратясь, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, – и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
“Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:

665

Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,

670

В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось”.
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссеев.

675

Но Пенелопа недолго в незнание осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.

680

Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
“С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы

685

Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,

690

Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбления никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки

695

Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно”.
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
“О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой – да успеха не даст им Зевес громовержец!

700

Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон”.
Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами

705

Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
“Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?

Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?”
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
“Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он”.

Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданьем к ней собралися рабыни,

Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
“Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,

Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам

730

Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.

735

Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,

740

С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына”.
Тут Еврикля, усердная няня, сказала царице:
“Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.

745

Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.

750

Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойд и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящая смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,

755

Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке”.
Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,

760

Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
“Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,

765

Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив”.
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:

770

“Верно, теперь многославная наша царица готовит Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну”. Так говорили они, не предвидя того, что и всем им Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя: “Буйные люди, советую вам от таких неразумных

775

Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал. Лучше, отсель удаляясь в молчанье, исполним на деле То, что теперь на совете согласном своем положили”. Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно С ними пошел к кораблям он, стоявшим на берегу песчаном.

780

Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море, Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти, В крепкоременные петли просунули длинные весла, Должным порядком потом паруса натянули. Когда же Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,

785

Сев на корабль и его отведя на открытое взморье, Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи. Той порою в высоком покое своем Пенелопа Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши, Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный

790

Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.

795

Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Евмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он

800

Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
“Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?”

805

Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах неведим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною”.
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,

Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:

810

“Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,

815

Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не выдавший, с людьми говорить не обывший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;

820

Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну”.
Темный призрак, ответственюя, так прошептал Пенелопе:

825

“Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя – для нее все возможно, –

Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня”.

830

Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
“Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?”

835

Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
“Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно”.
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провев
Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа

840

Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокою полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров

845

Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань

С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Песнь пятая

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властью первый.

5

Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
“Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

10

Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, –
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно

15

Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать

Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон”,
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж

Ты проводи осторожно сама – то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку”.
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
“Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой

Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,

Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почеть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи

Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит”.
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,

Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.

Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий

Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.

Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров

60

Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополы, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;

65

В лиственных сенях гнездились там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;

70

Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился бы и радость в его бы проникнула сердце.

75

Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда

Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,

80

Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.

85

Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
“Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,

90

Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье”.
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.

95

Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он отвечивал нимфе прекраснокудрявой:

“Знать от меня ты – от бога богиня – желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, –

100

Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.

105

Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.

110

Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную

115

Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел”.

Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе

120

Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали до тех пор, пока златотронная он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.

125

Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу

130

Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул – корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.

135

Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он – когда уж того так упорно желает Кронион –

140

Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться”.

145

Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
“Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказание”.
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,

150

Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом берегу, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно

155

В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:

160

“Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Бруснях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.

165

Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, –

170

Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно”.
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
“В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну

175

Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне”.

180

Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
“Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответственю мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,

185

Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;

190

Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце”.
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,

195

Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амброзии подали с нектаром сладким.

200

Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,

205

Хочешь немедля меня ты покинуть – прости! Но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья

210

С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?”
Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:

215

“Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней,
ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотой равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалюсь, желаю

220

Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно

225

Дню”. Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.

230

Светло-серебряной ризой из тонковоздушных ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,

235

Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,

240

Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью

245

Выскоблил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое

250

Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,

255

Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же

260

Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море,
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,

265

Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напярк Одиссей и, попутному ветру

270

Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно

275

Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами

280

Горы тенистой земли феакиян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;

285

Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
“Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я

290

Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить”.
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикливав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.

Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо!

С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду

Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне

Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахейн мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...”
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;

Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он

Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил

Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,

По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,

335

После богиня, бессмертия честь воспрнявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
“Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно

340

В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,

345

Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море

350

Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися”.
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;

355

Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.

360

Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошусь вплавь: я иного теперь не придумаю средства”.

365

Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,

370

Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготовась, потом он отважно

Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
 В виде лазурнокудрявой потрянул головой и воскликнул:
 “По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
 Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
 Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен”.

Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
 В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
 Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
 Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
 Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею

Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
 Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
 Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
 Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
 Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же

С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
 Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
 В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
 Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
 Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье

Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся)
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, –
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.

Но, от нее на таком расстоянье, в каком человеческий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,

Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
“Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?”

К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибался, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.

415

Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снов;
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным

420

Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец”.
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,

425

Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему
прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала

430

Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа

435

Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася

440

Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:

445

“Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих

450

Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту”.
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли

Руки могучие: в море его изнурилося сердце;

455

Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,

460

Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:

465

“Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на берегу потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишеного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.

470

Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный

Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным”.
Так размышлял он; ему наконец показалось удобней

475

Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;

480

Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно

485

В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груды увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя

490

В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листьями зарывшись, грелся, и очи

Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

Песнь шестая

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиан,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,

5

В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,

10

Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиной вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,

15

В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь молодой, почивала
Дочь Алкиной, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были

Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ принявшая девы молодой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:

“Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заранее
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;

Мать и отец веселятся, любуясь нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитесь все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода

В нашей земле, где сама знаменитою ты родилась.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично –

Путь к водоемам от стен городских утомительно долог”.
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух

Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,

Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных

Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
“Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.

Должно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы

Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе”.
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
“Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,

Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб”.
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуюсь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна

Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным

Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.

К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому берегу потока пустили

Сочно-медвяной травую питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом

На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна

100

Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах, веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;

105

С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей – и любитесь ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотой девичьей подруг затмевала царевна.

110

Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:

115

Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
“Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область

Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;

Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать”.
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листьями
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.

Вышел он – так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.

Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина

140

Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявья девы?
Или, в почтительном став отдаленье, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?

145

Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленье
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
“Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.

150

Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны

155

Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную венком богатым.

160

Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доньше; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я – там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, –
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,

165

Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий),
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивясь тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.

170

Только вчера, на двадцатый мне день удалось избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей – еще не конец им;
Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.

175

Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.

О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым

Людям на зависть и горе, себе на великую славу”.
Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
“Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дей же и низким, и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;

Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обитателей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.

В граде живет и землей здесь владеет народ феакийян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы”.
Тут обратилась царица к подругам своим и служанкам:
“Стойте! Куда разбежались вы, устрашась иноземца?

200

Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах

205

Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны – к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;

210

Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке”. Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.

215

После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
“Девы прекрасные, станье поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею

220

Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы”.
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,

225

Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея

230

Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облакая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;

235

Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
“Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;

240

Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,

245

Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги”.
Так говорила царевна. Ее повинуюся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,

250

Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:

255

“Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй

260

С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом – у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева

265

Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вокруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданиях хранятся; там гладкие также готовятся весла.

270

Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может

275

Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
“С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурю, к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?

Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
 Бог низлетевший – и будет она обладать им отныне?
 Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
 Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
 Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных”.

Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
 Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
 Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,
 В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
 Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь

Скорую даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
 Есть близ дороги священная роща Афины из черных
 Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
 Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
 Садам в таком расстоянье от града, в каком человеческий

Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
 Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем;
 когда же
 Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
 Встань и во внутренность града войди и расспрашивай
 встречающих,

Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.

300

Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строениями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;

305

Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царицы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.

310

Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умолай, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моление твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,

315

Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь”.
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной

Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали

320

Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшись, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
“Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,

325

Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских”.
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь

330

Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

Песнь седьмая

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая
Въехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу

5

Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Евримедуса
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,

10

В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навсикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина

15

Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокою Зевса богиню Афину

В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
“Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека

Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;

Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно

Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли”.
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.
Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,

На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены

Чудной красоты, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
“Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя

В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшась;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удастся.
Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит

Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навсифой Посейдоном земли колебатель прижит
Был с Перибеей, всех дев затмевавшей своей красотой,
Младшею дочерью мужа могучего Евримедонта,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он

Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навсифоя; и первым царем феакиян
Был Навсифой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен

Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе

Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.

Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь”.
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла

Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Ерехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,

Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого золота;
Притолки их из серебра утверждались на медном пороге;

Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две – золотая с серебряной – справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.

Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садились чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.

100

Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,

105

Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены

110

Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятиный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,

115

Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму, и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;

120

Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные

125

Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарно-густым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,

130

Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждана в нем черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
Долго, дивясь, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он

135

Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;

Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.
Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;

Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
“Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши

Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими”.
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.

Но наконец Ехеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были, и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
“Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий

160

Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих

165

Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней”.
Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою

170

Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут для умытия рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

175

Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: “Наполни кратеры вином и подай с ним

Чаши гостям, чтоб могли громолубцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье”.
Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.

Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: “Приглашай,
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,

Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить гекатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;

Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия роковую вплели для него при рожденье.
Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,

200

То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им гекатомбы приносим;
С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским

205

Странником встретится – он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом

210

Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.
Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпенных с трудом непомерным по воле бессмертных;

215

Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;
Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных, и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно

220

Требует пищи себе и меня забывать принуждает
Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.
Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б

225

Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть”.
Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.

230

Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою

235

Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодю брошен”.

Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
“Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов, – об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает

Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом

Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившись дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,

Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно

260

Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осьмой приведен был времен обращением;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров – не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши

265

Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилось милое сердце,

270

Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посейдон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:

275

Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему берегу меня многотуманные ветры и море;
Гибели б мне не избегнуть, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:

Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки – показалось то место приятным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным

Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:

Дев, провожавших царевну твою, я увидел на берегу;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли, – молодежь рассудительна редко.

Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам”.
Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
“Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,

Если б она пригласила тебя за собою немедля
 Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей
 обратился”.

Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
 “Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
 Следовать мне за собою она предложила немедля;

Я ж отказался – мне было бы стыдно; при том же подумал
 Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
 Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди”.

Царь Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:
 “Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому

Сердце не склонно; приличие ж должно во всем наблюдать нам.
 Если б – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
 Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
 Сходный, супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
 Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы

Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
 Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неужодно.
 Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
 Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшись, будешь
 Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь

320

В землю отцов иль в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,
Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, –
Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был

325

Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.
Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые”.
Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;

330

Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
“Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну”.
Так говорили о многом они, беседуя сладко.

335

Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.

Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же

340

Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
“Странник, иди почивать: для тебя приготовлено ложе”.
Радостно было усталому гостю призыванье к покою;
Сладко-целительный сон наконец он вкусил безмятежно,

345

В звонко-пространных сенях на кровать прорезную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

Песнь восьмая

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос –
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя

5

На площадь, где невдали кораблей феакийцы собирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,

10

К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
“Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На площадь все соберитесь, дабы иноземца, который
В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен”.

15

Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,

Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
Мог приобрести от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.
Все собралися они, и собрание сделалось полным.

Тут, обратясь к ним, царь Алкиной произнес: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Гость иноземный – его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл –

Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,

В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.

Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой пространный
Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней приял от богов он

Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце”.
Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодно соленого моря собравшись, вместе

К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши

Легкий корабль на открытое взморье, они собрались
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
Сделались полны – там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь

Остроклычистых свиней Алкиной повелел им резать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.

Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему – чтоб ее мог найти он –
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул

Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождах знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,

Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахейн:
Знаменьем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов

В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел, – а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,

Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.

Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезясь.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя

Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веселюбивым сказал: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;

Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
 Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратяся, домашним
 Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим
 в кулачном
 Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном”.
 Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.

Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
 За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
 Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
 Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
 На площадь все собралися: толпой многочисленно-шумной

Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
 Вышли из сонма его: Акроней, Окиал с Элатреем,
 Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабесионеем;
 С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,
 Сыном Полиния, внуком Тектона; пристал напоследок

К ним и младой Эвриал, Навболит, равносильный Арею:
 Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
 Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
 К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
 Клитонеоном – три бодрые сына царя Алкиноя.

120

Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустились разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный – какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив

125

Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном

130

Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: “Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,

135

Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильнее и губительней моря;

Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает”.

140

“Умным, – сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму, –
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов”.
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратясь к царю Одиссею:

145

“Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, – но, верно, во всех ты искусен, –
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.

150

Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно

155

Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сию перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться”.

Но Эвриал Одиссею ответствовал с колкой насмешкой:
“Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным

160

В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходиен”.

165

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
“Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин –

170

Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,

175

Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы

Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,

180

В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видал немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный

185

Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом”.
Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил – он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;

190

Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:

195

“Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав

Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
Бросить”. От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.

200

Радуюсь тем, что ему хоть один благосклонный в собрание
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
“Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть может, и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,

205

Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я – с одним не могу Лаодамом:
Гость я его – подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,

210

Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.

215

Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем

220

В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Гераклом, ни с Евритом, метким стрелком эхалийским;

225

Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелою;

230

Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены”.
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.

235

Но Алкиной, возражая, отвечал так Одиссею:
“Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой, – зато ни один, говорить здесь привыкший

240

С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие

245

Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

250

Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратясь
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей
превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.
Пусть принесут Демодок его звонкогласную лиру;

255

Где-нибудь в наших просторных палатах ее он оставил”.
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,

260

Место для пляски уладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подав певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем

265

Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Гефеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил

270

Ложе Гефеста Арей, как открыл, наконец, все Гефесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщенье в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно

275

Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;

280

Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Гефест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос,
крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.

285

Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведаль, что в путь свой Гефест, многославный художник,
пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время

290

Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
“Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Гефест далеко; он на остров Лемнос удалился,

Верно, к суровым синтийям, наречия грубого людям”.

295

Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он и она усypились. Вдруг сети
Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;

300

Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Гефест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;

305

Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
“Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,

310

Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром – но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?

Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.

315

Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.

320

Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце”.
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посейдон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.

325

В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Гефест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
“Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх
одержала;

330

Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который

Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака”.
Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:

335

“Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестносец,
Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?”
Зоркий убийца Аргуса ответственвал так Аполлону:
“Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловец,

340

Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!”
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посейдон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,

345

К славному дивным искусством Гефесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
“Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все доплатит при бессмертных богах он заплатит”.
Бог хромоногий Гефест, отвечая, сказал Посейдону:
“Нет, от меня, Посейдон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?”
Богу Гефесту ответственвал так Посейдон земледержец:

355

“Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я”. Хромоногий Гефест отвечал Посейдону владыке:
“Воли твоей, Посейдон, не дерзну и не властен отвергнуть”.
С сими словами разрушила цепи Гефестова сила.

360

Бог и богиня – лишь только их были разрушены цепи –
Быстро вскочив, улетели. Во Фракию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое

365

Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы.

370

Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь

Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым

375

Бросил один; а другой разбежался и, прыгнув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,

380

Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся”.

385

Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам веселюбивым сказал: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;

390

Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом

Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками

395

Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом”.
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.

400

Но Эвриал, повинувась, отвечивал так Алкиною:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых
Чудной работы ножнах из слоновья кости охотно

405

Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит”.
Так говоря, среброкованный меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртovu сыну:
“Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;

410

Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею”.

Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный

415

Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом”.
Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.
Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,

420

Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратясь к царице Арете, сказал благородный
Царь: “Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих

425

Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.

430

Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье

Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлиянье Зевсу и прочим бессмертным”.
Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом треножным.

435

Тотчас котел треножный на ярком огне был поставлен.
Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,

440

Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
“Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда

445

Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком”.
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыв и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню

450

Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,

455

Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая царица, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царица

460

Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
“Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан”.
Юной царице отвечив так Одиссей многоумный:
“О Навсикая, прекрасноразцветущая дочь Алкиноя,

465

Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан”.
Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.

470

Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубого вепря

475

Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратись к Понтоною:
“Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всем на обильной земле обитающим людям любезны,

480

Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя”.
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же

485

Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
“Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самым наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,

490

Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданье,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,

495

Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили”.
Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:

500

Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.

505

В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские, было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой

510

Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,

515

Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,

520

Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахейцах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,

525

Сияясь от дня рокового спасти сограждан и семейство
Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;

530

Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они незамечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.

535

Он феакиянам веслолюбивым сказал: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем

540

Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово

545

Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.

550

Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоём и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;

555

Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;

560

Сами находят они и жилища людей, и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглою и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя

565

Слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращался морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою

570

Град наш задвинет. Исполнит ли то Посейдон земледержец
Иль не исполнит – пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человек ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:

575

Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий

580

Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,

585

Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник”.

Песнь девятая

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

5

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток

10

Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?

15

Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэрттов, везде изобретеньем многих

Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом

Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом

Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом, –
Хитрая лесь их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,

Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,

Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мои отвергли безумцы;

Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобывших сражаться с коней и не мене

Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,

Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилось утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.

С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее поплыли мы в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от берега, покуда

Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.

Мчались суда, погружаясь в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,

В силах своих изнуренные, с тяжелой печалию сердца.
Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинувшись кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,

Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.
Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.

Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли

Людам, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно

Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же

100

Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них некоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

105

Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им

110

Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый

115

Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от берега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека

120

Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким с псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,

125

Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;
Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.

130

Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой

135

Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подыметса ветер попутный.

140

В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена

145

С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулись берега.
Но лишь коснулись берега они, паруса мы свернули;

150

Сами же, вышед на берег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали

155

Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяя,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,

160

Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов

165

Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, бляенье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

170

Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
“Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,

175

Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?”
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,

180

Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, просторную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,

185

Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;

190

Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же

195

Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев
Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас
В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном –

200

Сан уважая жреца – пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным,

205

Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,

210

В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,

215

Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах

220

Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,

225

Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,

230

Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пищи, явился

235

Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.

240

Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырёхколёсных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,

245

Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.

250

Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
“Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,

255

Жизнью играя своей и беды приключая народам?”
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремющий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу:
“Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же

260

Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,

265

Город великий разрушив и много врагов истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покровы;

270

Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Крониоп,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник”.
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
“Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.

275

Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы

К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я”. Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злему циклопу:
“Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего берега на камни

Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось”.
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил

Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном

К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,

300

Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры

305

Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он

310

Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.

315

С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий

320

Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиной и весом.

325

Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который

330

Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых

335

Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье иль демон его надоумил).

340

Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.

345

Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
“Выпей, циклоп, золотого вина, человеческим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая

350

Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих незаконных поступках услышав?”
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он

355

Чаши. “Налей мне, – сказал он, – еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает;
Твой же напиток – амброзия чистая с нектаром сладким”.

360

Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
“Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,

365

С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь Никто; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают”.
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
“Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый
последний

370

Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок”.
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.

375

Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно

380

Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков – божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,

385

Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;

390

Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.

395

Дико завыл людоед – застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленья

Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких

400

Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюда сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: “Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?”

405

Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?”
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: “Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
Силой не мог повредить мне”. В сердцах закричали циклопы:

410

“Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку”.
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.

415

Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,

Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.

420

Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:

425

Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым

430

Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)

435

Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще не доенные, жалко блеяли в закутах,

440

Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный

445

Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
“Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты

450

Сядкоцветущей травую питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне

455

Ум отуманил; его называют Никто; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отметил бы

460

Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес”. Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов

465

Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля

470

Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:

475

“Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать – наказали тебя и Зевес, и другие

480

Боги блаженные”. Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;

485

Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть

490

Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянье от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
“Дерзкий, – они говорили, – зачем ты чудовище дразнишь?”

495

В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит”.

500

Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
“Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта

505

Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой”.
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
“Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
Телам, Евримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;

510

Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренья мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...

515

Что же? Меня малорослый урод, человечешко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посейдона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,

520

Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может – один он, никто из людей и никто из бессмертных”.
Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
“О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно

525

То, что тебе колыбель земли не воротит уж глаза!”
Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке:
“Царь Посейдон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул

530

В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртос
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив спутников, поздно

535

Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе”.
Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан.
Тут он огромный первый камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим

540

Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалось море от падшей громады;
Судно ж волною помчалось вперед к недалекому берегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально

545

Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К берегу пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили;
Сами же вышли на берег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;

550

Мне же от светлообутых спутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на берегу
В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я

555

Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.
Жертву принеся, мы целый там день до вечерного мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

560

Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собрались и все отвязали канаты.
Спутники все собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

565

Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти.

Песнь десятая

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж поднимаются гладким утесом.

5

Там от супруги двенадцать детей родилось Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе
Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют

10

В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал

15

Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготоясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девяти годового

Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.
Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья

Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все, мы погибли.
Девять мы суток и денно и ночью свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.

Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали

Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
“Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал

Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним – а в дом свой должны возвратиться с пустыми
руками.

Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом

Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много”.
Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглись ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от берега отчизны умчали в открытое море.

Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова

Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасись водой ключевой,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо

К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
“Ты ль, Одиссей? Не зловердый ли демон к тебе прикоснулся?”

Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно пробыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?”
Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
“Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно”.

Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне отвечал с гневом:
“Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.

Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен”.
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,

Помощи всякой лишены собственным жалким безумством.

80

Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там, возвращался с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись

85

Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночью сближается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн

90

Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.

95

Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:

Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.

100

Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людам, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.

105

Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: “Желаем узнать мы,

110

Дева, кто властвует здешним народом и здешней страной?”
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору, – они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата

115

Вызвать; и он, прибежав, на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие

Бросились в бегство и быстро к судам возвратились; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;

120

Много сбежалось их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялась тревога – ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город

125

Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсеки
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть

130

Близкой беды: уstraшенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

135

Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна

Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.

140

К берегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.

145

Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь
голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел

150

Я за широко разросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на берег, где стоял наш корабль, возвратиться,

155

Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благодетель бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной

160

Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застонав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,

165

Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи

170

Ношу и с нею пошел к кораблю, на копье опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снести: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: “Ободритесь, товарищи, в область Аида

175

Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод”.
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;

180

Всех их олень изумил, несказанно великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на берегу,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;

185

Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
“Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:

190

Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чем от беды нам спастись; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:

195

Остров, безбрежную бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса”.
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце:
В память пришли им и злой лестригон Антифат, и надменный

200

Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы, – напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;

205

Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Жеребьи в медноокованном шлеме потом потрясли мы –
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.
В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставя нас, горем объятых.

210

Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпились горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали

215

К ним миролюбив и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся – им же всегда он приносит остатки обеда, –
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появлением они, приведенные в ужас,

220

К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
К спутникам тут обратятся, Политое, мужей предводитель,

225

Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой,
сказал им:
“Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей”.
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.

230

Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским

235

Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною

240

Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою

245

С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленье великом расспрашивать стали,

250

Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
“Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы слышали, пела прекрасно певица, за тканью

255

Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши погибель;
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.

260

Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши”.
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом

265

Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
“Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
Бегством спастись, иль все мы ужасного дня не минуем”.

270

Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
“Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно”.
С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.

Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезлом золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном

Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
“Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здесьнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаясь, оттуда

Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:

Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над, тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным жезлом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,

Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка –
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой

Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь”.
С сими словами растение мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;

Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растение, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.

Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив серебровоздный

Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
 В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
 Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
 Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
 Чару она, дав удар мне жезлом и сказав мне такое

Слово: “Иди и свиньею валяйся в закуте с другими”.
 Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
 Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
 Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
 Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:

“Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
 Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был
 Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
 Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
 Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,

Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
 Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
 Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.
 Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
 Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком

Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем”.
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,
Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь

Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне, –
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь”.

Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;

Все они дочери были потоков, и рощ, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждому креслам другая серебряный чудной работы

355

Стол пододвинула с хлебом в золотых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки золотые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила

360

Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье
Тела. Когда ж и омыт я, и чистым натерт был елеем,

365

Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
В светлый покой я вступил, и она к серебrogвоздным, богатым
Креслам меня проводила, – была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,

370

Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.

Видя, что думой объятый сажу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
“Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?

Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой”.
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
“О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою

Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть”.
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,

Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;

395

Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенной станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.

400

Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере

405

Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися”.
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.

410

Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напивавшихся сочной травой луговой,
Все им навстречу бегут, из заград вырывался тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,

Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
“Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б

В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?”
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
“Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти

Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете”.
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,

Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
“Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных
густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится

435

То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною”.
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью

440

Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
“Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;

445

Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи”.
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на берегу;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.
Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи

450

Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,

Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.

455

Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
“Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы, – горе

460

Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью

465

Вы затворяете, – были велики страдания ваши”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тех пор вседневно, в течение мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда наконец обращеньем времен совершен был

470

Круг годовой, миновались месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
“Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,

Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних”.

475

Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.

480

Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
“О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье

485

Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем”.
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.

490

Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.

Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде

495

Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют”.
Так говорила богиня; во мне растерзалось сердце;
Горько заплакал я, сидя на ложе, мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.

500

Но напоследок, богине отвечая, так я сказал ей:
“Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный”.
Так спросил я богиню, и так мне она отвечала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,

505

Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого берега, где дико растет Персефонин широкий

510

Лес из ракушек, свой теряющих плод, и из тополей черных,

Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мгlistую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там

515

Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.
Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,

520

Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещање безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тиресия ж более прочих уважить, особо

525

Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
После (когда обещање дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана, – к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, –
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой

530

Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

535

Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль

540

Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься”.
Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушных ткани
Нежные плечи одеда свои, золотым драгоценным

545

Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
“Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду”.

550

Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Ельпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одоренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли

555

Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком

560

Оземь, сломил позвоночную кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
“Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,

565

Душу Тиресия фивского должен сперва спросить я”.
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну – от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему берегу,

570

Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела чернорунную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

Песнь одиннадцатая

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно

5

Все мы взошли сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно

10

Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно

15

Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

20

Судно, прибыв, на песок мы встали; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши

25

Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменной все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:

30

В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,

35

Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,

Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,

Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших

К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.

Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
“Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном”.
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:

“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,

Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих годах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,

Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) – о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,

Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил”.
Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:

“Все, злополучный, как потребуешь, мною исполнено будет”.
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.
Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей

Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном, – ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжело то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.

Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
“Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?”

Но отслоился от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившись, мог я по правде пророчить”.
Так он сказал; отслоняся от ямы, я меч серебровоздный
Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившись черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:

100

“Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колыбель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть

105

Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.

110

Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избежнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море

115

Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,

120

В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой – покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,

125

Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям, – от меня же узнай несомнительный признак:
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
“Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?” –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,

130

Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба втадыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном

135

Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною”.
Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:
“Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.

Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завести разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?”

Так я его спросил, и, отвечая, так мне сказал он:
“Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь”,

С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:

“Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,

Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
 По морю долго скитавшись, прибыл сюда? Неужели
 Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?”
 Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
 “Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;

Душу Тиресия фивского мне спросить надлежало
 В землю ахейн еще я не мог возвратиться; отчизны
 Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
 С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл
 В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.

Ты ж мне скажи откровенно, какую из Парк непреклонных
 В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
 Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемиды богиня
 Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
 Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:

Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
 Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?
 Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
 С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
 Иль уж с каким из ахейских владык сочеталась браком?”

180

Так я ее спросил; Антиклея мне так отвечала:
“Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни: и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,

185

Дома своим Телемах достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;

190

Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложу из листьев опалых, насыпанных мягкой грудой.

195

Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотраднa.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,

200

Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь”. И умолкла она. Увлеченный

205

Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:

210

“Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?”

215

Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
“Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблуждение не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;

220

Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге”.

225

Так, беседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен – их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их спросить поочередно

230

Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и спрашивать каждую мог я.

235

Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;

240

Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные встали горой и, слившись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.

245

Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
“Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден

250

С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.
Но, возвратясь к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посейдон земледержец”.
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
В срок от нее близнецы Пелиас и Нелей родилися;

255

Слуги могучие Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолкосе
Тучнополянником жил Пелиас; а Нелей жил в песчаном
Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эсон, и Ферет, и могучий ездок Амифаон.

260

После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Зефос; положили
Первое Фив семивратных они основанье и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных

265

Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.
Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
Сына Геракла, столь славного силой и мужеством львиным,
Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.
После явилась Мегара; Креон, необузданно смелый,

270

Был ей отцом; а супругом Геракл, в испытаниях твердый.
Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнанье она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.

275

Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался

Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эриний.
После явилась Хлорида; ее красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Деву прельстивший; был царь Амфион Иасид, Орхомена
Града минийского славный властитель, отец ей; царица

Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
После Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих

С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.
Но когда миновались месяцы, дни пробежали и годы,

Круг совершился и Оры весну привели, – Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесева сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.
Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась,
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:

300

Коней смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный.
Оба землю они жизнедарною взяты живые,
Оба и в мраке подземном честимы Зевесом, вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.

305

Ифимедию, жену Алоея, потом я увидел;
С ней сочетался, – хвалилась она – Посейдон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Огос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;

310

Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;

315

Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый

320

Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.
Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида

325

Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явились жены и дочери древних героев;

330

Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удалясь ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мои отъезд учредите с богами”.
Так говорил Одиссей, – все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.

335

Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
“Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно мой гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами

Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
 Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства”.
 Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
 Ранее всех современных ему феакиан рожденный.
 “С нашим желаньем, друзья, – он сказал, – и намереньем нашим

Слово разумной царицы согласно; ему покориться
 Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит”.
 Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
 “Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
 Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиан

Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
 В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
 Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
 Общая всем вам, моя ж наипаче я здесь повелитель”.
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
 Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
 Мои учреждая отъезд и дары для меня собирая,
 Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
 С полными в милую землю отцов возвратиться руками.

Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку”.
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
“Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный

Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить

Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;

Слушать тебя я готов до явления светлой Денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься”.
Так говорил он; отвечал так Одиссей хитроумный:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя?

380

Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел как утратил последних спутников; также
Кто из аргивян, избегши гибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.

385

После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали –
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.

390

Крови напившись, меня во мгновение узнал Агамемнон,
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.

395

Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
“Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какую ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,

400

Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где напал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?”
Так спросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:

405

“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;

410

С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном доме гостелюбца, скопившего много богатства,

415

Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, –
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,

420

Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно

425

Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив

430

Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним –
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных”.

435

Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
“Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игрищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра”.

440

Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
“Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна гибель;

445

Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает

450

В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновение зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:

455

Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слышал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пилосе?
В Спарте ль

460

Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный”.
Так спросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
“Царь Агамемнон, о сыне твоём ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно”.

465

Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой

470

После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тень быстрого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: “Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?”

475

Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишённые чувства, безжизненно веют?”
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
“О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,

Здесь я затем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне

480

Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;
В землю ахейя еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;

485

Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как
в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный”.
Так говорил я, и так он отвечивал, тяжело вздыхая:
“О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,

490

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженьи мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?

495

Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,

Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной

500

Трое губил ополченья и грудью стоял за ахеян.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших”.
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:

505

“Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоём благородном, возлюбленном Неоптоleme
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;

510

Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;

515

Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;

Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Еврипила, Телефова сына, губительной медью

520

Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Эпеосом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады

525

Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся

530

Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл

535

В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится”.
Так говорил я: душа Ахиллеса с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу

540

Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу

545

Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,

550

Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
“Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых

555

Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копыеносных данаев

560

Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца”.
Так я сказал; не ответственвал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.

565

Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремилло желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,

570

Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.
После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он –
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной

575

Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.
Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Десять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки

580

Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнию:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

585

Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных деревьев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,

590

Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнию;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками

595

В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,

600

Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видал я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры.

605

Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобясь ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вдруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав

610

Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грозноokie, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.

615

Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжело вздохнул и крылатое бросил мне слово:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?

620

Сын я Крониона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.

625

Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина”.
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.

630

Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,

635

Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,

Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

Песнь двенадцатая

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденные Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;

5

К берегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встали;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скликав, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там

10

Труп Ельпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,

15

Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые

Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближась, сказала:
“Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра

Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленья, чтоб снова какая, безумием вашим
Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на море темном”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака

Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы

Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
“Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежную чарой

Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приближась,
их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом

Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать

Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пенем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб
сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.

После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.

Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их

60

Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;

65

Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обезжавший, корабль невредимо

70

Их миновал – посетитель Эета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают

75

Темногущенные ту высоту, никогда не редяя.
Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый

Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел, – столь ужасно, как будто обтесанный, гладок

80

Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;

85

Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
Двигается спереди лап у нее; на плечах же косматых

90

Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.

95

Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных

Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,

100

Разом она по шести человек с корабля похищает.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,

105

Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посейдон от гибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держася скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам

110

Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
Всем”. Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
“Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?”

115

Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:

“О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.

120

Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение – бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на погранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь Кратейю:

125

Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас нападения может.
Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны

130

Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Гиперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной

135

Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подынешь на них, то пророчу погибель

140

Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избежнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну”.
Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля

145

Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,

150

Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
Я ж, обратясь к спутникам, так им сказал, сокрушенный:
“Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать

155

То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избежать.
Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;

160

Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежно плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, – двойными скрутите мне узами руки и ноги”.

165

Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.

170

Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску округ изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони

175

Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.

180

Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
“К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,

185

К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладкого пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая

190

Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится”.
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой

195

Начали грести; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым

200

Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно

205

Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
“Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей

210

Нас, заключенных в пещере свирепую силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей

215

Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
Нам от гибели близкой уйти неведимо поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попечение
Главное я возлагаю – ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвести от волненья и дыма,

220

Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью – иначе корабль, несомненно, погибнет”.
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, грести переставши,

225

Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу

230

В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;

235

Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же

240

Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.

245

Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом

250

Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:

255

Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось.

260

Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелиосово стадо.
С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я

265

Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.

270

Тут к сокрушенным спутникам речь обратил я такую:
“Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелпос, смертных людей утешитель:

275

Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите”.
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце.
Мне ж, возражая, отвечивал так Еврилох непокорный:
“Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой

280

Силой, усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь

285

Мимо уютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.
Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболее

290

В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.
Лучше теперь, покоровшись велению темных ночей,
На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с Денницею пустимся снова в пространное море”.
Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.

295

Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
“Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.
Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов

300

Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея”.
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе

305

Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.
Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,

310

Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой пред нами.
Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися – вдруг громовержец Кронион Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили

315

Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры.
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.
Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:

320

“Черный корабль наш, друзья, запасен и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;
Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает”.
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.

325

Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; все другие
Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпуровым,
Были спокойны; быков Гелиосовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,

330

Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Острогобенными крючьями удили – голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольно,

335

Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:

340

“Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодную смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.

345

После – когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш

350

В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять”.
Так говорил Еврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они – невдали корабля темноносого стадо

355

Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, —
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,

360

Бедрa они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,

365

Все изрубили на части и стали на вертелах жарить.
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,

370

Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
“Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили”.
Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый

375

Сын извещен был Лампетпей, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
“Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быков, на которых

380

Так любовался всегда я – всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших”.
Гневному богу отвечивал так тученосец Кронион:

385

“Телиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю”.
(Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же

390

Все рассказал вестносец крылатый Кронионов, Эрмий.)
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал; но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:

395

Кожи ползли, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавало бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,

400

Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,

405

Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом

410

Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила
Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшись вглубь, там пропал, и из тела

415

Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион.

420

Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Киля водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вокруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,

425

Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло

430

Солнце – себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться – висел на руках я.

435

Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал – и уж около часа, в который судья, разрешивши

440

Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади, – выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всю упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.

445

Скилле ж владыка бессмертных Кронион меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна гибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.

450

Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды”.

Песнь тринадцатая

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
“Если мой дом меднокованный ты посетил, благородный

5

Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращаюсь теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.

10

Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
Ризы, и чудной работы золотые сосуды, и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым

15

Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам”.
Так Алкиной говорил; и, одоблив его предложенье,
Все по домам разошлись, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;

Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.
Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,

В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многочтимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,

С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад –
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.

Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
“Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;

Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратяся в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею

Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось”.
Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратяся тогда к Понтоною, сказал феакиян

Царь благородный: “Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром”.
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье

Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подал царице Арете двурусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: “Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе

Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем”.
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он

Путь указал к кораблю и к песчаному берегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светло-пурпурным вином и с запасом еды на дорогу.

К берегу морскому они подошли и, принявши из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно

Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды

Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной

Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчалю вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете, –
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,

Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих выдавшего браней –
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,

К берегу Итаки достигнул корабль, обегающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбуждает извне нагонять на спокойную пристань

100

Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывающим наядами нимфам;

105

Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездяся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткнут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:

110

Людам один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен – не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным
открыт он.
Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул – так быстро

115

Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у берега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;

120

После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.

125

Кончив, пустилися в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: “О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,

130

Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки

135

Спящего, мне вопреки, довели, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился”.

Гневному богу отвечал туч собиратель Кронион:

140

“Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почитит, накажи беспощадно.

145

Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу”.
Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
“Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражать не страшился;
Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея

150

В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город”.
Гневному богу отвечал так громовержец Кронион:
“Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет,

155

Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо

Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город”.
Слово такое услышав, могучий земли колебатель

160

В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошед, колебатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул: потом удалился.

165

Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веслолюбивые, смелые гости морей феакийцы,
Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
“Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно”.

170

Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: “Феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посейдон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.

175

Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращался морем туманным,

Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:

180

С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посейдону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой”.
Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый

185

Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он –
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла

190

Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым

195

Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами

Гладких утесов, и темные сени деревьев черноглавых.
Вставши, с великим волнением он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:

200

“Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле

205

Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без хранения
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы

210

Были в поступках со мною и царь, и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В милую прямо Итаку меня и нарушили слово;
Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодеяния.

215

Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном”.
Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари, все драгоценно-сотканые ризы, и целым
Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,

220

Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,

225

Ноги сияли в сандалиях, легким копьём подпиралась.
Радуюсь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
“Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне

230

Это добро, и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий

235

Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?”
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Видно, что ты издалека пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен

240

Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманная ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда

245

Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахейн”.

250

Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,

255

В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
“Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,

260

Идоменева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)

265

Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас

270

Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти

275

Или в Элиду, священную область эпеев, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,

280

Сколь ни стремил к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглись на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратясь

285

Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный”.
Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою.

290

Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
“Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной

295

Лжи и от слов двоясмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же

300

Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских

305

Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец – ты сам, возвратившийся; молча

310

Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева”.
Светлой Афине отвечив так Одиссей богоравный:
“Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна

315

В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого

320

Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом

325

(Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю иную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?”
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

330

“В сердце моем благосклонность к тебе сохранилась та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;

335

Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела – напротив,

340

Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.

345

Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами, нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто

350

Ты приносил гекатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким”.
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилось веселье;
Бросился он целовать плододарную землю отчизны;

355

Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
“Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно

360

Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недрах просторного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.

365

После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней”.
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стены закоулки ощупала; сын же Лаэртос
Все, и нетленную медь, и богатые платья, и золото,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;

370

В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широколиственной маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:

375

“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду

380

Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя”.
Светлой Афине отвечивал так Одиссей многоумный:
“Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,

385

Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело

390

Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро

395

Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнав: наморщю блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы злато-темные кудри, покрою

400

Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,

405

Главному здесь над стадами свинными смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Панелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретусы лазоревой стадо пасется,
Жадно питался там желудьми и водой запивая

410

Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемаха оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать

415

Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать”.
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
“Ведаю все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив”.

420

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
“Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.

425

Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит”.
С сими словами богиня к нему прпкоснулася тростью.

430

Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы злато-темные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым

435

Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,

К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

Песнь четырнадцатая

Тою порою из пристани вкруть по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.

5

Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отсюда обходный; его для свиних там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых

10

Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой

15

Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто – матки одни для расплода; самцы же во внешних
Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);

Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие

Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;

С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:

Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять
он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одиссею:
“Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:

Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).

В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил”.
Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих

Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
“Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял”.

Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято – Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в
беспрестанном

60

Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодущный

65

Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших

70

Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный”.
Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,

75

Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал

Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:

80

“Странник, – сказал, – не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать – свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;

85

Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабят обывские, – многотой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагруживши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, –
Страх наказанья великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),

90

Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно всё грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;

95

Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.

Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей – на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке – того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:

100

Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свиных, и не менее козьих (пасут их;
Здесь козоводы свои и наемные), также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад, и особые их стерегут на горах козоводы,

105

Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козю, меж лучшими выбранной, ходит,
Так же вседневно и я, над стадами свинными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен”.
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно

110

Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина – и его свинопас с удовольствием принял;
Гость же, к нему обратившись, бросил крылатое слово:

115

“Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;
Знать я желаю не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам

120

Очередь что про него рассказать – я давно уж скитаюсь”.
Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
“Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги

125

Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и то бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно
Явился к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли

130

Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали – и с телом душа разлучилась,

135

Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы

140

Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их
Образ увидеть главами, хоть раз посетить их в отчизне, –
Нет, об одном Одиссее далеко я плачу; ах, добрый

145

Гость мой, ею и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю”.
Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
“Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он

150

Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Платье тогда подаришь мне хитон и хламиду; до тех пор,

155

Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся

160

Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свои круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел”.

165

Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне

170

Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись, возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы – я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемах, – но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,

175

Я сокрушаюсь как ветвь молодая, воспитан богами
Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, –
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,

180

В Пирос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись
в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркесия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его – попадетс я им в руки
Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, – теперь ты

185

Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какую дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш

190

(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остались двое

195

Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле
бессмертных.
Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;

200

Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;

205

Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый

210

Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном не робок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний

215

Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;

220

Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;

225

Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне – боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.
Прежде, чем в Трою пошло броненосное племя ахейн,

230

Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил – и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,

Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же

235

Грозно гремющий Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.

240

Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.
Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном

245

Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собрались
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы

250

Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море

Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш

255

Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинуюсь кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди

260

Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,

265

Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый

270

Силы врага не поспел, и отсюда нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих

Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.
(О, для чего избежал я судьбины и верной не встретил

275

Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кронион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом

280

Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился – а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертью мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем – он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.

285

Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;

290

Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,

Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновались месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,

295

В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительнохладным Бореем

300

Плыли; уж Крит был за нами... Но Дий нам готовил погибель;
Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось;
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело

305

Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине – возврата лишил их Кронион

310

Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил
Вовремя он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избежать;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
Девять носившихся дней по волнам, на десятый с наставшей

315

Ночью ко берегу феспротов высокобегающей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался

320

Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;

325

Даже и внукам в десятом колене достанется много –
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
Как, по отсутствию долгом – открыто ли, тайно ли, – в землю

330

Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен

335

Был для фесиротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
Только от берега феспротов корабль отошел мореходный,

340

Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.

345

Тут с корабля крепкозданного – прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне – все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,

350

Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком

355

Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустились в путь; так самими богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне”.

360

Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно

365

На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,

370

Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынноком; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же

375

Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все – как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,

380

Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял;
– Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея, – сказал он, –
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку

385

Я и товарищи будем с несметно-великим богатством. –
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Диом,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь –
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок”.

390

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:

395

Если домой возвратится, как я говорю, господин твой –
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится – всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам

400

Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги”.
Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
“Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь, и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,

405

Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы – тогда и желанную вечерю здесь мы устроим”.
Так говорили о многом они, беседуя сладко.

410

Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
“Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого

415

Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие”.
Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши

420

В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

425

Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж

430

Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил

435

Первую нимфам, и Эрмию, Майину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтовой частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: “Да будет

440

Столь же, Евмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков”.
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает

445

Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно”.
С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Месавлий, который, в то время как в Трое

450

Царь Одиссей находился, самым свинопасом из денег
Собственных был, без согласия царицы, без спроса с Лаэртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,

455

Хлеб со стола был проворным Месавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин

460

Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
“Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать – вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: она и умнейшего громко

465

Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить.
О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!

470

Были Атрид Менелай с Одиссеем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашенью;
К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали

475

Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;

480

Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;
Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонились с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,

485

Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надумил меня; никакого нет средства согреться”.

490

Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был завсегда и на умный совет, и на храброе дело.
Шепотом на ухо мне отвечал он: “Молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахейн, товарищей наших, здесь спящих, подслушать”.
Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,

495

“Братья, – сказал, – мне приснился божественный сон;
мы далеко,
Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей
не замедлил”.
Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;

500

Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.
О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы

505

Мне – из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?”
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой

510

Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытывавшего странника нужном, отказа не встретишь;
Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно: он его до износа

515

С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердце желанную землю ты будешь отправлен”.
Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьею

520

Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;
Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглись кругом. Но Евмей, разлучиться

525

С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматою, от ветра защитной, широкой

Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

Песнь пятнадцатая

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемаха с возлюбленным сыном

5

Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:

10

“Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,

15

Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Евримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твое там похитить добро; ты довольно

20

Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо

25

Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда
Боги тебе самому не укажут достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,

30

Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, незаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный

35

Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.
Но, подошед к каменисто-высокому берегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на берегу и после поди к свинопасу,
Главному там над свинными стадами смотрителю; верный

Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился”.
Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемах Писистрата,

Пяткой толкнувши его и сказавши ему: “Пробудися,
Несторов сын Писистрат; и коней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам”.
Несторов сын благородный ответствовал так Телемаху:
“Сын Одиссеев, хотя и спешишь ты отъездом, но в путь нам

Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.
Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной

Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно”.
Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сын Одиссеев, его подходящего вида, поспешно

Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
 Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;
 Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
 Сын Одиссеев, подобный богам Телемах благородный:
 “Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,

В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;
 Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует”.
 Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
 “Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,
 Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю

Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
 Людям сучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
 Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
 Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
 Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.

Но подожди, Телемах, чтоб в твою колесницу подарки
 Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
 Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
 Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
 Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.

Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, –
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких

Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный”. Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
Должно прямым мне скорей возвратиться путем – без надзора
Дом и богатства мои, отправляясь в путь, я оставил;

Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое”.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.

Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Возфов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням

100

Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапентом;
Вшел в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
Выбрал Атрид там двурусный кубок, потом Мегапенту
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало

105

Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаху навстречу

110

Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: “Благородный
Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Геры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;

115

Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федин благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь”.

120

С сими словами вручил Телемаху двурусный кубок
Сын благородный Агреев; кратеру работы Гефеста
Подал, пришедши, ему Мегапент, Менелаев могучий
Сын, сребролитную. Светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: “Одежду

125

Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный”.

130

Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Писистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.

135

Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;

140

Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэфов;
Кубки золотые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Писистрат привязали

145

К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за ними Атрид Менелай золотовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;

150

Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
“Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражались в Трое, ахейцы”.
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:

155

“Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!”

Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
 Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
 В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня
 С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
 Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом

Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
 Несторов сын, Писистрат благородный, сказал Менелаяу:
 “Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
 Знаменье это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?”
 Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый

Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Писистрату.
 Длиннопокровная слово его упредила Елена:
 “Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
 В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
 Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,

Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
 Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
 В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
 Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит”.
 Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:

“Если то Геры супруг, громоносный Кронион, позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться”.
Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчались кони, трясая колесничное дышло.

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орсилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Писистрату, к нему обратяся:

“Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних
Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться

200

Там, чтоб отец твой меня в изъявленье любви не принудил
В доме промедлить своим, – возвратиться безмерно спешу я”.
Так он сказал; Писистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет

205

Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемаха.
После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
“Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте

210

Прежде, пока, возвратяся домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,
Верно, один не воротится, так он упорствовать будет”.

215

Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратяся, сказал Телемах благородный:
“Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой”.

220

То повеление было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Тою порой Телемах приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;

225

Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;
Был он потом принужден убежать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим

230

Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем как в Филадельфийском доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эриний.

235

Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
В Пилос угнал из Филадельфии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою

240

Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.
В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,

245

Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.

250

Клита похитила, светлой его красотой пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарая; но он в Гипересию жить, раздраженный

255

Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаху, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившись, бросил крылатое слово:

“Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью спутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?”

Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Я из Итаки; отцом же моим Одиссей богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,

Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая”.
Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
“Странствую также и я – знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;

Гибель и мстящую Керу от них опасаясь встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой”.
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:

280

“Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят”.
Так он сказал и, копье медноострое взяв у пришельца,
Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,

285

Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,

290

В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносолоной
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.

295

Круны и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеев Элиду.
Острые тут острова Телемах в отдаленье увидел.

300

Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль

305

Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
“Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб собирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.

310

Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;
В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
Людам, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.

315

Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным

320

Людям успех, красоту и великую славу дарует;
Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводите, и сухие дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить, и разрезывать мясо,
Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных”.

325

С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город собираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:

330

Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец – такие
Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там
Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Остаешься

335

Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон, и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердце желанную землю отправлен”.

340

Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртот: “Да будешь,
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок

345

Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.
Здесь я охотно дождусь Телемаха, а ты Расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было –
Если еще Гелиосовым блеском они веселятся;

350

Или уж нет их и оба они уж в Аидовом доме?”
Сыну Лаэртоту так отвечал свинопас богоравный:
“Все по порядку тебе Расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;

355

Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых

360

Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой,
Самую младшею между другими, воспитан; я с нею

365

Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,
Также для ног получил и сандалии; после царица

370

В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедры, однако, успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне

375

Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться”.

Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,

Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?”
“Друг, – отвечал свинопас богоравный, людей повелитель, –

Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.

Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей Денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
Память минувших печалей веселым о них разговором

400

В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытанный их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;

405

Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколение живущих,

410

Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.
Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктесий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру

415

Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:

420

Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался – любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.
Дом указав своего господина, она отвечала:

425

“Я уроженца меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену”.

430

Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
“Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством”.
Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:

435

“Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялися в отчизну меня отвезти без обиды”.
Так отвечала рабыня; и те поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
К ним обратясь, рабыня крылатое бросила слово:

440

“Будем теперь осторожны; молчите; из вас некоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.

445

Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадетя, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:

450

Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смысленый; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка”.
Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.

455

Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:

460

Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.

465

Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду
(Были в то время они на совете в собрание народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем

470

Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размысля.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,

475

Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и ночью мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою

480

Курицей – рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел”.

485

Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
“Добрый Евмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище

490

Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та – без приюта брожу меж людей земнородных”.
Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток

495

Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у берега,
Снасти убрав, Телемаховы спутники мачту спустили,
Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у берега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,

500

Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
“В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком

505

Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю”.
Феоклимен богоравный тогда спросил Телемаха:
“Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому

510

Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?”
“Феоклимен, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же

515

Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Евримах благородный, Полибия умного сын; на него же

520

Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено – брак иль погибель?”

525

Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртovým внуком и судном его быстроходным.
Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемаха,

530

За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
“Знай, Телемах, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственной вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится”.

535

Феоклимену отвечивал сын Одиссеев разумный:
“Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастьем такому
Будет дивиться”. Потом он сказал, обратясь к Пирею:

540

“Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам”.
Выслушав, так отвечал Телемаху Пирей копьевержец:

545

“Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит”.
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.

550

Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемах благородный.

555

Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

Песнь шестнадцатая

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытись
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаху
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;

5

Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
“Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,

10

Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу”.
Слов он еще не dokonчил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу

15

Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать
Лет по разлуке – единственный, поздно рожденный им, долго

Жданный в печали, – с такой свинопас Телемах любовью,
 Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
 Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
 “Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемах, возвратился? Тебя я,
 В Пилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.

Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
 Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доньине
 В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
 В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
 Видеть, как в доме твоём без стыда женихи бунтовали”.

Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
 “Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
 Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
 Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
 С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое

В спальней стоит одиноко, покрытое злой паутиной?”
 Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
 “Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
 Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
 Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали”.

Так говоря, у него он копьё медноострое принял;
В дом тут вступил Телемах, через гладкий порог перешедши.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемах же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: “Не трудися,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко

Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин”.
Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым

Гостем поставил усердный Евмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же

Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемах богоравный: “Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он”.

Так отвечал Телемаху Евмей, свинопас богоравный:
“Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал так для него уж судьбиною соткано было.

Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет”.
Сын Одиссеев разумный отвечивал так свинопасу:
“Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;

Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,

Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы

Ноги обути; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердце желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.

В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число там велико”.

Царь Одиссей хитроумный ответствовал так Телемаху:
“Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно, –
Милым я сердцем жестоко досажаю, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:

Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою, и отважность –

Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
 Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) –
 Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
 Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
 В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда

Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
 Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
 Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков
 и видеть,
 Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
 Их угождать вожделениям гнусным в обителях царских,

Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
 Все истребляя и главного дела окончить не мысля”.
 “Добрый наш гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
 Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
 Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев

Также моих не могу я винить, на которых отважность
 Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
 В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
 Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркесий;
 Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно

120

Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу

125

Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных

130

Скрыто. Теперь побегу ты, Евмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертью мне угрожают”.

135

Так Телемаху сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
“Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?”

Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком

140

Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
В поле никто не встречает, но, охая тяжело и плача,

145

Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости”.
Сын Одиссеев разумный ответственал так свинопасу:
“Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.

150

Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданною старца”.
Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,

155

Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младую, прекрасною, с станом

Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаху ж

160

Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,

165

Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
“Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаху;
Оба, условясь, как женихам приготовить их гибель,

170

Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно”.
Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенной сделался станом, моложе

175

Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.

Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
В хижину снова вступил Одиссей; Телемах, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.

180

В страхе к отцу обратясь, он бросил крылатое слово:
“Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы

185

Здесь с гекатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй”.
Сыну отвечив так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая”.

190

Кончив, с любовью сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза – удержать он ее был не в силах.
Но – что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, –
Снова, ему возражая, сказал Телемах богоравный:
“Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством

195

Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;

Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопратно одетый; теперь же

200

Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Нет, Телемах, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,

205

Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,

210

Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным”.
Так он ответствовав, сел; Телемах в несказанном волненье
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.

215

В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали

220

Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемах, обратись к Одиссею:
“Как же, отец, на каком корабле ты, какую дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты”.

225

Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;
Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими

230

На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком),
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.

235

Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть иль другие помощники нужны?”

240

Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах благородный:
“Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий –
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.

245

Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама

250

Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медонт и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,

255

Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?”
Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:

260

Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах богоравный:
“Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь

265

Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны”.
Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаниях твердый:
“Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.

270

Завтра поутру, лишь только подыметя Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты

275

Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери
Или хотя бы в меня чем швырнули – ты будь равнодушен.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно

280

Все: предназначенный день их гибели близко; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея

285

Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: “В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Троию, покинул:

290

Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо”.

295

Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападение начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:

300

Если ты вправду мой сын и от крови моей приходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей свинопас, ни слугитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое –
Ты лишь да я – наблюдать за рабынями нашими будем;

305

Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести”.
Так, возражая отцу, отвечал Телемах многославный:
“Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом

310

Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всех их,
Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно

315

Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,

320

Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса”.
Так говорили о многом они, беседею сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемаха носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к берегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,

325

На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратяся,

330

В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне собственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемахом был послан.

335

К дому царя многославного оба пришли напоследок.
Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
“Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица”.
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах повелел рассказать, прошептал осторожно.

340

Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.

345

Так говорить им тогда Евримах, сын Полибиев, начал:
“Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемах, от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили

350

Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться”.
Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянув,
Только что к берегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирала пловцы. Обратясь
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: “Не трудитесь

355

Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно, их бог надомил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели”.
Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,

360

Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Евпейтов надменный, сказал им:
“Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!

365

Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном:
По морю плавали взад и вперед до восхода Денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.

370

Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;

375

Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде – пока он народа не созвал на помощь –
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;

380

Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам

385

Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем, –
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,

390

Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратяся,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней”.
Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,

395

Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный:

400

“Нет! Посягать я на жизнь Телемаха, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;
Прежде богов спросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство

405

Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь”.
Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместились гладких.
Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,

410

Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемаха:
Все благородный глашатай Медонт ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,

415

Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
“Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший – так здесь в Итаке

420

Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешеный! Что побуждает тебя Телемаху готовить
Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.
Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, устрашенный

425

Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;

430

Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность”.
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:

435

“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемаха.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю

440

Вижу, тому не бывать, иль – скажу перед всеми, и верно
Сбудется слово мое, – обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.

445

Вот почему и всех боле людей я люблю Телемаха.
Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно”.
Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратясь, там в светлых покаях

450

Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,

455

Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.

460

Встретив его на пороге, сказал Телемах: “Наконец ты,
Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?”
Так, отвечая, сказал Телемаху Евмей благородный:

465

“Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился – первый он все объявил Пенелопе;

470

Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда бысролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;

475

Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно”.
Так он сказал. Телемахова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же

Был удовольствован голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

Песнь семнадцатая

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копьё, заощренное медью, которым

5

Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
“В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотолѣ крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю

10

Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже

15

Будет ему самому; я люблю говорить откровенно”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.

Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуюся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
В рубище этом мне холодно; тело насквозь пронизает

Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко”.
Так отвечал Одиссей. Телемах благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
Там, боевое копьё прислонивши к высокой колонне,

Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Поток
Слез облилася, увидя его, Еврикля; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем

Голову, плечи и руки они у него лобызали.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовью нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая

Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
“Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все Расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал”.

Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой

Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;

В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля”.
Так говорил он, и слово его не промчалось мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести гекатомбу,

Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.
Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего вида.

Все вокруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.

Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьeverжец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемах без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:

“В дом мой пошли, Телемах благородный, невольниц, чтоб
взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида”.
Так, отвечая Пирею, сказал Телемах богоравный:
“Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно

Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера –
Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты”.
Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя

В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба

Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студенной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса

Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.
Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же

Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,

100

Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
“Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей, – ты, я вижу, не хочешь,

105

Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?”
“Милая мать, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, –
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный

110

Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;

115

Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.

Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахейн,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.

120

Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какую
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?
Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
“О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,

125

Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травюю обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище –

130

Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном, –
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,

135

Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, –
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,

Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;

140

Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:

145

Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря”.
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги – в отечество милое нас проводил он”.

150

Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: “Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;

155

Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,

Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.

160

Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаху”.
Феоклимену разумная так отвечала царица:
“Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан

165

Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться”.
Так говорили о многом они, беседею сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.

170

Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медонт; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
“Юноши, – он им сказал, – вы играли довольно; войдите

175

В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее”.
Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,

180

Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратясь к Лаэртову сыну:

185

“Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой, – сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.

190

Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.

195

Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить”. Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба

200

Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рублище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок

205

К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею

210

Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им – сын Долионов Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое

215

Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
“Подлинно здесь негодяй негодяя ведет, – говорил он, –
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим

220

Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;

225

Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;
Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;

230

Если войти он отважится в дом Одиссея – скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол”. И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил

235

Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэрт
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:

240

“Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы

245

Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя”.
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал свинопасу:
“Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда

250

Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемаха
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья”.
Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,

255

Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Евримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал

260

Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда слышались струны
Цитры глубокой, потом раздалось и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
“Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.

265

Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком – в них ворваться насильно никто
не помыслит.
Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный

270

Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной”.
Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
“Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать

Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
 Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
 Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
 Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
 Или в тебя не швырнул чем, – я так говорю в осторожность”.

Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
 “Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
 Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
 В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
 Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я

Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
 Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
 Жадный, насильственный, множество бед приключаящий
 смертным
 Людям: ему в угожденье и крепкоробристые ходят
 Морем пустым корабли, принося разоренье народам”.

Так говорили о многом они в откровенной беседе.
 Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
 Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
 Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
 Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких

295

Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;

300

Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея

305

Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
“Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами

310

Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди”.
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
“Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,

Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой

315

Дома оставил, – ее быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;

320

Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет”.
Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,

325

Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.
Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою

330

Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.

Эту скамью пододвинув к столу Телемахову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай

335

Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой

340

Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по снуру обтесавши).
Тут свинопасу Евмею сказал Телемах, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: “Отнеси ты

345

Это, Евмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья – стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично”.
Так он сказал, и Евмей, повинувшись, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:

350

“Это прислал Телемах; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья – стыдливым

Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаху,

355

Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!”
Так он сказал я, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул –

360

Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вокруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.

365

Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обывший.
С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Меланфий, сказал им:

370

“Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел

Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он”.
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:

375

“Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы – чужого еще ты привел к нам обжору”.

380

Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:
“Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,

385

Или певцов, утешающих душу божественным словом, –
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;

390

Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемахом, моим господином”.
Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит

395

Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно”.
Тут, обратись к Антиною, он бросил крылатое слово:
“Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих, – но будет ли Дий
тем доволен?

400

Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник”.

405

Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Евпейтов:
“Что ты сказал, Телемах необузданный, гордоречивый?
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он, –
Верно, сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал”.
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги

410

Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:

415

“Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобисься видом!
Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно

420

Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион – была, без сомненья, святая

425

Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же

430

Дал приказание с ближних высот обзреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабят поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, – тревога до жителей града

435

Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отсюда нас смерть окружила;

440

Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Эсона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имел на пути злоключений”.

445

Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Евпейтов:
“Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойти от стола моего; на середине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!

450

Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попало
Под руку каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убейся ж
Прочь”. От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
“Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;

455

В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждался, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен”.
Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:

460

“Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда”.
Тут он скамейкой швырнул – и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только

465

Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
К двери потом возвратясь, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: “Обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

470

Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бед приключаящий людям желудок.

475

Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных –
Смерть, Антиной, а не брак вожденный ты встретишь,
обидчик”.
Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Евпейтов:
“Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами

480

Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол”.
Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодюя,
Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
“Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанеши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?

485

Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду”.
Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался

490

Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратясь к рабыням, сказала:
“О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!”

495

Ей Евринома, разумная ключница, так отвечала:
“Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил”.
Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
“Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;

500

Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою, –
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил”.

505

Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях
Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
“Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним

Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слышал ли

510

Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много выдавшим”.
Так Пенелопе отвечивал ты, свинопас богоравный:
“Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.

515

Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,

520

В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,

525

Скучно мирским подаяньем питаюсь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращался в дом свой с великим богатством”.

Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
“Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он

530

Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,

535

Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разорется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,

540

С сыном своим он отмстит им за все”. Так царица сказала.
В это мгновенье чихнул Телемах, и так сильно, что в целом
Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
“Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;

545

Слово мое зачихнул Телемах; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут

Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.
Если меня без обмана он доброю вестью утешит,

550

Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь”.
Кончила. Ей повинуюсь, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
“Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемаха, тебя приглашает к себе; о супруге

555

Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утетишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь собирать от людей – там подаст, кто захочет”.

560

Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
“Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых

565

Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;

Видел ты сам, как в меня, там ходившего смиренно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой –
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье

570

В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо – то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил”.
Так он сказал; и Евмей, повинувшись, пошел к Пенелопе;

575

Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
“Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он,
Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете”.
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:

580

“Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дожждаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь”.

585

Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
“Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных невозможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно –
развратных”.

Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,

590

Все передав ей, пошел к женихам; с Телемахом в столовой
Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шепотом в ухо ему, чтоб его не слышали другие:
“Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен

595

Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.
Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!”
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши

600

Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньей.
Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать”.

Так отвечал Телемах. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский

Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

Песнь восемнадцатая

В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством,
и пьянством;
Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был

5

Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденье), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.
В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:

10

“Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;
Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой”.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:

15

“Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.

Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына”.

Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
“Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.

Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье,
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее”.
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То заметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким

Он, к женихам обратясь, воскликнул: “Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случилось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро

Драка там будет; пойдём поскорее, нам должно стравить их”.

40

Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратись к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
“Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин

45

Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим собирать здесь столовые крохи вперед не дозволим”.

50

Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
“В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнью, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.

55

Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет”.

Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,

60

Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
“Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.
Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною

65

Будут теперь заодно Антиной, Евримах и другие”.
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртос
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиливатые руки, и сделала выше

70

Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
“Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!”

75

Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;

Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
“Лучше тебе, хвастуну, умереть иль совсем не родиться

80

Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,
Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю

85

К злему Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.
Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье”.
Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки

90

Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.

95

Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил

Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками

100

Все помиралы от смеха. А сын благородный Лаэртос,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил

105

Слово: “Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда”. Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,

110

К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
“Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболее теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры

115

Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злomu Эхету царю, всех людей истребителю, сослан”.
Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртovu сыну его Антиной; и, два хлеба

120

Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
“Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье
Боги!” Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

125

“Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:

130

Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастлием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,

135

Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных
и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много

140

Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге

145

Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.
Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами

150

Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю”.
Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;

Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.
Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,

Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.
Так, улыбнуться уста приневолив, она Евриноме,
Ключнице старой, сказала: “Хочу я – чего не входило

Прежде мне в ум – женихам ненавистным моим показаться;
Также хочу и совет там подать Телемаху, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их”.
Ей Евринома, усердная ключница, так отвечала:

“То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.
Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.

Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги
 Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа”.
 Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
 “Нет, никогда, Евринома, для них, ненавистных, не буду
 Я омываться и щек натирать благовонным елеем.

Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
 В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
 Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
 Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
 К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно”.

Так говорила царица. Поспешно пошла Евринома
 Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
 Умная мысль родилась тут в сердце Афины Паллады:
 Сну мирноносцу велела богиня сойти к Пенелопе.
 Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.

В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
 Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
 Образ ее просиял той красой несказанной, какую
 В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
 Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;

Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.

Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
“Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,

Доблестью всякой украшенный, между ахеев славнейший”.
Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,

Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:

“Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте
детском

Был ты умней и приличие всякое более ведал.

Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит

Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу

Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.

Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.

Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;

Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;

Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший

Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет

Всякий – постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты”.

Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:

“Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я

Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно

Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;

Но не всегда и теперь удастся мне лучшее выбрать:

Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;

Злое одно замышляют они; у меня ж руководителя

Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством

Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.

Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! –
 Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
 Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
 Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
 Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!

Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
 Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
 Медленным шагом добреть через силу; совсем он изломан”.
 Так про себя говорили они, от других в отдаленье.
 Тут, обратись к Пенелопе, сказал Евримах благородный:

“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
 Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне
 Видеть тебя, женихов бы двойное число собралось
 В доме твоём пировать. Превосходишь ты всех земнородных
 Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым”.

Так говорил Евримах. Пенелопа ему отвечала:
 “Нет, Евримах, красоту я утратила волей бессмертных
 С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
 В Троию, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.

Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся

255

В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
“Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахейн

260

Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают; в стрельянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно

265

Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне
Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж

270

Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь”. На прощанье
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу

Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.

275

В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили

280

Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились”.
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:

285

“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдём от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа”.

290

Так говорил Антиной; согласились все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.

Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он

295

Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Евримаху.
Серьги – из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая – подал проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,

300

Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,

305

Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых

310

Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем поочередно

Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: “Подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;

315

Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился”.

320

Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;

325

Тайно любовный союз с Евримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
“Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, уютней тебе; на слова ты

330

Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос – берегися, однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;

335

Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый”.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
“Я на тебя Телемаху пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части, болтуню, тебя искрошить он прикажет”.

340

Слово его испугало рабынь; и они во мгновение
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя

345

Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Так говорить Евримах, сын Полибиев, начал (обидеть

350

Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
“Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет

355

Здесь, но от плечи его, на которой нет волоса боле”.
Так он сказал и потом, обратись к Одиссею, примолвил:
“Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;

360

Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаюсь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее”.

365

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра

370

Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травой, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работающих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы

375

Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованный шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы

380

Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился –

385

Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась”.
Он замолчал. Евримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
“Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:

390

Дерзок в присутствии знатных господ, и не робок душой ты;
Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд – берегися, однако”.
Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;

395

Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;

400

Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
“Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незванный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;
Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?”

405

К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
“Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду”.

410

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
“Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое

415

Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлись;

420

Странника ж здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаху: он гость Телемахова дома”.
Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,

425

Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

Песнь девятнадцатая

Все разошлись; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемах; и сказал он, к нему обратясь: “Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынести отсюда.

5

Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: “В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытия в Троию, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.

10

Также и высшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится –
Само собой прилипает к руке роковое железо”.
Так он сказал. Телемах, повинувшись родителя воле,

15

Кликнул старушку, усердную няню свою Евриклею;
“Няня, – сказал он, – смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверх не отнес я отцовых оружий;
Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доньше ребенок бессмысленный был, но теперь я

Знаю, что должно отнести их туда, где не может их портить
Копоть”. Сказал. Евриклея старушка ему отвечала:
“Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,

Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?”
Еи отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Этот старик; не трудясь, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен”,
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело

Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она. Одиссей с Телемахом тогда принялись
Медные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с острями
Длинными копьа наверх выносить; и Афина Паллада
Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.

Тем изумленный, сказал Телемах Одиссею: “Родитель,
В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
Все потолка перекладыны, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их, –

Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно”.
Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: “Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.
Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;

Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила”.
Так он сказал. Телемах из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный
Где по ночам миротворному сну предавался обычно.

В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье Денницы
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.
Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой

Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.
Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши

С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней

Свет. А Меланфо опять привязалась ругать Одиссея:
“Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме
служанки
Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею”.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
“Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.

В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.

Все уничтожил Кронион – так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться – надежда не вовсе пропала;

Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссеев, младой Телемах, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел”.
Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное, слово,

Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
“Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую

Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?”
Тут, обратись к Евриноме, сказала она: “Евринома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам

Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы”.

100

Так говорила она. Евринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.
Так, обратясь к нему, начала говорить Пенелопа:
“Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:

105

Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать? Где
родился?”
Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
“О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха

110

Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно рождается
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготееют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.

115

Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:

Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.

120

Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят”.
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
“Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных

125

С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.

130

Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,

135

Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный

Мной – Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставит в покоях моих; начала я

140

Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:
“Юноши, ныне мои женихи – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я

145

Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова”.
Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши

150

Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращенным времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели –
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;

155

Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш

160

Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса”.
Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:

165

“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных

170

Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.

175

Разные слышатся там языки: там находишь ахейн
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,

180

Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.

185

В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малей застигнутый бурей,
В устье Амнисия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Илифийской, богами спасенный.

190

К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как
поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был

Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и сопутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:

В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они”. Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает

Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром, –
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее, –
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.

Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытятся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:

“Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним сопутники были?”

Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
“Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталось в памяти, вам расскажу я:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно

Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленьи та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя

235

Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же – заметь ты – не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Троию?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили

240

Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами

245

Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
Звали его Еврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен”.
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:

250

Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
“Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела, –
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.

255

Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями

260

В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона”.
Ей возражая, отвечал так Одиссей богоравный:
“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я

265

В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,

270

Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних берегов недалекой.
Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным

Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков – все погибли в волнах святотатцы.
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на острове
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;

Почетъ ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало

Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке –
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди

В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много –

Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствию долгом, в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.

Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих, и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся

Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой”. Ему отвечая, сказала царица:
“Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,

Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;

315

Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной Денницы.

320

Завтра ж поутру его вы, в купальне оmyвши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемахом
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.

325

Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;
Кто здесь и сам без любви, и в поступках любви не являет,

330

Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен –
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают”.

Ей возражая, отвечив так Одиссей богоравный:
 “О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
 Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
 С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
 В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.

Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постели.
 Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжелой
 Я, ожидая пришествия златопрестольной Денницы;
 Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
 Мере, к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю

Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
 Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
 В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
 Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю”.
 Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:

“Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких,
 из дальних
 Стран приходило – умней же тебя никого не случилось
 Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
 В доме старушка, советница умная, полная добрых
 Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею

355

Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Еврикля, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный

360

Жизнию трудной: в несчастьи люди стареются скоро”.
Так говорила она; Еврикля закрыла руками
Очи, но слезы пробилась сквозь пальцы; она возопила:
“Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?

365

Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провести, расцветающим радуясь сыном?
Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.

370

Гере! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить

Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить

375

Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце

380

Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен”. Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
“Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слышал, что во многом друг с другом

385

Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь”.
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Еврикля; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже

390

Думал, что, за ногу взявши его, Еврикля знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей

Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе

395

Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушении – Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,

400

Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Еврикля. Она тут сказала:
“Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно

405

Зевса о внуке молил”. То приняв предложение, сказал он
Зятю и дочери: “Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собирался, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: сердитый.

410

Если ж когда он, достигнув мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,

Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком”.
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно

415

Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,

420

Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака

425

Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,

430

Скликали быстрых собак. Сын Лаэртос отправился с ними.

Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;

435

В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртос
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись

440

Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно-блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода – так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опавших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,

445

Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено

450

Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.

455

Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убраться и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны

460

Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,

465

Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела

470

Медь, покачулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
“Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я

475

Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!”
Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратясь глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.

480

Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другую ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: “Ни слова! Меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать

485

Лет. Но – уж если твои для узнания тайны открылись
Очи – молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе, слушай – и то, что услышишь, исполнится верно, –
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану

490

В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится”.
Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
“Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постоянной, чем камень, целей, чем железо;

495

Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных”.
Ей возражая, отвечивал так Одиссей хитроумный:

500

“Нет, Еврикля, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное”.
Так говорил Одиссей; и поспешно пошла Еврикля
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол

505

Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища скрыл он.
Умная так, обратясь к нему, Пенелопа сказала:
“Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:

510

Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.
Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;

515

Ночью ж, когда все утихнет и все вокруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой
Мучась, в бессоннице тяжелой сажу на постели и плачу;
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних

520

Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями роци, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилосо милого, сына Зефосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать, –

525

С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достояньем,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?

530

Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.

535

Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой

540

Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю

545

Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
“Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси – твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами

550

Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель”.
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу”.
Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:

555

“Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель – погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы”.
Так, отвечая, сказала царица Лаэртovu сыну:

560

“Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,

565

Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон – сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.

570

Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко

575

Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,

580

Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться”.
Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,

585

В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкий
Лук, тетивою натянет его и сквозь кольца прострелит”.
Так, отвечая, сказала царица Лаэртovu сыну:
“Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате

590

Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной
кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко

595

Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь”.

600

Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх – не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Песнь двадцатая

Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Евриклея одела.

5

Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.

10

Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать, –
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех
умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидетелься? Сердце же злилось его; как рычит, оценившись,
Злобная сука, щенок своих защищая, когда их

15

Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
“Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно

20

Спутников он злополучных моих, – и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло”.
Так усмирял он себя, обращался к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.

25

Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отсюда
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной

30

Шайкою сладить. К нему подошла тут Палада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
“Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший?
Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?”

35

Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть”.
Светлой богине отвечив так Одиссей хитроумный:
“Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко

(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой

40

Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я –
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом”.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

45

“Ты, малoverный! Надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных, –
Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало

50

Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, – при них же
Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.
Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро”.
С сими словами богиня ему затворила дремотой

55

Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель
Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,

Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
Села бессонная в горьких слезах на постели; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно

60

Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
“О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила
Буря и мгlistой дорогой со мною умчалася в край тот,

65

Где начинается свой путь Океан, круговратно бегущий!
Были ж Пандаровы дочери схвачены бурей. Боги
Мать и отца погубили у них; сиротами остались
В доме семейном они; Афродита богиня питала
Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;

70

Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила; Афина их всех научила искусствам.
Но когда на высокий Олимп вознеслась Киферея
Там умолять, чтоб супружества счастье дал непорочным

75

Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,

Благо и зло земнородным по воле своей посылает, –
Гнусные Гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эриний, чудовищам в рабство. О, если б
Так и меня олимпийские боги с земли во мгновенье

80

Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,

85

Ночью в объятия сна предаемся – мы все забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;
Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;

90

Я веселилась; я думала: это не сон – и проснулась”.
Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.

95

Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
“Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,

100

Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй”.
Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.

105

Слово же первое он от рабыни, молвшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее

110

Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): “Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь

115

Знаменья грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшней пир женихов многобуйных! Колена
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая, – да нынешним кончатся все здесь пиры их!”

120

Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
Тут Одиссеева дома рабыни сошлись из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;

125

Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;
Так он ступил на порог и сказал, обратясь к Евриклее:
“Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль

130

Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит”.
Так говорил Телемах. Евриклея ему отвечала:

135

“Ты понапрасну, дитя, невинную мать обвиняешь;
С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.

140

Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постели, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в снях; я покрыла его одеялом”.
Так Еврикля сказала. Тогда Телемах из палаты

145

Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собрания ахейн, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса:
“Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь

150

Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестро-пурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику

155

Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий”.
Так Еврикля сказала. Ее повинуюся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.

160

Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.

165

Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
“Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа

170

Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!”
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно

175

В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаясь, дерзкий Меланфий:
“Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;

180

Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды”.
Кончил. Ему Одиссей ничего не отвечивал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.

185

Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;
Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;

190

Сам же, приближась к Евмею, спросил у него дружелюбно:
“Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.

195

Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают”.
Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
“Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою

200

Ты удручен – но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я

205

Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты

210

Здесь в стороне кефалленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом

215

Доме; богов наказание не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным

220

Людам уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу – но верится все мне еще, что воротится в дом свой

225

Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуся великой

230

Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он”.

235

Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
“Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь”.
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

240

Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:

245

“Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире”.
Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,

250

Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филойтий

255

Хлебы разнес; а Меланфий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемах поместиться; подвинув
К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,

260

Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
“Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшась; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует

265

Всякая сволочь, а дом Одиссеев, цареву жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора”.
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.

270

Но, обратись к женихам, Антиной, сын Евпейтов, воскликнул:
“Как ни досадно, друзья, Телемахово слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозитя! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь упокоили – стал он теперь говорун нестерпимый”.

275

Кончил; но слово его Телемах без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,

280

Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала

285

К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил

290

Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратясь, сказал им Ктесипп многобуйный:
“Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик – и весьма б непохвально, несправедливо было,

295

Если б гостей Телемаховых кто их участка лишал здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих”.
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,

300

Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
“Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся

305

Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя – погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,

310

Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов, – я с целой толпою один не управлюсь;
Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;

315

Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был незаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вождельням в священных обителях царских”.

320

Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
“Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих

325

Слуг, обитающих; в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доньше питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;

330

Было доньше и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);
Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,

335

Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет”.
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея

340

(Что бы с ним ни было жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее по неволе
Я и помыслить не смею – то Зевсу не будет угодно”.

345

Так говорил Телемах. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжелой заныло тоскою

350

Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
“Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладын

355

Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком”.
Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:

360

“Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате”.
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Евримаху:
“Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;

365

Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее некоторый из вас, святотатцев, губящих

370

Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих”.
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями

375

Дома его издеваясь, и так говорили иные:
“Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;

380

Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги”.
Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,

385

Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.
В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.

390

Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

Песнь двадцать первая

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принеся,
Вызвать к стрельянию в цель их и тем приготовить им гибель.

5

Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:

10

Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же

15

Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Ортилоха разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
Триста быков круторогих разбойничье судно украло.

Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней, и двенадцать
Добрых жеребых кобыл, и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:

К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Гераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он, –
В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Геракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство

Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Евритов лук он ему подарил; умирая, великий
Еврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,

Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Геракл беспощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:

Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные

Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу.
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг

Бык круторогий – так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши

Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собрание,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий

Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,

Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
“Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство

Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;

Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться”.

С сими словами велела она свинопасу Евмею
 Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
 Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;
 Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
 К ним обратятся обоим, сказал Антиной, негодуя:

“Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
 Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
 В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
 Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
 С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите

Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш, и стрелы
 Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
 Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
 Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
 Нет между нами. Его я в то время видал – и поныне

Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным”.
 Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
 С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
 Бедный слепец, он не думал, что первую жертвою будет
 Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко

Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
“Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!
Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый

Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты –
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве

Черной земли матерой, – но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца

Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея”.
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,

120

Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уравнив, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев

125

Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условию кивнул головой; отложивши

130

Труд, обратился к отцу и сказал Телемах богоравный:
“Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.
Ваша теперь черед, женихи, вы сильнее; пусть каждый

135

Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг”.
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.

Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
“С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают”.
Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Ейнопов,

Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.
Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев

Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
“Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить

Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.
Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытал Одиссеев и силу над ним утомивши,

160

С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней”.
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом

165

С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:
“Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.

170

Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;
Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней

175

Сладить с ним”. Кончил. Потом, козоведа Меланфия кликнув,
“Слушай, Меланфий, – сказал, – здесь огонь ты разложишь;
к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий

180

Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может”.
Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок округ; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них некоторый

185

Лука не мог и немного погнуть – несказанно был туг он;
Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Евримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшись, из дома вместе
Вышли Евмей свинопас и коровник Филойтий; за ними

190

Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
“Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает

195

Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный: каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?
Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце”.

Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:

200

“Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден”.
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

205

В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
“Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья

210

Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой

215

Дам и построю вам дома вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемахом.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно

Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями

220

Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе”.
Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.

225

Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: “Отрите
Слезы, чтоб, и из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих тем преждевременно тайна откроется наша.

230

Должно, чтоб снова – один за другим, а не вместе – вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;
Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне

235

Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если

Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.

240

Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку”.
Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.
После явились один за другим свинопас и Филойтий.

245

Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;
Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
“Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:

250

Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, –
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятой, и в разных других областях кефалленских.
Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье –
Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах

255

Лука его, – то стыдом нас покроет и в позднем потомстве”.

Но Антиной, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая:
“Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;

260

Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.
Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.

265

Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно”.
Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.

270

Тут для умывания рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив налитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:

275

“Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Вот вам – тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие, – добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;

280

Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен”.

285

Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
“Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,

290

Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им

295

Некогда Евритион, многославный кентавр, обезумлен.
В дом Пирифоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пирифоевом доме.
Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы

300

Силой его утащили на двор и нещадною медью
Уши и нос обрубилы они у него; и рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.
Злая зажглась оттого у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.

305

Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злему Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;
Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же

310

Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми”.
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:
“Нет, Антиной, непохвально б весьма и несправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка.
Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий

315

Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?
Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким спасеньем не мучьте
Сердца – ни вздумать того, ни на деле исполнить неможно”.

320

Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
“О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он, – это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:

325

“Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.
Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он”. Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый”.

330

Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
“Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;
Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,

335

Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев – увидим, что будет.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы

340

Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;
Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
После и в сердце желанную землю его я отправлю”.
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь

345

Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею – никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острове, с многоконной Элидою смежном.
Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унести их позволить.

350

Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель”.
Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;

355

К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею

360

С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
“Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если

365

Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу”.
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
По Телемах, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
“С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле

370

Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежались разом

375

Все они, в доме моем беззаконий творящие много”.
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,

380

Кликнув усердную няню его Евриклею, сказал ей:
“Слушай, тебе повелел Телемах, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели

385

Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь”.
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филойтий, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;

390

Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он
Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль

395

Роги и не было ль что без него в них попорчено червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
“Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;

400

Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?”
“Но, – отвечали другие насмешливо первым, – удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком”.
Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных

405

Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает –
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.

410

Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все – тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:

415

В грое Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были – но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,

420

Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил, – быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный:
“Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья.

425

В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою

430

Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить”.
Так он сказал и бровями повел. Телемах богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копьё и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

Песнь двадцать вторая

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратясь, воскликнул:

5

“Этот мне опыт, друзья женихи, удалось окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет”.
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,

10

Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.

15

Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатила по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он

Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вокруг по стенам обнаженным, искали оружия –

Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью.
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
“Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятый Итаке,

Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван”.
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:

“А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева

Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все наконец вы попали”.
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:

“Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,

Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,

Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем”.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
“Нет, Евримах, – и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, –
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.

Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, –
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят”.
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам устранным, воскликнул:

“Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь

Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы”.
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,

Медный, с обеих сторон заостренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,

Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился

В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемах, заостренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно

Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение сбоку напавши,
Кто из ахейн его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.

Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
 “Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
 Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
 Сам же надену и латы; Евмею с Филойтием верным
 Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет”.

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 “Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
 Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
 Притолок”. Так он сказал; Телемах все исполнил поспешно:
 Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,

Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
 Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
 Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
 Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
 Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий

Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
 Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
 Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
 Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.
 Но напоследок, когда истощились стрелы, великий

120

Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку

125

Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.
Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был эту дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу

130

Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратись, им крылатое слово
Бросил: “Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы”.

135

Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелаяю:
“Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;

Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склад Одиссей, помогаемый сыном”.
Так Агелаю сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать

Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.

К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
“Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Меланфий?”
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Горе! Мое небреженье причиной всему; я виновник

Этой беды – заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Евмей, побегу ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь; служанка ль какая
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею”.

Так говорили о многом они, беседею тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,

Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоём поведенье?”

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке

За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
В страшных мученьях пускай там висит ни живой он,
ни мертвый”.
То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшись, стали

180

Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Меланфий ступил на порог (нес
прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые

185

Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши

190

На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:

195

“Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Меланфий;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной

Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь”.

200

Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.

205

К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
“Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник”.

210

Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афины.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: “Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.

215

С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,

С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;
После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,

220

Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены”.
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афины.

225

Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
“Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;

230

Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно.

235

Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный”.

Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма

240

Там перекладине легкою сизою ласточкой села.
Тою порой Агелаям, Дамастора сыном отважным,
Димоптолем, Еврином и Писандр, сын Поликторов бодрый,
С Амфимедоном и умным Политесом яростно были
В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,

245

Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
“Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он

250

С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить
Одиссея».

255

Так он сказал, и, ему повинуюсь, пустите другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же

260

Всех женихами в них брошенных копии они избежали,
Так, обратясь к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
“Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанеши”.

265

Так он сказал и, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димоптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемах – Евриада, Филойтий – Писандра,
Старый Евмей свинопас поразил Элатопа; и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснув зубы

270

Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой

275

Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемаха поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копьё острием оцарапало кожу.
Тронул плечо над щитом у Евмея Ктесипп длинноострой

280

Медью; копьё же, над ним прошумев, водрузилось в землю
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копьё.
Евридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемахом, Полиб – свинопасом;

285

Метко нацелив копьем медноострым, Филойтий Ктесиппу
Грудь просадил; и удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
«Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свои уймешь от ругательств нахальных;
предайся
В волю богов, им одним подобает и слава и сила.

290

Я же тебя отдал тебе за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу».
Так говорил криворогих быков сторожитель Филойтий.
Тою порою умерщвлен был Дамастор сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:

Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
 Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
 Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
 Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
 Начали бегать они, ошалеv, как коровы, когда их

Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
 Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
 Били, как соколы кривокогтистые с вкинутым клевом,
 С гор прилетевшие, бьют испугавшихся пищ, – и густыми
 Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;

Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
 Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
 Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
 Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
 Крик, был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью
 их залит

Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
 Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
 «Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
 В доме твоём ни одной из рабынь, в нём живущих, ни словом
 Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я

315

Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
Тщился – напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных,
Страшную участью все неизбежно постигнуты ныне
Я же, их жертвогадатель, ни в чем не повинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?

320

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
“Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
Дню, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты

325

Прижил, – за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избежешь”. Сказал. И, могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвления
Выпавший, им он молящею сильно ударил по шее;
Крикнул он – в крике неконченом с плеч голова покатилась.

330

Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,

Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий

335

Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.

340

Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
“Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.

345

Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь
здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.

350

Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился

Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно”.
Так он сказав, возбудил Телемахову силу святую.

355

Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
“Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филойтий

360

Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?”
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью

365

С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
“Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отметил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье

370

Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно”.

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
“Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты, и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел незаконных;

375

Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышел,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же остануся в доме и все здесь устрою, что нужно”.
Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышел,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,

380

Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,

385

На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбаки высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

390

К сыну сперва обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
“Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке”.
Так говорил Одиссей. Телемах, повинуюся, отпер
Двери, позвал Евриклею и так ей сказал: “Еврикля,

395

Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам”.
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех; горниц, где жили служанки,

400

Вышла она; и старушку повел Телемах к Одиссею.
Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
Потом и кровью покрытый; подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада –
Грива в крови и вся страшная пасть, обогренная кровью, –

405

В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
Кровлю так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Еврикля
Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;

410

Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
“Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,

415

Знатный, ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними”.
Так он сказал. Еврикля старушка ему отвечала:

420

“Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведением развратных, не только

425

Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали”.

430

Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
“Нет, не буди, Еврикля, жены; прикажи, чтоб рабыни –
Те, на которых ты мне донесла, – здесь немедля явились”.
Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Еврикля
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.

435

Он же, позвав Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
“Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.

440

После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведением развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказанье

445

Примут они за союз непозволенный свой с женихами”.
Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным

450

Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.
Вынеся трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватую, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемах, свинопас и Филойтий

455

В зале просторной весь пол, обогранный пролитую кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней

460

Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одисеев сказал им:
“Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись”.

465

Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей – летя на ночлег свой – попавшие (в тесных

470

Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козовод был Меланфий;

475

Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекали ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
Руки и ноги свои, обгаренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.

480

Тут Одиссей, обратись к Евриклее, сказал ей: “Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок”.

485

Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
“То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично”.

490

Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
“Прежде всего мне огня для куренья подай, Еврикляя”.
Волю его исполняя, пошла Еврикляя и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный

495

Двор. Еврикляя, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок собирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.

500

Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

Песнь двадцать третья

Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшись к спящей, старушка сказала: “Проснися,

5

Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху”.

10

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
“Друг Еврикля, знать, боги твой ум помutilи! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобрести несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здоровом рассудке

15

Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.

Нет, Еврикля, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила, –
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Еврикля”.

Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
“Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались, –
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье

Знал – но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил”.
Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:

“Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Еврикля,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой
Сладил? Они всей толпою всегда собиралися в доме”.
Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:

“Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившись в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемах из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.

Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.
Потом и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями

Кучею. Он же, заботясь дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.
Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;

Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье”.
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
“Друг Еврикля, не радуйся слишком до времени; всем нам

Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну –
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.

Правда была им чужда; никого из людей земнородных –
Знатный ли, низкий ли к ним приходил – уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он”.
Ей Евриклея разумная так, возражая, сказала:

“Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;

Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.
Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно”.

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
“Трудно тебе, Евриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их”.

С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль, приблизясь,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной

Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду

Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
“Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?

В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
 Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
 Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной
 камня”.

Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:

“Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
 Я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
 В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
 Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
 Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы

Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем”.
 Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
 К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
 “Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
 Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться

В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
 Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.
 Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать полезней?
 Если когда и один кто убит кем бывает и мало
 Близких друзей и родных за убитого мстить остается –

120

Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать”.
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
“Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют

125

Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

130

“Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша

135

Струны и пение в доме, соседи и всякий идущий
Мимо по улице думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы

За город на поле наше, в наш сад плодovitый; там можем

140

Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев”.
Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
Цитру настроив глубокую, в них пробудил вожделье

145

Сладостных песней и стройно-живой хороводныя пляски.
Дом весь от топання ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалась пением звучным рабов и служанок;
Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: “Решилась свою пировать напоследок царица

150

Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дожидаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела”.
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.

155

Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми

Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,

160

Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле

165

Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
“Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих

170

Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я – когда в ней такое железное сердце”.
Но Одиссею разумная так отвечала царица:
“Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась

175

Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.

Если ж того он желает, ему, Еврикля, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши

180

Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом”.
Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
“Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею

185

Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками

190

Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;

195

После у маслины ветви обсек и поблизости к корню

Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отсюда
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато

200

Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень”.

205

Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
“О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был

210

Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неуютно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоём, я к тебе приласкалась;

215

Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покоряся,

220

В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахеяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.

225

Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати – о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.

230

Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу”.
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся

235

В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любясь супругом,

240

Рук белонезных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их заставить златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,

245

С нею летающих, Лампа и брата его Фазтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
“О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,

250

Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и спутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий

255

Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены”.
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
“Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;

260

Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди”. Одиссей отвечал ей:
“Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.

265

Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: “Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,

270

Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:

275

“Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?” –
В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиной оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу

280

Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый”. Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий”.

285

Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
“Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упование, что наши беды прекратятся”.
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
Тою порой Евринома с кормилицей, факелы взявши,

290

Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомаясь, пошла Еврикля;
Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем

295

В спальню вступили они; Евринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.

300

Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там

305

Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.

310

Он рассказал: как вначале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно

315

Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к берегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и сопутников меднообутых

320

Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия ведено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени

325

Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;
Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;

330

Как в наказание за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных сопутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К берегу Оигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,

335

В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурен на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;

340

Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:

345

В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:

350

“Много с тобой, Пенелопа, доньше мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.

355

Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодovitый и поле

360

Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и седи там

365

Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся”.
Кончив, на плечи свои он накиннул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,

370

Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

Песнь двадцать четвертая

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),

5

Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, –
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их

10

Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.

15

Первая им повстречалась тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотой и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно

Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: “Атрид, нам казалось, что Зевс громолубец

Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал: им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.
Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.

О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты”.

Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
“Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вокруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,

Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозюю.
Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,

Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахеян, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахеян;

Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратясь к товарищам, так им сказал он:
“Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас

Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть”.
Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;

Музы – все девять – сменялся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;

Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,

Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Гефестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом Денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,

Ту подарил драгоценную урну, создание Гефеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахейн любим был.

Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копыеносных аргивян у светло-широких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколениям.

Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахеян.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжались к бою, –

Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколениях.

Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной”.
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,

Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;

Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: “Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,

Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили дома
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.

Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
Прежде, чем был убежден Одиссеей, городов сокрушитель”.

Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:
“Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.

Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
“Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я

Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова”.
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,

140

Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели, –
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;

145

Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;

150

В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную пашу погибель,
В город вошли мпогославный; сперва Телемах, Одиссеев

155

Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу

160

В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швырянье, и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,

165

Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принеся,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной гибели нашей.

170

Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивую: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.

175

Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен

180

Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросаясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
Страшное тут началось убийство, раздался великий

185

Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас

190

Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам”.
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
“Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей
богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,

195

Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно

200

В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных”.
Так говорили о многом они, беседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.

205

Тою порой Одиссей и спутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.
Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались

210

Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратись к Телемаху и к прочим, сказал им:
“Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.

215

Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,
Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем”.

Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно

220

В дом с Телемахом вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.
В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник собирать для заграды садовой;

225

С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;
Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы

230

Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.
Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье

235

Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?

Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше

240

Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
“Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;

245

Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные – все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма

250

Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоём нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытись,

255

Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:

Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь
смотришь?

Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне

260

Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Аида сошел он?

265

Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,

270

Аркесиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью – много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;

275

Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантей и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
Были они молодые, красивые; сам он их выбрал”.

280

Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
“Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя

285

Встретил, тебя отдалил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалось лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,

290

Сын Одиссей – злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой

295

С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?

300

Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;

305

Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Еперит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось

310

Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце”.

315

Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его, – он сражен был родителя скорбью.

320

Бросаясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
“Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенья и слезы.
Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже

325

В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды”.
Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
“Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, –
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье”.

330

Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
“Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много

335

(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.
Если ж желаешь, могу я тебе перечечь и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.
Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:

340

Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса”.

345

Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;
Но напоследок, когда возвратились и память и силы,

350

Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
“Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подыметя в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной

355

Вестью гонцы разошлются по всем городам кефалленским”.
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;
Я уж туда Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем

360

Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный”.
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемах там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.

365

Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала молодость.

370

Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотой божественно-чистой
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
“О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотой твой образ, так выпрямит стан твой”

375

Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
“Если б, – о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина –
Был я таков, как в то время, когда с кефалленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,

380

Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов – сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился”.
Так говорили они, беседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши

385

Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,

390

Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовом вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
“Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленья

395

Ваше оставив, пообедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы”.
Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:

400

“Здесь наконец ты, наш милый, желанный. Увидеть нам дали
Боги тебя – а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе

405

Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать
к ней?”
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
“Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно”.
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,

410

С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;

415

Все взволновались жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В дома семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.

420

На площадь стали потом все печально собираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первую жертвою был Одиссея,

425

Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
“Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и спутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефалленян знатнейших.

430

Братья, молю вас – пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, –
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам

435

Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!”
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме

440

Ночь ту прошедшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: “Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;

445

Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились”.

450

Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратясь к согражданам, так им сказал он:
“Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

455

Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге

460

Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритесь слову:
Мирно останьтесь здесь, чтоб беды на себя не накликасть
Злейшей”. Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.

465

Те ж, негодуя на речь Алиферсову, вслед за Евпейтом
Бросились шумно-неистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившись в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собрались великой толпою.
Их предводитель Евпейт, обезумленный горем великим,

470

Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: “Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?”

475

Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?”
Ей возражая, отвечивал тут собиратель Кронион:
“Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит

480

Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный – имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев

485

В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится”.
Кончив, велел он идти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытятся вдоволь, обед свой окончили. Голос

490

Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
“Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть:
не идут ли?”
Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртovu сыну

495

Бросил: “Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!”
Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли – седые, нуждой ополченные ратники-старцы.

500

Все совокупно, облекшись в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.

505

К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
“Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею”.

510

Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
“Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею”.
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:

“Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!

515

Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!”

Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
“Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу”.

520

Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланитный Евпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;

525

Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса

530

Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
“Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!

Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!”
Так возопила Афина; все схвачены трепетом: бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,

535

Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаясь, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовую стрелю Крониона вдруг раздвоилось

540

Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
“О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион”.

545

Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой принявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

Примечания. Словарь

Примечания

История письменного текста гомеровских поэм насчитывает две с половиною тысячи лет. По свидетельству ряда античных авторов. «Илиада» и «Одиссея» были впервые записаны особой комиссией, созданной афинским тираном Писистратом (годы его правления – 560-527 гг. до н. э.). В Античности обе поэмы пользовались чрезвычайно широким распространением. Они были предметом научного изучения выдающихся филологов Древнего мира, создавших в III веке до н. э. критически исправленные издания гомеровского текста (так называемые «диортосы» – Зенодота, разделившего каждую из поэм на двадцать четыре песни. Аристарха. Аристофана Византийского). Они же служили в начальных школах первым пособием, по которому обучали грамоте. Уже в III веке до н. э. первый римский поэт Ливий Андроник перевел латинскими стихами «Одиссею» (это самый ранний известный нам художественный перевод в европейской литературе).

В Византии интерес к Гомеру сохраняется и в Средние века. Через Византию и южных славян мифы троянского цикла (в изложении позднеантичных и византийских авторов) стали известны и в Древней Руси.

В средневековой Европе Гомера знали только по цитатам и ссылкам у латинских писателей и Аристотеля, поэтическую славу Гомера полностью затмила слава Вергилия. Лишь в конце XIV века – в первой половине XV века, когда с началом Возрождения в Венеции, во Флоренции, в Риме появились первые византийские учителя греческого языка, итальянские гуманисты познакомились с Гомером ближе. В XV веке многие переводили Гомера на латинский язык, среди прочих – и знаменитый гуманист и писатель Анжело Полициано. В 1488 году во Флоренции выходит первое печатное издание Гомера на греческом языке. В XVI веке отдельные части гомеровских поэм неоднократно переводились и на итальянский язык. Однако лишь в 1723 году появился первый полный перевод «Илиады», сделанный поэтом Антонио Мария Сальвини. Классическими в Италии стали переводы знаменитого поэта Винченцо Монти («Илиада», 1810) и его друга, также известного поэта, Ипполито Пиндемонте («Одиссея», полностью опубликована в 1822 г.).

В эпоху Возрождения интерес к Гомеру распространяется по всей Европе. Во Франции первый поэтический перевод «Илиады» начал аббат

Гюг Салель, который успел перевести одиннадцать песен, эту работу завершил и издал Амадис Жамэн (1580), к изданию был приложен и перевод первых двух песен «Одиссеи», выполненный Жаком Пелетье. Однако до середины XIX века наибольшим распространением во Франции пользовались прозаические переводы Гомера госпожи Дасье и главным образом перевод М. Битобе, выдержавший множество переизданий (первое издание «Илиады» – 1764 г., «Одиссеи» – 1785 г.). Среди позднейших стихотворных переводов одним из самых совершенных является перевод Шарля Леконта де Лиля («Илиада» – 1867 г., «Одиссея» – 1868 г.).

В Англии с 1599 по 1615 год частями печатался перевод гомеровских поэм, сделанный драматургом Джорджем Чапменом и отличавшийся высокими художественными достоинствами. Однако спустя сто лет Чапмена затмил Александр Поуп, опубликовавший в 1715-1720 годах свой перевод «Илиады», а в 1720-1725 годах – перевод «Одиссеи». Перевод этот остается в Англии классическим.

В Германии первой была переведена на немецкий язык «Одиссея», ее прозаическое переложение было выпущено в 1537 году «городским историографом города Мюнхена» Симоном Шайденрайссером. Перевод «Илиады» в стихах опубликовал в 1610 году (вместе со своим переводом «Энеиды») Иоганн Шпренген. Однако широкого распространения эти переводы не получили и не переиздавались. Долгое время им предпочитали латинские переводы: в 1540 году известный гуманист Эобан Гесс издал стихотворный перевод «Илиады», перевод «Одиссеи» был в 1549 году издан Симоном Лемниусом. Лишь в середине XVIII века, в связи с новой оценкой античного искусства у И.И. Винкельмана, интерес к поэмам Гомера вырос настолько, что их немецкие переводы, стихотворные и прозаические, стали появляться один за другим. Так, знаменитый поэт Г.А. Бюргер перевел ямбами отрывки из «Илиады» (1771). В 1781 году появился перевод «Одиссеи» гекзаметрами, выполненный Иоганном Генрихом Фоссом; в 1793 году Фосс выпустил перевод «Илиады» вместе с переработанным переводом «Одиссеи». Перевод этот стал в Германии классическим и до сих пор является одним из совершеннейших переводов Гомера на новые языки.

В России первые попытки перевода гомеровских поэм относятся к середине XVIII века. Два отрывка из «Илиады» (VIII, 1-15 и IX, 225-261) привел в качестве образцов в своей «Риторике» М.В. Ломоносов (1748), его перевод сделан шестистопным ямбом – так называемым «александрийским стихом». В 1776-1778 годах выходит полный прозаический перевод «Илиады», сделанный коллежским секретарем Петром Екимовым. В 1788

году появляется анонимный прозаический перевод «Одиссеи»; авторство его до сих пор вызывает разногласия среди ученых. Наконец, в 1787 году выходят первые шесть песен «Илиады», переведенные Ермилом Костровым. Перевод его, выполненный по всем правилам поэтики классицизма, александрийским стихом с парной рифмой, произвел огромное впечатление на современников, однако остался незавершенным (песни VII, VIII и часть песни IX были опубликованы уже после смерти Кострова, в 1811 г.). Перевод Кострова высоко ценился еще долгие годы. Н.И. Гнедич начал свой перевод как продолжение работы Кострова – с песни VII, александрийским стихом. Лишь в 1813 году Н.И. Гнедич публикует первый отрывок из «Илиады», переведенный гекзаметром. Однако за период, прошедший между появлением перевода Кострова и началом публикации перевода Гнедича, можно указать еще несколько переложений из Гомера: в 1796 году Н.М. Карамзин печатает стихотворение «Прощание Гектора с Андромахой», имеющее подзаголовок «перевод», в 1808 году А.Ф. Мерзляков публикует отрывок из «Одиссеи» – «Улисс у Алькиноя» (перевод его сделан пяти- и шестистопными амфибрахиями, напоминающими по звучанию дактилический гекзаметр); в журналах появляется ряд анонимных переводов различных отрывков из «Илиады».

Гнедич работал над своим переводом «Илиады» более двадцати лет. В 1829 году он опубликовал его отдельной книгой. Сделанный с греческого оригинала, основанный на глубоком изучении научной литературы о Гомере, перевод Гнедича являет собой образцовое сочетание филологической точности с высокой поэзией и остается непревзойденным в русской литературе.

Первый полный стихотворный перевод «Одиссеи» на русский язык появился лишь спустя двадцать лет после перевода «Илиады», в 1849 году. Это был перевод В. Л. Жуковского, над которым поэт работал с 1842 года. Еще раньше – в 1829 году – Жуковский напечатал несколько отрывков из «Илиады», переведенных с немецких переводов И.Г. Фосса и Хр. Штольберга. Перевод «Одиссеи» В.Л. Жуковский, не знавший греческого языка, также выполнил по немецкому) подстрочнику, сделанному для него дюссельдорфским ученым Грасгофом. Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки: «архаизация» достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому) миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников.

В 1896 год)' вышел полный стихотворный перевод «Илиады», выполненный П. Минским; гладкий и удобочитаемый, этот перевод все же уступает в силе и монументальности переводу 11.И. Гнедича. В советское время поэмы Гомера перевел В. В. Вересаев (обе они изданы посмертно: «Илиада» – в 1949 г., «Одиссея» – в 1953 г.). В своих переводах, приближенных к современному языку, В.В. Вересаев широко использовал те строки из переводов Гнедича и Жуковского, которые казались ему удачными. Таким образом, считать его перевод самостоятельным нельзя. В 1949 году перевод «Одиссеи», выполненный П. Шуйским, вышел в издательстве Свердловского государственного университета имени Л.М. Горького.

В настоящем издании перевод В. Л. Жуковского, печатается по изданию: «Одиссея». Перевод В.Л. Жуковского. Москва: Гослитиздат, 1959.

Песнь первая

Стих 11. *Все уж другие* – ахейские вожди, воевавшие под Троей; об их похождениях рассказывала эпическая поэма “Возвращения”, не дошедшая до нас.

Стих 24. *Бог светonosный* – бог солнца Гелиос.

Стих 35. *Атрид*. – Имеется в виду Агамемнон.

Стих 50. *Пуп моря* – остров, лежащий среди моря, вдали от берегов.

Стих 88. *Густовласых* – правильное “длинновласых”: длинные волосы отличали не только свободных от рабов, но и знатных от незнатных.

Стих 121. *Радуйся* – буквальный перевод греческого слова “хайре”, употреблявшегося в качестве приветствия и прощания, в смысле “здравствуй”, “будь здоров”.

Стих 237. *...Гарпии взяли его* – поговорка о человеке, неизвестно куда пропавшем.

Стихи 246–247. *...они пожирают нещадно наше добро...* – Именно в этом и состоит преступление женихов, так как сватовство к женщине, муж которой уже двадцать лет отсутствует и не подает о себе вестей, ничуть не считалось позорным.

Стих 287. *Холм гробовой* – так называемый “кенотаф”, пустая могила, воздвигавшаяся, по обычаю, умершим на чужбине и непогребенным. Делалось это потому, что, по представлениям греков, душа непогребенного не может попасть в Аид и там найти себе успокоение.

Песнь вторая

Стих 120. *Микена* – дочь Инаха, первого царя Аргоса, и Океаниды Мелии; миф о ней нам неизвестен.

Стихи 132–133. *...но трудно с Икарием будет мне расплатиться...* – Муж, отправляющий жену в дом ее отца (или, как в данном случае, сын, отправляющий мать-вдову) без вины с ее стороны, должен был заплатить тестю пеню.

Стих 145. *Без платы* – без пени, без штрафа за убийство.

Песнь третья

Стих 68. *Нестор, герой геренейский*. – Более точный перевод этого постоянного определения Нестора дан Гнедичем в “Илиаде”: “конник геренский” (“Илиада”, песнь вторая, стих 433).

Стих 73. *Добычники вольные*. – Нестор просто спрашивает Телемаха и Афины-Ментора, не пираты ли они. В гомеровскую эпоху грабительские набеги на берега соседей совершались очень часто и вовсе не считались позорными.

Стих 135. *...разгневавших дочь светлоокою страшного бога* – то есть Афины, которая, по преданию, была разгневана тем, что Аякс, сын Оилея, при взятии Трои совершил насилие над Кассандрой в храме Афины, причем остальные ахейские вожди не наказали его за это.

Стих 138. *Собрали их не в обычное время...* – По традиции, сохранившейся в Греции до конца античности, советы и народные собрания должны были начинаться рано утром и заканчиваться до захода солнца.

Стих 174. *...разрезавши море по самой середине*. – Зевс повелел плыть не в обход, держась островов, как поступали обычно в гомеровскую эпоху, а пуститься напрямик через море, удалившись от всякой суши. Такое плавание казалось верхом отваги и риска.

Стих 188. *...с младым Ахиллеса великого сыном* – сыном Ахиллеса – Неоптолемом.

Стих 193. *Атрид*. – Здесь имеется в виду Агамемнон.

Стихи 279–280. *...Феб Аполлон... стрелой умертвил...* – См. прим. к “Илиаде”, песнь первая, стих 42.

Стих 332. *Должно отрезать теперь языки...* – Отрезание языков

жертвенных животных и возлияние вином – заключительный акт жертвоприношения.

Песнь четвертая

Стих 5. *Сын губителя ратей Пелида* – Неоптолем.

Стих 27. *Племя Дия* – то есть потомки Зевса и, следовательно, царского рода: цари любили вести свой род от богов.

Стих 232. *...там все из Пеанова рода.* – Египтяне славятся знанием трав, потому что все они – потомки Пеана, гомеровского бога врачевания.

Стих 246. *Город* – Троя.

Стих 365. *Хитрого старца морского* – то есть Протея.

Стихи 368–369. *...и рыбу... крючьями удили – голод терзал их.* – Гомеровские герои питаются исключительно мясом, употребляя в пищу рыбу лишь в случае голода; поэтому писатели в эпоху поздней античности, когда рыба считалась особым лакомством, ссылались на героев Гомера, как на пример воздержанности.

Стих 477. *...бегущему с неба потоку Египту* – Нилу, питаемому дождями.

Стих 517. *Области... где Фиест обитал* – остров Кифера; излагаемый здесь вариант мифа об убийстве Агамемнона отличается от варианта, согласно которому в преступлении принимала участие Клитемнестра.

Стих 569. *Зять громовержца Зевеса.* – Елена, жена Менелая, была дочерью спартанской царицы Леды и Зевса, соединившегося с ней в образе лебедя.

Стих 751. *...в верхний покой свой* – то есть в женскую половину дома, так называемый “гинекей”, который обычно помещался наверху.

Стих 756. *Аркесиад* – Лаэрт, сын Аркесия.

Песнь пятая

Стих 50. *...достигнув Пиерии...* – Вместо Пиерии, как читали раньше, следовало бы поставить “Перия”. Перия находится у самого подножия Олимпа, в то время как Пиерия лежит много севернее, в Македонии.

Стих 51. *Рыболов* – чайка.

Стих 60. *Дерево жизни* – туя. Пользуясь немецким подстрочником “Одиссеи”, Жуковский дословно перевел немецкое название туи –

Lebensbaum.

Стих 235. *Медный, с обеих сторон изошренный* – топор с двумя лезвиями.

Стих 250–251. *...на прочном судне, носящем товары купцов...* – В гомеровскую эпоху уже различались “длинные корабли”, предназначенные для быстрых переходов, и “круглые” грузовые суда. Первые имели неширокое дно и длинные борта, чтобы вдоль них помещалось больше гребцов; у вторых для увеличения объема трюма дно делалось широким.

Стих 275. *...себя никогда не купая в водах Океана.* – См. прим. к “Илиаде”, песнь восемнадцатая, стихи 487–489. Остров Калипсо Гомер помещает на крайнем западе Средиземного моря; таким образом, Одиссей, возвращаясь на родину, плывет все время на восток, и Медведица остается у него слева.

Стих 310. *...над бездыханным телом Пелида.* – В не дошедших до нас эпических поэмах рассказывалось, что, когда Парис убил Ахиллеса (Пелида) издала стрелой, ахейцы и троянцы завязали жестокую битву за тело и оружие героя; во время этой битвы Одиссей прикрывал Аякса, который выносил труп Ахиллеса.

Стих 444. *К мощному богу реки...* – Греки верили, что в каждой реке живет одноименный с ней речной бог. Одиссей не знает названия реки, а значит, и имени бога, и поэтому обращается к нему со словами: “Кто бы ты ни был...”

Песнь шестая

Стих 207–208. *...к нам Зевес посылает нищих и странников.* – Зевс считался покровителем странников.

Стих 288. *...обращаться с мужчинами вольно.* – Девушка, у которой живы родители, живет замкнуто и не должна появляться с мужчинами публично; лишь после смерти родителей она становится наследницей и начинает пользоваться большей свободой.

Стихи 329–330. *...опасаясь мощного дяди...* – Дядя Афины Паллады – Посейдон, брат Зевса, ее отца.

Песнь седьмая

Стих 86. *Медные стены* – то есть стены, изнутри отделанные медными

пластинками; такое же значение имеют и “золотые двери”, и “медный порог”.

Стих 87. *Лазоревая сталь* – особая эмаль, сплав стекла и меди, имевший темно-синий цвет и употреблявшийся в микенскую эпоху. В ту пору железо только начало заменять бронзу и медь, и упоминания о нем в “Одиссее” редки.

Стих 90. *Князь* – дверной косяк.

Стихи 98–99. *...садились чином на этих лавках...* – Жуковский вносит в “Одиссею” черты русской старины: старорусское понятие “чина” чуждо гомеровским представлениям, да и вместо лавок у Гомера упоминаются кресла.

Стих 113. *Сад, обведенный отвсюду высокой оградой...* – Не говоря о волшебных свойствах сада Алкиноя, слушателя поэмы должно было поразить уже наличие сада возле самого дворца: ведь в реальных дворцах басилевсов гомеровской эпохи, громоздившихся на тесном пространстве, обнесенном высокими стенами, места для сада не оставалось. Еще в классическую эпоху греки удивлялись обширному дворцовому парку персидского царя.

Стих 137. *Зоркому богу... вином возлиянье...* – Греки перед отходом ко сну обращались с молитвой к Гермесу – божеству, посылающему сон.

Стих 153. *...к огню очага подошел он и сел там на пепле.* – Очаг – священное место в доме, средоточие культа домашних богов.

Стих 321. *Эвбея* – является самым дальним островом лишь для малоазиатских греков; для европейской Греции Эвбея – ближайший остров.

Песнь восьмая

Стих 80. *В храме Пифийском оракул* – в храме Аполлона в Дельфах.

Стихи 111–115. *Вышли из сонма его: Акроней, Окиал...* – Все имена феакийцев имеют отношение к морскому делу: Акроней – “находящийся впереди корабля”, Окиал – “бегущий по морю”, Навтий – “корабельщик”; имя Примней происходит от слова “корма”, Прореон – от слова “нос корабля”, Эретмей – от слова “весло”, Понтей – от слова “море”; Амфиал – “приморский”, Анабесионей – “всходящий на корабль”, Фоон – “быстрый”, Полиний – “многокорабельный”, Тектон – “кораблестроитель”.

Стихи 219–220. *Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем в Трое...* – Возможно, эти стихи являются позднейшей вставкой: ведь дальше, в конце этой песни (стихи 577–586), никто еще не знает, что

Одиссей принимал участие в походе на Троию.

Стих 318. *...пока не отдаст мне отец всех богатых подарков.* – Согласно существовавшему праву, муж, которому изменила жена, мог потребовать от ее отца выкуп, уплаченный за нее.

Песнь девятая

Стих 15. *Ураниды боги* – боги-небожители или же боги – потомки Урана-неба.

Стихи 24–25. *...и на самом Западе... лежит... Итака.* – В действительности Итака не является самым западным среди близлежащих островов: на запад от нее лежит остров Левкада.

Стих 60. *...по шести броненосцев отважных...* – Броненосец – воин, одетый в броню.

Стихи 64–65. *...покуда три раза не был по имени назван...* – Одиссей трижды окликает каждого из убитых, чтобы их души последовали за ним к тем пустым могилам (см. прим. к песни первой, стих 287), которые будут им сооружены на родине.

Стихи 94–95. *Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно все позабыл...* – Волшебное свойство отнимать память приписывается лотосу по созвучию его названия с греческим корнем “лат”, обозначающим забвение.

Стихи 116–118. *Есть островок там пустынный... в великом там множестве дикие козы* – может быть, нынешний остров Капри (у римлян он назывался Капрея – “Козья”); остров, где, по преданию, жили циклопы, – Сицилия.

Стих 125. *Кораблей красногрудых.* – Обычно нос корабля окрашивался суриком, в то время как остальная часть корабля смолилась (откуда и происходит эпитет – “черный”).

Стих 426. *Руно их, как шелк* – анахронизм, допущенный Жуковским: шелк в гомеровской Греции не был известен.

Песнь десятая

Стих 7. *...сыновьям дочерей он в супружество отдал.* – Отпечаток глубочайшей древности лежит на всем быте семьи Эола. Брак его сыновей и дочерей – отголосок древнейшего группового брака.

Стихи 81–82. ...к многовратному граду... Ламосу – неверный перевод: у Гомера столица лестригонов называется Телепила (что значит “широковратная”; это слово Жуковский и перевел “многовратный”); Ламос же – царь лестригонов, основатель Телепилы.

Стих 86. *Ибо там паства дневная с ночью сближается паствой.* – В стране лестригонов день значительно длиннее ночи; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки слышали о коротких летних ночах на севере.

Стих 305. *Моли* – сказочная волшебная трава, вроде разрыв-травы или цветка папоротника в русских сказках. Моли – слово не греческое, поэтому автор и ссылается на “язык богов”.

Стих 350. *Все они дочери были потоков, и роц...* – Цирцея служат нимфы.

Стих 441. *Был мне и родственник близкий...* – По словам античных толкователей, Еврилох был мужем сестры Одиссея.

Стихи 494–495. ...*в аде он лишь с умом...* – По гомеровскому представлению, души в загробном мире теряют мышление и память.

Песнь одиннадцатая

Стихи 112–113. ...*пророчу гибель всем вам: тебе, кораблю и спутникам* – неточный перевод; в подлиннике стоит: “Я пророчу тебе гибель корабля и товарищей”. Самому Одиссею гибель не грозит.

Стих 291. *Беспорочный взялся прорицатель* – Меламп; его брат Биант сватался к Пере, но отец ее, Нелей, соглашался отдать ее лишь за того, кто приведет к нему стадо царя филаков Ификла. Добыть это стадо взялся Меламп, но был схвачен и заточен в темницу. Однако через год Ификл сам освободил его и отдал ему стадо, так как Меламп открыл ему, как он сможет избавиться от бездетности. Этот секрет Меламп, понимавший язык зверей и птиц, случайно подслушал у коршуна.

Стих 318. *Сын громовержца* – Аполлон, сын Зевса.

Стих 471. *Тень быстрого внука Эакова* – тень Ахиллеса.

Стих 539. *Асфодилонский луг* – правильнее “луг асфоделей” – цветов, растущих, по представлениям греков, в царстве Аида.

Стихи 544–546. ...*на победу злая моя, мне отдавшую в стане аргивян доспехи сына Пелеева.* – Фетида велела отдать выкованные Гефестом доспехи Ахиллеса тому из героев, кто больше всех отличился, защищая тело Ахиллеса. Возник спор между Одиссеем и Аяксом. Ахейцы решили, что наиболее беспристрастным будет мнение врагов, и дали

рассудить спор троянским пленным. Однако Афина внушила им решение в пользу Одиссея. Аякс от огорчения впал в безумие, а придя в себя, покончил самоубийством. Этот миф мы знаем по трагедии Софокла “Аякс”.

Стих 602. *...а сам он с богами...* – Здесь, очевидно, имеет место позднейшая вставка, введенная с целью примирить более раннее представление о Геракле – смертном герое с возникшим позже мифом о том, что после смерти Геракл стал богом.

Песнь двенадцатая

Стих 61. *Бродящие утесы.* – У Гомера они называются “планкты”, по другим мифам – “симплегады”; мифические скалы, то раздвигающиеся, то вновь сталкивающиеся. Сталкиваясь, они раздавливают проходящие корабли. Впрочем, в данном месте “Одиссеи” нет прямого указания на движение самих скал: говорится лишь о бурном волнении вокруг них.

Стих 85. *Страшная Скилла.* – Античные толкователи Гомера считали, что Скилла (Сцилла) и Харибда находятся в Мессинском проливе между Италией и Сицилией.

Стих 129. *...семь стад составляют быки...* – Семь стад Гелиоса по пятьдесят голов в каждом – мифологический образ пятидесяти семидневных недель, составлявших лунный год греков. Быки и бараны символизируют дни и ночи.

Стихи 304–305. *...в заливе острова тихом...* – Некоторые исследователи полагают, что место, описываемое Гомером, – залив близ Мессины в Сицилии.

Стих 312. *Онпол* – противоположный берег.

Стих 343. *Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде...* – Древние греки всегда представляли жертвоприношение как совместную трапезу жертвующего и бога. Поэтому жертвоприношение всегда сопровождалось пиром.

Песнь тринадцатая

Стихи 14–15. *...себя ж наградим за убытки богатым сбором с народа* – любопытная черта социального строя, свидетельствующая об эксплуатации народных масс нарождающейся аристократией.

Стих 81. *...как полем широким коней четверня...* – Все сравнение –

позднейшая вставка: еще древние комментаторы отмечали, что в гомеровское время не знали колесниц, запряженных четверкой.

Стих 130. *...божественной нашей породы.* – Вспомним, что Алкиной – внук Посейдона.

Стих 156. *...его перед ними в утес обратишь ты.* – Возле острова Керкиры (теперь Корфу) до сих пор имеется скала, похожая по своим очертаниям на корабль. На этом основании древние толкователи Гомера отождествляли остров феакийцев с Керкирой.

Стих 272. *...к кораблю финикийских людей...* – В гомеровскую эпоху морская торговля находилась преимущественно в руках финикийских купцов.

Стих 343. *...умерщвлением милого сына* – ошибка Жуковского: Полифем был ослеплен Одиссеем, о чем и говорится в оригинале.

Песнь четырнадцатая

Стих 263. *Грabitь поля плодоносные жителей мирных Египта...* – Разбойничьи нападения каких-то “морских народов” на Египет засвидетельствованы многочисленными письменными памятниками Древнего Египта. Весьма вероятно, что этими “морскими народами” были греки, достигшие в эпоху критской культуры большого могущества на море. Из египетских документов знаем мы и о людях с севера, поступавших на службу к фараонам. Таким образом, в основе вымышленного рассказа Одиссея лежат подлинные исторические воспоминания.

Стихи 327–328. *...в Додону затем, чтоб оракул... Диева дуба...* – Жрецы оракула Дия (Зевса) в Додоне предсказывали будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Стих 480. *Мантия.* – Так Жуковский переводит слово “хлена” (см, прим. к “Илиаде”, песнь вторая, стих 262).

Песнь пятнадцатая

Стих 33. *Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье...* – Афина советует Телемаху плыть от западной оконечности Элиды – мыса Феи – не прямо на северо-запад к Итаке (на этом обычном пути кораблей его ждет засада женихов), а идти сперва на север вдоль

материка и затем свернуть прямо к западу, чтобы подойти к Итаке с юго-запада.

Стих 102. *Двухручный кубок*. – См. прим. к “Илиаде”, песнь первая, стих 584 (“кубок двудонный”).

Стих 330. ...*им рабы подчиненные служат...* – В подлиннике речь идет не о рабах, а о слугах.

Стих 388. *Мужу тому* – Лаэрту.

Песнь шестнадцатая

Стихи 207–208. *Афины, мощной добычницы* – Афина, как богиня-воительница, считалась и богиней военной добычи.

Стих 269. *Ареев расчет смертоносный* – бой.

Стихи 287–288. *В палате дымно*. – В гомеровскую эпоху главный зал греческого дома – мегарон – освещался факелами и очагом, расположенным в центре его между четырех колонн. Дым выходил в отверстие в потолке, поэтому стены быстро покрывались копотью.

Песнь семнадцатая

Стих 289. ...*корабли, принося разоренье народам*. – Речь идет очевидно, о кораблях пиратов.

Стих 541. *Чихнул Телемах*. – Чихание считалось у древних греков и римлян добрым предзнаменованием, подтверждением хороших пожеланий.

Песнь восемнадцатая

Стих 7. *Ир*. – Прозвище Ир произведено от имени Ириды, вестницы богов; Арнеон, бывший на побегушках у женихов, в шутку прозван Иром.

Стих 84. *На твердую землю* – на материк. О жестоком по отношению к рабам царя Эхете нам известно только из “Одиссеи”. Перевод Жуковского смягчен вместо “в крохи изрубит тебя” Антиной говорит, что Эхет оскопит Ира и бросит вырванные части собакам.

Стих 160. *Выйти, дабы, женихам показавшись...* – Афина внушает Пенелопе мысль показаться женихам, во-первых, затем, чтобы увлечь их и подать им ложную надежду перед предстоящей гибелью, и, во-вторых,

затем, чтобы побудить их поднести еще более богатые подарки. Собирая подарки претендентов на ее руку, Пенелопа умножает богатства своей семьи и этим добивается еще большего уважения со стороны мужа и сына.

Стих 264. *Конями владеют* – то есть сражаются на колесницах, конница в гомеровскую эпоху была неизвестна.

Стих 329. *Шинок*. – Так переводит Жуковский с того “лесха” – общественное помещение, где иногда устраивались собрания и куда постоянно собирались жители, чтобы поболтать и обменяться новостями, в “лесхах” часто ночевали бездомные бродяги. Иногда роль этого своеобразного клуба выполняла жарко натопленная кузница.

Стих 366. *Если б с тобой, Евримах привелось мне поспорить работой*. – В гомеровскую эпоху физический труд вовсе не считался унижительным для свободного, как это было позже в классический период.

Песнь девятнадцатая

Стихи 175–177. *Разные слышатся там языки...* – Гомер рисует реальную картину народонаселения Крита в его эпоху: *первоплеменная порода критян и пеласги* – доахейское население; *ахейцы* явились первой волной завоевателей, в их среде и сложились сказания, послужившие основой для “Илиады” и “Одиссеи”; *дорийцы* пришли позже и не могли принимать участия в изображаемых событиях, почему они и упомянуты в поэмах всего один раз, в данном стихе.

Стихи 178–179. *Едва девяти лет достигнув, там уж царем был Минос* – неверный перевод Жуковского: Минос является царем не с девятилетнего возраста, а по десятилетиям, так как, согласно малоизвестному мифу, каждые девять лет он обращается к своему отцу Зевсу (отсюда и “собеседник Крониона”) и получает от него новые законы для своего государства. В этом мифе нашло отражение первобытное представление о том, что царь обладает магической силой, от которой зависит благоденствие страны; со временем эта сила истощается, и царя убивают или сменяют. Минос, обращаясь к божеству отцу, от которого он получил свою магическую силу, каждые девять лет обновляет ее. Во времена Гомера это представление было давно изжито, остался лишь миф, на который намекает поэт.

Стихи 196–197. *...хлебом, собранным с мира* – то есть с народа. Еще одно свидетельство того, как знать переключивала свои расходы на плечи народа (см. также песнь тринадцатую, стихи 14–15).

Стих 409. *Пусть назовется мой внук Одиссеем...* – Гомер возводит имя “Одиссей” к глаголу “одиссомай” – сержусь, гневаюсь. Однако это сопоставление сделано лишь по созвучию.

Стих 473. *Сжав Одиссею рукой подбородок* – вернее, коснувшись подбородка; этот жест выражал у греков просьбу или любовь.

Стих 518. *Плачет Аида* – то есть плачет соловей.

Песнь двадцатая

Стих 65. *Где начинается свой путь Океан* – царство Аида.

Стих 141. *Пуховая постель, ковер* – вольный перевод Жуковского, никаких перин, подушек и ковров в гомеровское время не было.

Стих 189. *В сенях многозвучных* – в мощеных сенях.

Стихи 276–277. *В это время народ через город с глашатаем жертву шел совершать...* – Описываемые события происходят в день новолуния, в праздник Аполлона.

Стихи 351–355. *Горе! Невидимы стали головы ваши...* – Феоклимен как бы видит свершившейся будущую судьбу женихов. *Привиденья* – души убитых, отлетающие в царство Аида – *Эреб*.

Песнь двадцать первая

Стих 115. *...удаление матери милой из дома...* – В оригинале говорится, что, если Телемах согнет лук, Пенелопа останется в его доме.

Стих 145. *Жертвогадатель*. – На обязанности Леодея было следить, не произойдет ли во время жертвоприношения каких-либо знамений, и гадать по внутренностям жертвенных животных; он же следил за возлияниями и поэтому сидел возле *кратеры*, в которой вино смешивали с водой.

Стихи 294–295. *Был им некогда Евритион... обезумлен*. – О битве кентавров с лапифами см. в словаре “Евритион” и “Пирифой”.

Стихи 394–395. *...рассматривал, целы ль роги...* – Для большей упругости лук отделялся по концам рогом.

Песнь двадцать вторая

Стих 55. *...после назначишь нам цену, какую захочешь...* – Евримах

предлагает Одиссею возмещение убытков и сверх того выплату огромной пени за бесчестье: по двадцати быков с каждого. Это должно, с точки зрения обычного права, полностью компенсировать Одиссею нанесенный ему ущерб; поэтому тот не имеет уже права мстить женихам безнаказанно.

Стих 79. *...из ножен... выхватил меч свой.* – Хотя все оружие из зала вынесено, каждый из женихов вооружен коротким мечом, который он постоянно носит при себе.

Стих 335. *Зевсов алтарь, охраняющий дом...* – Человек, прибегший к алтарю, становится неприкосновенным.

Стих 481. *...огня принеси и подай очистительной серы...* – В конце песни Гомер описывает обряд “очищения”: согласно греческим верованиям, пролитая кровь оскверняла место, где была пролита; серный дым очищал его от скверны.

Песнь двадцать третья

Стихи 243–244. *Деннице ж златопрестольной.* – Денница – Эос, которая, как и солнце, по представлению древних греков, выезжает на небо в двуконной колеснице. Имена коней обозначают: *Ламп* – “светлый”, *Фаэтон* – “сверкающий, лучезарный”.

Стих 248. *О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим...* – О дальнейших странствиях Одиссея, а также о его случайной гибели от руки Телегона (“далеко рожденного”), сына самого Одиссея и Цирцеи, повествовалось в эпической поэме “Телегония”, не дошедшей до нас.

Песнь двадцать четвертая

Стих 5. *...полетели за Эрмием тени...* – Описанная здесь сцена в Аиде дает совершенно другое представление о загробном мире, чем в одиннадцатой песни: души попадают в царство мертвых еще до погребения тел, их ведет туда своим жезлом Гермес, души сохраняют память и т. д. Все это заставляет думать, что здесь сделана позднейшая вставка.

Стих 12. *Мимо ворот Гелиосовых.* – Ворота Гелиоса, по представлениям древних греков, находились на крайнем западе, в них заходило солнце.

Стих 37. *Аргос.* – Речь идет не об Аргосе в Пелопоннесе, а об Аргосе пеласгическом в Фессалии.

Стихи 46–47. ...от печали волосы рвавших... – В подлиннике ахейцы не рвут на себе волосы, а отрезают их, чтобы посвятить умершему.

Стихи 197–198. ...в песнях Камен сохранится память о верной... Пенелопе. – В подлиннике речь идет лишь о том, что славу Пенелопы на земле сохраняют певцы. Камены – божества не греческие, а римские, позже отождествленные с греческими Музами; в текст “Одиссеи” упоминание о них внесено Жуковским.

Стих 199. *Коварной Тиндаровой дочери.* – Здесь Тиндарова дочь – не Елена, а Клитемнестра, дочь Леды и ее смертного мужа Тиндара.

Стих 306. *Еперит, сын Афейда Полипимонида.* – Еперит значит: “гонимый”, Афейд – “тот, кого не щадили”, Полипимонид – “многострадальный”.

Стих 472. *Светлоокая Зевса Крониона дочь* – Афина.

Стих 497. *Одиссей сам-четверт* – то есть три соратника Одиссея: Телемах, Филойтий и Евмей – и сам Одиссей – четвертый.

Стих 523. *Медноланитный... шелом* – шлем с медными пластинками, прикрывавшими щеки и виски.

Стих 539. *Громовою стрелою Крониона* – молнией, оружием Зевса.

С.Ошеров

Словарь мифологических и географических названий и имен

Абанты – воинственный народ, живший на острове Эвбее.

Абид (Абидос) – город в Малой Азии на берегу Геллеспонта.

Абии – кочевое скифское племя, жившее, очевидно, по Дунаю.

Авгеас (Авгий) – царь в Элиде, владелец огромных стад. Его скотные дворы, не чистившиеся тридцать лет, за один день очистил Геракл, который провел в них воду реки Алфей. Авгий отказался заплатить герою и за это был им наказан: Геракл пошел на Элиду войною и разгромил Авгия и его союзников.

Авлида – гавань в Беотии, где собирались греки перед отплытием под Троию.

Автоликон (Автолик) – дед Одиссея с материнской стороны, знаменитый обманщик и вор. Сын Гермеса, Автолик получил от него в дар удивительную изворотливость, ловкость и хитрость: он мог сделать невидимой любую украденную вещь и клясться так ловко, что потом не выполнял своих клятв, не нарушая их формально. От него Одиссей и унаследовал свою хитрость.

Автомедон – возница Ахиллеса. Его имя стало нарицательным для обозначения ловкого кучера. Например, у Пушкина в “Евгении Онегине” о ямщиках: “Автомедонты наши бойки”.

Агамеда – дочь Авгеаса, волшебница.

Агамемнон – царь Микен и Аргоса, сын Атрея, брат спартанского царя Менелая. Под Троей Агамемнон был верховным вождем союзного ахейского войска; в день возвращения из-под Трои был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом.

Агафон – сын Приама.

Агенор – сын Антенора и Феано, троянский герой.

Адмет – царь города Феры в Фессалии. Боги дали ему возможность отсрочить смерть, если кто-нибудь согласится умереть вместо него. Жена Адмета Алкеста согласилась умереть вместо мужа, но Геракл, гостивший в это время у Адмета, отбил ее у бога смерти.

Адраст – один из главных организаторов похода семерых против Фив (см. Полиник), царь Аргоса и Сикиона. Другой Адраст – союзник троянцев из города Адрастеи. Адрастами зовут и двух троянских воинов, упоминаемых в “списках убитых”.

Адрастея – город в Малой Азии, в области Мизии.

Азий Гиртакид (сын Гиртака) – союзник троянцев из города Арисбы.

Азийский луг – поле в Лидии, в Малой Азии.

Аид – сын Крона и Реи, брат Зевса, бог подземного царства мертвых. Его имя обозначает “невидимый” и является заменой другого имени, внушавшего людям религиозный ужас. Царство Аида или часто просто Аид (ад) – загробный мир, царство мертвых.

Аида – (в переводе – “соловей”) – жена Зефоса (см. Амфион и Зефос). Из зависти к жене Амфиона Ниобе, имевшей двенадцать детей, она решила убить любимого младшего сына Ниобы, но по ошибке убила своего единственного сына Итилоса. Горе ее было так сильно, что боги сжалились над ней и превратили ее в соловья, который в своей песне вечно повторяет имя “Итил”.

Акамас – сын Антенора и Феано, предводитель дарданцев; другой Акамас – предводитель союзных с троянцами фракийцев; Акамасом зовут и сына Азия.

Акаст – царь острова Дулихия.

Акрисий – отец Даная, дед Персея (см. Персей).

Аксий – река в Македонии.

Акториды – близнецы-герои со сросшимися телами, дети элейца Актора.

Алибанты – сказочный народ.

Алкеста – см. Адмет.

Алкимедон – мирмидонец, предводитель пятого строя войск Ахиллеса и близкий друг этого героя.

Алкмена – микенская царевна, жена тиринфского царя Амфитриона, бежавшего из Микен в Фивы. Здесь, в отсутствие ее мужа, с ней соединился Зевс, принявший образ Амфитриона. От него Алкмена родила Геракла.

Алкмеон – сын Амфиарая и Эрифилы; мстя за отца, он убил мать и подвергся преследованиям Эриний (см. Амфиарай).

Алоей – древнее божество, бог обмолоченного зерна; считался сыном Посейдона. Был мужем Ифимедеи, которая родила от него Отоса и Эфиальтеса.

Алоиды – см. Отос и Эфиальтес.

Алосинда – морская богиня.

Алфей – река в Пелопоннесе.

Алфея – мать Мелеагра (см.), сестра Леды.

Амазонки – мифическое племя женщин-воительниц и наездниц,

живущих на севере. С ними сражались Геракл и Тесей; в Троянской войне амазонки также были враждебны ахейцам и после смерти Гектора пришли на помощь троянцам. Их царица Пентесилея была убита Ахиллесом.

Амаринк – фессальский воин, помогавший Авгеасу в войне с Гераклом; за это Авгеас разделил с ним власть.

Амидон – город на севере Македонии.

Амикла (Амиклы) – город в Лаконике, на юге Пелопоннеса.

Аминтор – отец Феникса, воспитателя Ахиллеса.

Амифаон – сын Тиро и Крефея, отец Мелампа (см.).

Амнисий – гавань на Крите.

Амфиарай – царь Аргоса, правнук прорицателя Мелампа и сам прорицатель. Полиник, изгнанный фиванский царевич, сын Эдипа, старался привлечь Амфиарая к походу против Фив, но тот, предвидя гибельный исход войны, отказывался.

Тогда Полиник подкупил жену Амфиарая Эрифилу, и та принудила мужа отправиться в поход. После поражения Амфиарай спасался бегством в колеснице, но земля разверзлась под ним и поглотила его.

Амфилох – сын Амфиарая и Эрифилы, прорицатель, принимавший участие в Троянской войне.

Амфион и Зефос (Зетос) – братья-близнецы, дети Зевса и Антиопы, дочери речного бога Асопа. Оба царствовали в Фивах, воздвигли стены вокруг города: Зефос, богатырь и силач, подносил на руках огромные камни; Амфион, искусный музыкант, заставлял их звуками своей кифары двигаться и складываться в стены. Другой Амфион – царь беотийского города Орхомена, дед Нестора.

Амфитея – жена Автолика, бабка Одиссея по матери.

Амфитрион – муж Алкмены, считавшийся земным отцом Геракла (см. Алкмена).

Амфитрита – богиня моря, по позднейшим мифам – жена Посейдона.

Андромаха – дочь Этиона, царя Фив в Киликии, жена Гектора. По позднейшим мифам, после долгих злоключений в рабстве у Неоптолема, сына Ахиллеса, стала женой троянца Гелена и основала с ним в Эпире новую Трою.

Аntenор – троянский старец, друг Приама и отец одиннадцати сыновей – защитников Трои; сторонник выдачи Елены Менелаю и прекращения войны.

Аntenорид – каждый из сыновей Антенора.

Антиклея – дочь Автолика и Амфитеи, мать Одиссея.

Антилох – старший сын Нестора, участник Троянской войны и

ближайший друг Ахиллеса после гибели Патрокла. Погиб в конце войны от руки Мемнона, прикрывая своим телом старика отца.

Антиной – сын Евпейта, самый наглый среди женихов Пенелопы.

Антиопа – дочь речного бога Асопа, родившая от Зевса близнецов Зефоса и Амфиона.

Антифат – 1) прорицатель сын Мелампа; 2) царь лестригонов; 3) итакиец, друг Одиссея.

Антя – жена Прета, оклеветавшая Беллерофонта (см.).

Анхиз – отец Энея, представитель младшей ветви троянских царей. Боги, разгневавшиеся на Афродиту за то, что она все время внушает им любовь к людям, а сама ни разу не любила смертного, заставили ее полюбить Анхиза, пасшего стада на Иде. От их любви рождается Эней. Афродита запретила Анхизу разглашать тайну их любви, но Анхиз ослушался и за это был искалечен молнией.

Апия – древнейшее название Пелопоннеса.

Аполлон – бог солнечного света, символизированного золотыми стрелами этого бога, неизменным атрибутом которого был лук. Аполлон также покровитель музыки и поэзии, предводитель хора Муз и сам искусный музыкант (кифаред); он же – бог-прорицатель и бог-врачеватель. Сын Зевса и Лето (Латоны), брат-близнец Артемиды.

Аргивяне, аргивцы – жители Аргоса. Тем же словом Гомер называет всех греков в противоположность негрекам.

Аргисса – город в северной части Фессалии.

Арго – корабль, на котором Ясон (см.) совершил поход за золотым руном; по имени корабля плывшие на нем герои получили название “аргонавты”.

Аргос – во времена Гомера – Арголида, область в Пелопоннесе, в которой позже возвысился город Аргос; иногда словом “Аргос” обозначается весь Пелопоннес.

Аргос пеласгический – равнина в Фессалии, близ реки Пеней: там находились владения Ахиллеса.

Аргус – тысячеглазое чудовище; его Гера поставила стеречь возлюбленную Зевса Ио, из ревности превращенную ею в корову. Однако Гермес по поручению Зевса убил Аргуса; отсюда и приходит часто встречающийся в “Илиаде” и “Одиссее” эпитет Гермеса “аргоубийца”.

Арей (Арес) – сын Зевса и Геры, бог войны.

Арейон – чудесный конь царя Адраста, спасший его после поражения похода семерых против Фив. Конь этот был рожден Деметрой и Посейдоном, принявшими образ коней.

Арейфоой – царь Арны, города в Беотии, всегда сражавшийся палицей и убитый в тесном ущелье, где он не мог размахивать своим оружием.

Арет – сын Нестора. Так же зовут и одного из сыновей Приама, убитого Автомедонтом.

Аретуса – название источника на Итаке.

Ариадна – дочь критского царя Миноса. Когда на Крит прибыл из Афин вместе с юношами, обреченными на съедение чудовищу с бычьей головой – Минотавру, царевич Тесей, Ариадна влюбилась в него. Минотавр находился в Лабиринте – дворце с таким количеством переходов, что из него невозможно было выбраться. Ариадна дала Тесею клубок ниток, которые тот разматывал, входя в Лабиринт. Убив Минотавра, Тесей легко выбрался из Лабиринта по размотанной нити (отсюда и наше выражение “нить Ариадны”). Тесей увез Ариадну, но, по велению богов, покинул ее спящую на острове Наксосе, так как ей суждено было стать супругой бога Диониса.

Арисба – город в Троянском царстве, близ Абидоса.

Аркадия – горная лесистая область в центральной части Пелопоннеса.

Аркесий – сын Зевса, отец Лаэрта, дед Одиссея.

Аркесиад – сын Аркесия, Лаэрт.

Арктос – созвездие Большой Медведицы. Само слово “арктос” значит медведица (отсюда “Арктика”, “арктический”). Миф, дошедший до нас в поэме древнеримского поэта Овидия “Метаморфозы” (“Превращения”), рассказывает о нимфе Каллисто, подруге и спутнице Артемиды. Все спутницы Артемиды должны были сохранять девственность, как и сама богиня; Каллисто же соблазнил Зевс. Когда Артемида узнала об этом, она превратила Каллисто в медведицу, а Зевс поместил ее в виде созвездия на небо.

Арна – город в Беотии.

Артакийский ключ – источник в стране лестригонов.

Артемида – вечно девственная богиня-охотница, дочь Латоны и Зевса, сестра Аполлона.

Позже стала богиней луны и богиней, помогающей при родах. Как и ее брат, вооружена луком и стрелами.

Аскалаф – сын бога Арея и Астиохи, вождь беотийского племени минийцев, сражавшихся под Троей.

Асклепий – сын Аполлола, бог-врачеватель, культ которого был очень широко распространен в более позднюю эпоху. У Гомера Асклепий – еще не бог, а смертный, отец Махаона и Подалирия, врачей ахейского войска.

Асоп – река в Беотии, а также бог этой реки.

Ассарак – один из рода троянских царей, сын Троса, родоначальник младшей ветви, к которой принадлежали Анхиз и Эней.

Астер (буквально: “звезда”), – остров недалеко от Итаки.

Ата – дочь Зевса, богиня, помрачающая рассудок людей и толкающая их на гибель.

Атлант – титан, брат Прометея и отец нимфы Калипсо. За какие-то козни против богов обречен был, по гомеровскому варианту мифа, поддерживать столбы, подпирающие небосвод, а по другой версии – держать небо на своих плечах. Позже был превращен в гору, которая до сих пор носит его имя (хребет Атлас в Северной Африке).

Атрей – сын Пелопса (см. Тантал), отец Атридов – Агамемнона и Менелая. Враждуя со своим братом Фиестом (см.), Атрей совершил ужасное преступление он умертвил детей Фиеста, приготовил из них трапезу и угостил ею брата, а затем пытался заставить оставшегося в живых сына Фиеста Эгиста убить отца. Атрей сам пал от руки Фиеста и Эгиста.

Аттика – область в Средней Греции со столицей Афины.

Аттийский – аттический.

Афина Паллада – дочь Зевса, родившаяся из его головы. Богиня-воительница, вечно девственная богиня мудрости, покровительница ткачества. Ее постоянный эпитет – “светлоокая”, точнее, “совоокая” – свидетельствует о том, что в глубочайшей древности богиню представляли в виде совы, которая позже стала ее священным животным.

Афины – главный город Аттики, с древнейших времен центр культа Афины Паллады. Начиная с V века до н. э. – центр культуры всей Греции.

Афос – гора Афон в восточной части материковой Греции.

Афродита – богиня любви и красоты; по одной версии мифа – дочь Зевса и Дионы, по другой – вышла из морской пены. По гомеровскому представлению (в “Одиссее”), она – жена Гефеста, по другим мифам – жена Ареса. Ее постоянные определения – Киприда и Киферея – происходят от названий двух важнейших мест ее культа островов Кипра и Киферы.

Ахайя – земля ахейцев.

Ахейцы (ахеяне) – одно из древнейших греческих племен, пришедшее с севера, завоевавшее исконное население – пеласгов и смешавшееся с ними. В “Илиаде” и “Одиссее” слово “ахейцы” служит самым частым обозначением всех греков в противоположность негрекам.

Ахелой – 1) река в Этолии; 2) река во Фригии, берущая начало на горе Сипил.

Ахерон – река в царстве мертвых, через которую должны были

переправиться души умерших, чтобы попасть в Аид.

Ахиллес (Ахилл) – главный герой Троянской войны, сын морской богини Фетиды и Пелея, царя города Фтии в Фессалии. Величайший из греческих героев; он совершил под Троей множество подвигов, но на десятый год войны был убит стрелой Париса, которую Аполлон направил в единственное уязвимое место на теле Ахиллеса – в пятку (отсюда выражение “ахиллесова пята”).

Аякс – сын Оилея, царь локров и предводитель их под Троей (локеры – народ, живший в Средней Греции). При взятии Трои, пытаясь насильно увести Кассандру из храма Афины, навлек на себя гнев богини, которая бросила Зевсову молнию в его корабль, плывший из Трои, а самого Аякса Посейдон пригвоздил к скале.

Аякс – сын Теламона, царя Саламина и брата Пелея (отца Ахиллеса), самый сильный после Ахиллеса герой под Троей. После смерти Ахиллеса вступил с Одиссеем в спор за оружие погибшего героя, которое Фетида велела отдать тому, кто больше всех отличился при спасении тела Ахиллеса. Спор предоставили решить пленным троянцам, и они, по внушению Афины, решили его в пользу Одиссея. Обиженный Аякс впал в безумие и стал избивать скот ахейцев, думая, что убивает ахейских вождей. Придя в себя, он покончил самоубийством.

Беллерофонт – герой, победивший Химеру. Его история подробно рассказана в “Илиаде”, в песни шестой, стихах 155–195.

Беотия – область в Средней Греции.

Борей – северный ветер.

Бриарей – сторукий великан огромной силы, сын Геи-земли и Урана-неба.

Вакх – культовое имя Диониса, бога вина.

Ватиея – холм около Трои, считавшийся могильным курганом амазонки Мирины.

Воот – название созвездия близ Большой Медведицы (буквальный перевод – “волопас”), самая яркая звезда его – Арктур.

Вупрасий (Вупрас) – главный город эпейцев в Элиде.

Вупрасийцы – жители этого города.

Гализоны – народ, населявший Черноморское побережье Малой Азии.

Гаргар – одна из вершин Иды.

Ганимед – сын троянского царя Троса, которого Зевс за его красоту купил у отца, дав тому чудесных коней. По более поздним мифам, Ганимеда похитил орел Зевса и поднял его на Олимп. Там Ганимед получил бессмертие и стал виночерпием на пирах богов.

Гарпии (похитительницы) – духи вихря и смерти; по более поздним мифам – птицы с женскими головами и грудью, невидимо летавшие по воздуху и похищавшие людей.

Геба (Гебея) – дочь Зевса и Геры, вечно юное божество – олицетворение расцвета человеческой жизни, который наступает, по мнению греков, после восемнадцати лет. Геба прислуживает богам во время пиров. После обожествления Геракла она была дана богами ему в жены.

Гекатомба – буквально “сто быков” – жертва богам в сто быков; позже это слово стало обозначать любое крупное жертвоприношение.

Гектор – сын Приама и Гекубы, главный защитник Трои.

Гекуба – жена Приама, мать девятнадцати его сыновей, в том числе Гектора и Париса, и многих дочерей, в том числе – Кассандры.

Гелен – прорицатель, сын Приама. После гибели Трои он стал рабом Неоптолема, сына Ахиллеса, а после смерти своего господина унаследовал часть его царства в Эпире и создал там “маленькую Трои”. Другой Гелен – ахейский воин, убитый Гектором.

Гелика – город на севере Пелопоннеса, в котором находилось крупное святилище Посейдона.

Гелиос (Гелий) – бог солнца, брат Эос-зари и Селены-луны, сын титана Гипериона.

Геллеспонт – пролив, отделяющий Малую Азию от Херсонеса Фракийского (теперь полуостров Галлиполи). Ныне этот пролив называется Дарданеллы.

Гера – дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, царица богов и богиня-покровительница браков.

Геракл – любимейший герой греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены. Преследуемый Герой, он благодаря ее проискам попал в услужение к трусливому и ничтожному Эврисфею, царю Микен, и по его поручению совершил двенадцать знаменитых подвигов. Геракл очистил землю от чудовищ, освободил Прометея, победил даже бога смерти. После смерти Геракл был взят на Олимп и стал богом. Отрицательные черты, сказавшиеся в рассказе об убийстве Ифита (“Одиссея”, песнь двадцать первая, стихи 25 и сл.), были внесены в образ Геракла из ненависти к завоевателям-дорянам, считавшим Геракла своим предком.

Герест – высокий мыс на юге острова Эвбеи.

Герм – река в Малой Азии.

Гермес – сын Зевса и Майи, вестник богов, бог торговли и красноречия.

Гермиона – 1) дочь Елены и Менелая, которую они выдали замуж за

Неоптолема, сына Ахиллеса; 2) город в Арголиде.

Геронты – старейшины.

Геспер – вечерняя звезда.

Гестия – богиня домашнего очага.

Гефест – сын Зевса и Геры, бог огня, бог-покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец; греки представляли Гефеста могучим, но некрасивым и хромым на обе ноги.

Гея – земля, богиня земли.

Гиады – созвездие, название которого обозначает “дождливые”.

Гиганты – 1) змееногие огромные дети Геи, наделенные чудовищной силой. Мать дала им средство, сделавшее их неуязвимыми для богов, с которыми они вступили в битву за власть над миром. Боги не могли одолеть гигантов, и лишь призванный ими на помощь смертный Геракл своими стрелами уничтожил детей Земли, поверженных богами; 2) дикое племя, населявшее Эпир и истребленное Зевсом.

Гигейское озеро – озеро в Малой Азии, в области Лидии, севернее реки Герм.

Гида (Гиды) – город в Лидии.

Гилл – приток Герма в Лидии.

Гипересия – город на севере Пелопоннеса.

Гиперея – источник в Фессалии.

Гиперийская земля – то есть “запредельная” или “верхняя” земля – мифическая родина феакийцев, откуда они затем переселились на Схерию.

Гиперион – буквально значит “высокоидущий” – титан, отец Гелиоса-солнца, Эос-зари и Селены-луны. В других случаях Гиперион – эпитет солнца.

Гипподамия – жена Пирифоя, на свадьбе которой началась битва лапифов с кентаврами. Так же зовут дочь Анхиза, сестру Эпея.

Гипполох – 1) сын Беллерофонта, отец Главка; 2) сын троянца Антимаха, убитый Агамемноном.

Гиппофой – один из сыновей Приама. То же имя носит предводитель пеласгов под Троей.

Гирейские скалы – поднимающиеся из воды скалы среди островов Греческого архипелага. Возле них погиб корабль Аякса, сына Оилея.

Главк, сын Гипполоха – царь ликийцев, внук Беллерофонта, один из храбрейших защитников Трои. Главком зовут и его предка, сына Сизифа и отца Беллерофонта.

Горгоны – крылатые чудовища со змеями вместо волос. Один взгляд на них обращал человека в камень. У Гомера упоминается одна Горгона –

Медуза; она была смертной, и ее убил Персей.

Гортина – крупный город на юге острова Крита.

Горы (Оры) – богини времен года, стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота.

Данаи – племя, жившее в Арголиде. Их имя служит Гомеру одним из наименований всех греков вообще в противоположность негрекам.

Даная – дочь аргосского царя Акрисия. Акрисию было предсказано, что сын его дочери убьет его. Чтобы не выдавать красавицу Даная замуж, отец скрыл ее в подземных покоех, но Зевс, влюбившийся в нее, проник к ней в виде золотого дождя. От Зевса Даная родила Персея.

Дардан – 1) сын Зевса, родоначальник троянских царей, общий предок Гектора и Энея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.

Дардания – древний город в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, якобы основанный Дарданом. В историческое время этот город не существовал.

Девкалион – сын критского царя Миноса, отец Идоменея, который поэту часто именуется в “Илиаде” Девкалид.

Дедал – мифический афинский скульптор и мастер-изобретатель. Убив из зависти своего племянника, он бежал на Крит к Миносу, где построил Лабиринт (см. Ариадна). Минос не хотел отпускать Дедала, и тот бежал от него по воздуху, сделав из перьев и воска крылья. “Дедаловыми” назывались в классическую эпоху архаические статуи.

Деифоб (Дейфоб) – сын Приама, храбрый воин. После гибели Париса Елена была отдана ему в жены.

Делос – остров в Эгейском море; согласно мифу, он блуждал по волнам, пока Латона не родила на нем Аполлона и Артемиду. Делос был одним из важнейших центров культа Аполлона.

Деметра – дочь Крона и Реи, богиня плодородия и земледелия, мать Персефоны (см.).

Демон – так в переводах Гнедича и Жуковского передается греческое слово “даймон”, обозначающее “божественная сила”, или “божество”, в том случае, когда не указано точно, какой бог имеется в виду.

Денница – так Гнедич передает имя богини утренней зари Эос.

Дий – одно из имен Зевса.

Диоклес – сын Орсилоха, царь города Фер в Пелопоннесе.

Диомед – сын Тидея, один из величайших ахейских героев; до Троянской войны участвовал в “походе эпигонов” против Фив – походе, предпринятом сыновьями погибших под Фивами союзников Полиника.

Диона – мать Афродиты, древнейшее божество, культ которой в

историческое время почти полностью исчез.

Дионис – сын Зевса и фиванской царевны Семены, бог вина и виноградной лозы, культ которого был связан с пьяным весельем и экстагическими оргиями. В период создания гомеровских поэм греки еще не знали почитания Диониса, поэтому в “Одиссее” он встречается лишь в тех местах, которые считаются позднейшими вставками.

Дия – другое название острова Наксоса.

Додона – город в Эпире, где находился оракул Зевса.

Долопы – фессалийское греческое племя.

Дриас – один из лапифов, а также отец Ликурга.

Дулихий – остров, лежащий, по Гомеру, недалеко от Итаки. Неизвестно, какой именно из островов разумеет под этим названием поэт.

Евмел (Эвмел) – сын Адмета, царя Фер и Фессалии, и Алкесты, предводитель фессалийцев под Троей.

Евпейт – знатный итакиец, отец Антиноя.

Евр (Эвр) – восточный ветер.

Еврибат (Эврибат) – глашатай Одиссея, сопутствовавший ему в походе под Троию.

Евримедонт (Эвримедон) – 1) царь гигантов в Эпире; 2) возница Агамемнона; 3) слуга Нестора.

Еврипил – последний союзник троянцев, сын царя кетейцев Телефа и сестры Приама Астиохи, которая была подкуплена братом и поэтому послала сына под Троию, хотя и знала, что тот погибнет там.

Еврит (Эврит) – знаменитый стрелок из лука. Он получил лук в подарок от Аполлона, но потом возгордился и вызвал бога на состязание в стрельбе, за что и был убит им. Лук его перешел к Ифиту, а от него к Одиссею.

Евритион – кентавр, начавший буяннить на свадьбе Пирифоя (см. Пирифой).

Елена – дочь Леды и Зевса, принявшего образ лебедя, – прекраснейшая из женщин Эллады. За нее сватались самые знаменитые герои, но ее “земной” отец Тиндар предоставил ей, по совету Одиссея, самой выбирать себе жениха и заставил остальных претендентов дать клятву, что они сохранят дружбу и будут помогать мужу Елены. Елена выбрала Менелая, сына Атрея, который после смерти Тиндара стал царем в Спарте. Когда Парис, сын троянского царя Приама, с помощью Афродиты похитил Елену, Менелай собрал всех бывших женихов Елены и пошел с ними войной на Троию; так началась Троянская война.

Елисейские поля (иначе “Элизий”) – блаженная страна (или острова),

куда боги переносят после смерти избранных героев.

Ерехтей – мифический древний царь Афин, потомок Земли.

Закинф – остров в Ионийском море близ берегов Элиды, южнее Итаки.

Зам – остров в Ионийском море, вероятно, Кефалления.

Зевс (Зевес, Дий) – сын Крона и Реи, свергнувший своего отца и захвативший власть над миром. Зевс – царь богов и людей, бог неба, грома и молнии, верховный блюститель справедливости, покровитель молящих и странников. В Трое особенно почитается Зевс Идейский, пребывающий на горе Иде и оттуда управляющий миром, “обладающий с Иды”, как часто называют его в “Илиаде”.

Зелия – владение Пандара, город у подножия Иды.

Зефир – западный ветер.

Иардан (Ярдан) – 1) река в Элиде, в Пелопоннесе; 2) река на Крите.

Ид – сын Афарет, двоюродный брат и сподвижник Кастора и Полидевка, вступивший с Аполлоном в бой за Марписсу (см.). Поссорившись с братьями, Ид вступит с ними в борьбу и убил Кастора, но во время боя с Полидевком был испепелен молнией Зевса.

Ида – высокая лесистая горная цепь в Малой Азии над Геллеспонтом, у подножья которой расположена Троя.

Идей – вестник Приама.

Идомений – сын Девкалиона, царь критского города Кноса, предводитель критян в Троянской войне.

Икарий – брат Тиндара, изгнанный из Спарты и обосновавшийся в Акарнании; отец Пенелопы.

Икарийский понт – часть Средиземного моря у острова Самоса, названная так в честь Икара, сына Дедала, погибшего в этом месте во время бегства с Крита.

Иксион – царь лапифов в Фессалии, земной отец Пирифоя, рожденного женой Иксиона от Зевса.

Ил – сын Троса, отец Лаомедона, дед Приама, царь Трои, в честь которого она носит второе название: Илион.

Илифии – богини родовых мук, вызывающие роды.

Иней – царь города Калидона, отец Тидея и Мелеагра, дед Диомеда.

Ино – см. Левкотея.

Иолкос – приморский город в Фессалии, откуда вышли в плавание аргонавты.

Ипподамия – другая форма имени Гипподамия (см.).

Ипсила – царица Лемноса; при ней лемносские женщины перебили за измену всех своих мужей. Когда на Лемнос прибыли аргонавты, они

вступили во временный брак с лемнианками. От Ясона (см.) Ипсипила родила сына Эвнея.

Ирида – богиня радуги, крылатая вестница богов.

Исмар – славившаяся своим вином столица киконов во Фракии.

Итак – герой, по имени которого был назван остров Итака.

Итака – родина Одиссея, небольшой гористый остров в Ионийском море, недалеко от западных берегов Греции.

Итилос – см. Аида.

Ифианасса – дочь Агамемнона. Возможно что это имя – другая форма имени Ифигения. Ифигения была принесена в жертву в Авлиде, так как богиня Артемида долго не посылала ахейцам попутного ветра, чтобы они не могли отплыть в Трою, и потребовав смерти Ифигении в качестве искупительной жертвы (за убитую Агамемноном священную лань). Гомер полностью умалчивает об этом мифе и даже предпочитает другую форму имени Ифигении. Миф о жертвоприношении Ифигении мы знаем из трагедии Еврипида “Ифигения в Авлиде”.

Ификл (Ификлес) – 1) царь города Филаки в Фессалии, владелец прекрасных стад, самый быстрый бегун среди людей; 2) смертный брат Геракла, помощник его во многих трудах.

Ифимедея – жена Алоя, мать Отоса и Эфиальта.

Ифит – сын Еврита, гость Одиссея, подаривший ему знаменитый лук; был убит Гераклом.

Ифтима – дочь Икария, сестра Пенелопы.

Иялмен – второй сын бога Арея и Астиохи, вождь орхоменского войска под Троей.

Кавконы – название двух племен: одно было соседом троянцев, другое обитало на западе Пелопоннеса.

Кадм – сын финикийского царя Агенора и брат похищенной Зевсом Европы. Он был послан отцом на поиски сестры и, не найдя ее, по повелению дельфийского оракула, основал город на том месте, куда привела его встреченная возле храма корова. Город этот – Фивы в Беотии (Беотия и значит “коровья страна”).

Каистр – река в Лидии.

Калидон – город в Этолии, родина Мелеагра (см.).

Калликоллона – местность под Троей.

Калхас – предсказатель ахейцев под Троей.

Капаней – огромного роста силач, участник похода семерых против Фив, за надменность и нечестивость испепеленный Зевсом во время штурма фиванских стен.

Кардамила – город в Мессении, в Пелопоннесе.

Карияне – жители Карий, области на юго-западе Малой Азии.

Кассандра – дочь Приама, прорицательница, получившая дар пророчества от Аполлона. Однако когда она отвергла его любовь, Аполлон сделал так, что люди перестали верить пророчествам Кассандры, хотя они и были всегда правдивы. Пленница Агамемнона, погибшая вместе с ним от рук Клитемнестры и Эгиста.

Кастор и Полидевк – сыновья Леды, братья Елены. Полидевк был сыном Зевса и обладал бессмертием; Кастор – сын Тиндарея – был смертен. Братья были всегда неразлучны, вместе участвовали в походе аргонавтов, вместе совершали подвиги. Когда Кастор пал в схватке с Идом (см.), Полидевк добился у богов разрешения поделиться с ним бессмертием. С тех пор братья проводят один день на Олимпе, другой – в Аиде; им воздаются божеские почести.

Кебрион – сын Приама.

Кеней – один из воинов-лапифов.

Керы – духи смерти, крылатые женские существа, реющие в воздухе и в момент смерти человека похищающие его душу.

Кетейцы – племя в Малой Азии.

Кефалления – группа островов, в которую входят Итака, Зам, Закинф, Дулихий.

Кефисское озеро – озеро в Беотии.

Кидоны – критское племя, жившее на северо-западе острова.

Киконы – фракийское племя.

Килла – неизвестный нам остров или город неподалеку от Трои.

Киллена – гора в Аркадии, где родился Гермес; поэтому Киллений (килленский) – постоянное определение этого бога.

Киммерияне (киммерийцы) – мифическое племя, живущее далеко на севере, в стране, вечно покрытой мраком.

Кинирас – древнейший мифический царь Кипра, учредивший на этом острове культ Афродиты.

Кипр – остров на востоке Средиземного моря, где в городе Пафосе находился самый знаменитый храм Афродиты.

Киприда – прозвище Афродиты, которая, по преданию, выйдя из морской пены, впервые ступила на землю на Кипре.

Киссей – отец Феано.

Кифера – остров близ берегов Пелопоннеса, известный храмом Афродиты, прозванным, по названию острова, Киферрей.

Клеопатра – дочь Ида и Марписсы, жена Мелеагра.

Климена – 1) мать царя лапифов Пирифоя, попавшая в рабство к Елене и уплывшая с нею в Трою; 2) мать царя Филаки Ификла.

Клит – 1) сын Приама; 2) возница Полидамаса; 3) сын Мангия; в него влюбилась Эос, похитила его и даровала ему бессмертие.

Клитемнестра – дочь Леды и Тиндарея, жена Агамемнона (см. Агамемнон и Орест).

Клитий – брат Приама, отец Калетора, убитого Аяксом у кораблей.

Кнос – город на Крите, столица мифического царя Миноса.

Копрей – вестник, передававший Гераклу приказы Эврисфея, который из трусости предпочитал не встречаться с героем.

Коракса утес – “утес ворона”, на берегу Итаки. Древний комментатор говорит, что Кораксом звали сына Аретусы, нимфы источника на Итаке.

Коринф – крупный город на севере Пелопоннеса у самого Истимийского перешейка, соединяющего Пелопоннес с остальной частью Балканского полуострова.

Коцит – одна из рек царства Аида, приток Стикса.

Кратейя – воплощение силы, мать Сциллы (Скиллы).

Креон – царь Беотийских Фив, брат Эпикасты.

Крефей – сын Эола, царь Фессалии.

Крит – большой остров в Средиземном море, центр древнейшей греческой цивилизации, существовавший задолго до эпохи Гомера.

Крон – отец Зевса. По мифам, над миром сперва царствовал Уран-небо, которому Гея-земля родила детей титанов. Один из них, Крон, сверг отца и воцарился над миром; при нем наступил золотой век. Но Крон боялся, что кто-нибудь из его детей, рожденных ему Реей, свергнет его, и поэтому проглатывал их одного за другим. Так проглотил он Гестию – богиню домашнего очага, Геру, Деметру, Аида и Посейдона. Рея, не желая лишаться последнего ребенка, родила его в глубокой пещере на Крите и скрыла там, а Крону дала проглотить камень. Спасенный ребенок и был Зевс. Выросши, Зевс сверг отца, освободил из его чрева братьев и сестер и воцарился над миром, а Крона и восставших на его защиту титанов заключил в Тартар.

Кронион – “сын Крона”, то есть Зевс.

Круны – местность на юго западе Пелопоннеса.

Ксанф – река под Троей, которая называется также Скамандром. Само слово “ксанф” обозначает “рыжий, бурый” и потому часто служит кличкой лошади: так зовут коней Ахиллеса и Гектора. Так же зовут троянского воина, убитого Диомедом.

Ктимена – младшая сестра Одиссея, жившая с мужем на соседнем с

Итакой острове Запе.

Куреты – племя жившее неподалеку от города Калидона.

Лакедемон – область на юго востоке Пелопоннеса, со столицей Спарта, владение царя Менелая.

Лаодамия – дочь Беллерофонта.

Лаодика – дочь Приама и Гекубы. Так же зовут одну из дочерей Агамемнона, которая позже была отождествлена с Электрой.

Лаомедон – царь Трои, отец Приама.

Лапифы – легендарный народ, живший в Фессалии.

Лариса – город близ Трои.

Латона (Лето, Лета) – богиня, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду.

Лаэрт – отец Одиссея, в молодости – участник калидонской охоты и похода аргонавтов.

Левкада (от слова “левкос” – белый) – мифическая “белая скала” на крайнем западе, у входа в царство Аида.

Левкотея – морская “белая” богиня, божество пенистых волн. Она была смертной женщиной Ино, дочерью Кадма и сестрой Семелы, матери Диониса. Гера, ненавидевшая из-за Семелы, любимой Зевсом, всю ее родню, наслала на Ино безумие, и та бросилась в море с маленьким сыном Миликертом на руках. Боги превратили ее в морскую богиню, а сына ее – в морского бога Палемона, пастуха дельфинов.

Л еда – дочь царя Этолии Тестия, жена Тиндара; родила от него Клитемнестру и Кастора, а от Зевса – Елену и Полидевка.

Лект – горный мыс в Малой Азии, лежащий напротив острова Лесбоса.

Лелеги – древнейшая народность, населявшая Балканский полуостров до прихода ахейцев; по Гомеру они жили в Малой Азии близ Иды.

Лемн (Лемнос) – остров в Эгейском море, где, согласно мифам, находилась кузница Гефеста (см. также Ипсипила).

Лесбос – остров в Эгейском море.

Лестригоны – мифический народ великанов и людоедов.

Ливия – северо-западная часть Африки.

Ликаон – отец Пандара, ликийский царь. Так же зовут сына Приама, которого Ахиллес взял в плен и продал, а затем, когда тот вернулся в Троию, убил.

Ликия – так в “Илиаде” называются две области – на юге Малой Азии и у подножья Иды, близ Трои; из этой Ликии происходят Ликаон и Пандар.

Ликияне – жители Ликии.

Ликомед – предводитель беотийцев под Троей.

Ликург – 1) фракийский царь. Миф о нем см.: “Илиада”, песнь шестая, стихи 130–140; 2) царь Аркадии, победитель Арейфооя.

Лирнесс – союзный с Троей город в Малой Азии.

Локры – народ, живший в Средней Греции.

Лотофаги – мифический народ, питающийся лотосом (буквальный перевод – “поедатели лотоса”).

Магнеты – фессалийское племя, жившее близ города Магнесии на востоке страны.

Майя – нимфа, дочь Атланта, возлюбленная Зевса, родившая от него Гермеса.

Малея – гористый мыс на юге Пелопоннеса.

Мантий – сын Мелампа; его имя значит “предсказатель”.

Марафон – городок на побережье Аттики, где в V веке до н. э. греки наголову разбили персов.

Марписса – жена Ида, мать Клеопатры (см. о ней прим. к “Илиаде”, песнь девятая, стихи 559–560).

Махаон – сын Асклепия, врач ахейского войска под Троей.

Меандр – река в Малой Азии, орошающая Ионию и Фригию.

Мегапент – сын Менелая от рабыни.

Мегара – жена Геракла; своих детей от Мегары Геракл убил в припадке безумия, которое наслала на него Гера.

Медонт (Медон) – 1) итакиец, вестник (глашатай) Одиссея, в его отсутствие вынужденный прислуживать женихам, но преданный Телемаху и Пенелопе; 2) сын Оилея, сводный брат Аякса; 3) ликиец, сопровождавший Гектора.

Мекестий (Мекистей) – царь Аргоса, отец Эвриала. Другой Мекистей – ахейский воин, убитый Полидамасом.

Меламп (правильнее “Мелампод” – “черноногий”) – знаменитый прорицатель, родоначальник целого поколения провидцев. О его роли в сватовстве его брата Бианта см. прим. к “Одиссее”, песнь одиннадцатая, стих 291.

Мелеагр – сын Инея, царя Калидона. Когда он родился, матери его Алфее явились богини судьбы и сказали, что ее сын умрет, когда догорит головня в очаге. Алфея вынула головню и спрятала ее в ларец. Когда Мелеагр стал взрослым, он возглавил охоту на страшного кабана, которого Артемида наслала на калидонские земли за то, что Иней не принес ей жертв во время праздника сбора плодов. Когда кабан был убит, из-за его шкуры и головы началась распря между Мелеагром и куретами, братьями

его матери. Распря перешла в войну, и куреты осадили Калидон. В битве Мелеагр убил одного из братьев Алфеи. Алфея прокляла за это сына. Узнав об этом, Мелеагр в обиде удалился из битвы; и лишь когда куреты уже врывались в город, внял мольбам своей жены Клеопатры, снова вступил в бой и отразил куретов. Однако Алфея не простила сыну гибели брата; она достала из ларца заветную головню и сожгла ее; когда головня догорела, Мелеагр умер.

Мемнон – царь эфиопов, сын богини Эос. На десятый год войны пришел в Трою на помощь Приаму. Мемнон был богатырем огромной силы, его доспехи, как у Ахиллеса, были выкованы Гефестом. Он убил многих ахейцев, в том числе Антилоха (см.). Лишь после этого его самого убил Ахиллес, который знал, что после поединка с Мемноном ему недолго останется жить, и поэтому избегав сражаться с царем эфиопов. Эпизод о царе эфиопов ни в “Илиаду”, ни в “Одиссею” не вошел, он известен нам по изложениям недошедшей поэмы “Эфиопида” – продолжения “Илиады”.

Менада – буквально значит: “одержимая, безумная”; так называли женщин, участвовавших в празднествах бога вина Диониса и впадавших в “священное” исступление.

Менелай – сын Атрея, брат Агамемнона, муж Елены (см. Елена).

Менесфей – 1) сын Петей, предводитель афинских войск под Троей. Менесфей правил в Афинах, после того как свергнул великого афинского героя Тесея; 2) сын Арейфооя, убитый Парисом; 3) один из предводителей мирмидонян сын речного бога Сперхия и Полидоры, дочери Пелея.

Менетий – один из аргонавтов, отец Патрокла, который по имени отца часто называется в “Илиаде” Менетиад, Менетид.

Ментес – тафийский царь, связанный с Одиссеем узами гостеприимства.

Ментор – сын Алкима, сверстник Одиссея и его ближайший друг в Итаке. Приняв его образ, Афина опекает и наставляет Телемаха во время его поездки по Греции; поэтому слово “ментор” стало нарицательным для обозначения авторитетного наставника.

Меония – древнее название Лидии.

Меоны, мерняне – лидийцы.

Мерион – сын Мола, критянин, сподвижник и помощник Идоменея.

Мессеис – название родника, возможно, мифического; древние считали, что он находится в балканской Греции, но спорили, в какой именно области.

Мессена – главный город Мессении, области в Пелопоннесе.

Мигдон – фригийский царь.

Мизы (мизяне) – жители Мизии. Словом “Мизия” Гнедич передает название двух разных областей: собственно Мизии в Малой Азии и Мёзии на севере европейской Греции, во Фракии.

Микал – мыс в Малой Азии, против острова Самос.

Микена – героиня, в честь которой были названы Микены.

Микены – в эпоху Гомера главный город Аргolidы, столица царства Агамемнона.

Милет – 1) город на Крите; 2) большой город в Малой Азии, колония Милета критского.

Мимант – гора на Малоазиатском побережье.

Минес – царевич города Лирнесса, муж Брисеиды, убитый Ахиллесом при взятии Лирнесса.

Минос – сын Зевса и финикийской царевны Европы, которую похитил Зевс, приняв образ быка. Минос отличался чрезвычайной мудростью и справедливостью, за что после смерти был сделан судьей в царстве мертвых. Минос – дед Идоменея, вождя критян под Троей.

Мирина – амазонка, могильный холм которой находится у стен Трои. Никаких мифов о ней мы не знаем.

Мирмидоняне (мирмидоны, мирмидонцы) – племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии, во владениях Пелея и Ахиллеса. Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял во время мора, насланного Герой, весь свой народ; но по его просьбе отец его Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться “мирмидоны” (“мирмекс” по-гречески значит “муравей”).

Мойры – богини судьбы. Гомер знает одну Мойру – неотвратимый рок. По более поздним мифам, их три: Клото прядет нить жизни; Лахесис вынимает не глядя, жребий, выпавший человеку; Атропос обрезает нить жизни.

Молионы – сыновья близнецы Актора – Акториды.

Муза – богиня пения, музыки, пляски, поэзии. Традиционное число Муз – девять; живут они на горе Парнас, и каждая Муза является покровительницей определенного вида искусства. Отец Муз – Зевс, мать – Мнемозина, богиня памяти. Гомер чаще всего говорит об одной Музе, которая знает все и от которой все узнает вдохновляемый ею певец.

Навсифой – царь феакийцев, сын Посейдона, отец Алкиноя; в его царствование феакийцы переселились на Схерию из Гиперии. Имя его значит “быстрый корабельщик”.

Наяды – нимфы источников и рек.

Неера – дочь Океана, возлюбленная Гелиоса-солнца, родившая ему

дочерей Фаэтусу и Лампетию.

Нейон – отрог горы Нериона на Итаке.

Нелей – сын Посейдона, царь Пилоса, отец Нестора.

Неоптолем – сын Ахиллеса. По преданию, мать Ахиллеса Фетида, зная, что он погибнет в Троянской войне, скрыла его в женском платье в доме царя острова Скироса Ликомеда, среди его дочерей. Одну из них, Дайдамию, Ахиллес полюбил, и она родила после его отъезда под Трою Неоптолема. После гибели отца Неоптолем был привезен под Трою Одиссеем и Диомедом и храбро сражался в войске ахейцев. При взятии Трои он проявил крайнюю жестокость, убив многих детей Приама и, наконец, его самого.

Нерей – “морской старец”, сын Понта-моря и Геи-земли.

Нереиды – морские нимфы, пятьдесят дочерей Нерея. Нереидой была и мать Ахиллеса Фетида.

Нерикон – город на острове Левкада.

Нерит (Нерион) – лесистая гора на Итаке, также – герой, в честь которого она была названа.

Нестор – старейший среди ахейских вождей, принимавших участие в походе под Трою, сын Нелея, царь Пилоса. Отличался мудростью и красноречием.

Нимфы – низшие божества, олицетворяющие силы природы. Они живут в лесах (дриады), горах (ореады), источниках и реках (наяды) и т. д. Нимф греки представляли в виде прекрасных молодых женщин.

Ниоба – дочь царя Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Она родила шестерых дочерей и шестерых сыновей. Гордая своими детьми, она отказалась принести жертву Латоне, матери Аполлона и Артемиды, говоря, что у Латоны всего двое детей. Разгневанная Латона просила Аполлона и Артемиду наказать царицу, и боги своими стрелами перебили всех детей Ниобы; Амфион был не в силах перенести горе и покончил с собой, а Ниобу боги, сжалившись, над нею, перенесли на родину в Лидию, на гору Сипил, и там превратили в камень. Но вечно бежит из этого камня источник прозрачной воды, потому что, и став камнем, Ниоба все еще оплакивает погибших детей.

Нот – южный ветер.

Огигия – мифический остров на дальнем западе, на котором живет Калипсо. Возможно, что Огигия – не название, а эпитет острова, обозначающий “древний”, “первозданный” (Огиг – мифический, очень древний царь; выражение “в Огигиев век” – вроде нашего “при царе

Горохе”).

Оиклей – один из потомков прорицателя Мелампа, отец Амфиарая.

Оилей – царь Локриды, отец “быстроногого” Аякса.

Океан – 1) река, вечно бегущая по кругу и обтекающая земной диск. За Океаном находится потусторонний мир; 2) бог Океан – титан, сын Урана-неба и Геи-земли, брат Крона.

Олимп – мифическая гора, местопребывание бессмертных богов. Олимп отождествлялся с высокой горой в Фессалии.

Опунт – главный город Локриды, родина Патрокла.

Оракул – храм бога, в котором жрецы предсказывали будущее и давали ответы на затруднительные вопросы обращающихся к оракулу людей. Иногда слово “оракул” обозначает и сам ответ жрецов-гадателей. Наибольшей известностью пользовался в Греции Пифийский оракул бога Аполлона в городе Дельфы.

Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры. После гибели отца он воспитывался на чужбине и, возмужав, отомстил матери и Эгисту за смерть отца, но затем сам подвергся преследованию Эриний. Лишь Аполлон и Афина оправдали его и избавили от мучительных припадков безумия, насылаемых Эриниями.

Орион – беотийский великан охотник, возлюбленный богини зари Эос, убитый стрелой Артемиды. Его именем названо созвездие.

Ортигия – мифический остров, связанный с культом Артемиды.

Орхомен – город в Беотии. Он назывался мининским по имени греческого племени минийцев, в отличие от другого Орхомена, расположенного в Аркадии.

Оры – см. Горы.

Осса – 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) олицетворение молвы.

Острые острова – торчащие из воды скалы у западных берегов Пелопоннеса.

Отос и Эфиальтес – дети Ифимедеи и Алоея (по другим вариантам мифа, Ифимедея родила их от Посейдона). Достигнув девяти лет, они отличались чудовищным ростом и силой; братья заключили в темницу Арея, и только Гермесу удалось освободить его. Отос и Эфиальтес грозились взгромоздить Пелион на Оссу и взойти на Олимп. Чтобы им не удалось сделать это, Аполлон убил их своими стрелами.

Пазифея – одна из Харит.

Пандар – 1) царевич из Ликии, искусный лучник, сражающийся в войсках троянцев; 2) милетянин, похитивший золотого пса из святилища Зевса на Крите. За это боги предали его и его жену преждевременной

смерти. Их дочери Клеотера и Мерена были взяты на небо и воспитаны богами; однако когда они выросли и настала пора выдать их замуж, Зевс убил их за грех отца.

Панопея (Паноп) – город в Фокиде.

Пантой – жрец Аполлона в Трое; в молодости был похищен из Дельф и привезен в Трою Антенором.

Парис – сын Приама и Гекубы; перед его рождением Гекуба увидела во сне, что родила горящую головню, от которой сгорела Троя. Это было сочтено знамением, и новорожденный был брошен на Иде, где его, однако, выкормила медведица, а потом воспитали пастухи. К нему обратились три богини, спорившие о золотом яблоке. После того как Парис отдал предпочтение Афродите, та вернула его в Трою и помогла похитить Елену.

Парки – неточно применяемое Гнедичем и Жуковским римское название богинь судьбы Мойр.

Парнас – лесистая гора в Аркадии, где Одиссей был ранен вепрем. По более поздним мифам, на Парнасе жили Музы, поэтому еще в древности Парнас стал символом поэзии.

Патрокл – ближайший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою и павший от руки Гектора.

Пафлагония – область на севере Малой Азии, на Черноморском ее побережье.

Пафос – город на Крите, в котором находился знаменитый храм Афродиты.

Пеан – благодарственное песнопение, посвященное богу, чаще всего Аполлону; так же звучит имя древнейшего бога врачевания, целителя богов.

Педас – 1) город в Пелопоннесе, у Мессенской бухты; 2) город в Трое, разрушенный Ахиллесом; 3) конь Ахиллеса, захваченный им при разгроме малоазиатских Фив.

Пеласги – древнейшее население Греции, жившее там еще до прихода ахейцев.

Пелей – сын Эака, царь мирмидонян. Ему в жены отдали дочь морского старца Нерея Фетиду. На их свадьбе присутствовали все боги, кроме богини раздора Эриды. Обидевшись, Эрида бросила на стол во время свадьбы золотое яблоко с надписью “прекраснейшей”. Из-за этого яблока поспорили три богини: Гера, Афина и Афродита. Сын троянского царя Парис, к которому они обратились за решением, отдал предпочтение Афродите, обещавшей ему любовь самой красивой женщины. Исполняя это обещание, богиня помогла Парису похитить Елену, из-за чего началась

Троянская война. У Пелея и Фетиды родился Ахиллес (или Пелид, то есть сын Пелея).

Пелиас (Пелий) – сын Посейдона и Тиро. Лишив своего брата Эсона престола, он стал царем Иолкоса; когда же сын Эсона Ясон потребовал у Пелиаса вернуть власть, тот послал его в Колхиду за золотым руном (поход аргонавтов).

Пелион – гора в Фессалии, недалеко от Олимпа.

Пелопоннес – полуостров, южная часть Балканского полуострова.

Пелопс – сын царя Тантала, внук Зевса, изгнанный из родного города Сипила троянским царем Илом и приплывший в ту область Греции, которая по его имени была названа Пелопоннесом (островом Пелопса). Здесь он путем преступлений женился на Гипподамии, дочери царя Писы Эномая, и сам воцарился в этом городе. Но своими преступлениями он навлек на себя проклятие, тяготевшее над всем его родом; его детьми были Фиест и Атреп, которые, враждуя друг с другом, совершили чудовищные злодеяния. Сыном Фиеста был Эгист, убивший сына Атрея Агамемнона и сам павший от руки сына Агамемнона Ореста. Так во вражде и кровавых драмах выразилось проклятие, тяготевшее над Пелопсом и его родом.

Пеней – река в Фессалии.

Пенелопа – дочь Икария, жена Одиссея.

Пеоны – жители Пеонии, области на севере Греции, где позже находилась Македония.

Пера – дочь пилосского царя Нелея, сестра Нестора. К ней сватался Биант, брат прорицателя Мелампа, но Нелей объявил, что отдаст дочь тому, кто приведет коров царя Филаки Ификла. Коров этих достал Меламп (см. прим. к “Одиссее”, песнь одиннадцатая, стих 291).

Пергам – название троянского акрополя.

Перифет – ахеец из Микен, сын вестника Эврисфея Копрея.

Перкозийский – родом из города Перкоты, находившегося близ Геллеспонта, к северу от Трои.

Перса – Океанида (дочь Океана), жена Гелиоса, мать Цирцеи и царя Колхиды Ээта.

Персей – сын Зевса и Данаи (см.), герой, отрубивший голову Горгоне-Медузе и освободивший царевну Андромеду, которую должно было сожрать морское чудовище. Персей был предком Геракла.

Персефона – дочь Зевса и Деметры. Ее похитил Аид и взял в жены; Деметра искала ее по всей земле, предаваясь безутешной скорби; в это время земля была бесплодна, ничто не всходило на засеянных полях. Чтобы успокоить Деметру, Зевс решил, что Персефона будет полгода проводить на

Олимпе, полгода – в Аиде. Миф о Персефоне символизирует умирание природы зимой и ее воскресение весной.

Петей – отец Менесфея.

Пиерия – область на севере Греции, в Македонии.

Пилос – 1) столица владений Нестора, приморский город на юго-западе Пелопоннеса; 2) город в Элиде, к югу от Алфея.

Пирей – итакиец, друг и спутник Телемаха.

Пирифлегетон – огненная река в царстве Аида.

Пирифой – царь мифического фессалийского народа лапифов, друг и соратник Тесея. На его свадьбе пьяные кентавры набросились на лапифских женщин, из-за чего началось побоище кентавров с лапифами, в котором принял участие и Нестор. Вместе с Тесеем Пирифой спустился в царство Аида, чтобы похитить Персефону; но оба героя приросли к чудесным сиденьям, на которые их усадил Аид. Тесея освободил Геракл, пришедший в царство мертвых за Цербером, а Пирифой так и остался в Аиде.

Пифий – прозвище Аполлона, образовавшееся от названия Пифийскою храма этого бога в Дельфах.

Плак – гора в Малой Азии.

Платея – город в Беотии.

Плеврон – город в Этолии.

Подалир – сын Асклепия, врач ахейского войска.

Подарга – гарпия, родившая от Зефира коней Ахиллеса, Ксанфа и Балия.

Подаркес – предводитель войска фессалийцев из Филаки, брат Протесилая.

Полиб – 1) богатый египтянин, принимавший у себя в доме Менелая и Елену во время их странствий; 2) троянец, сын Антенора; 3) один из женихов Пенелопы.

Полидамас – троянский герой, сражающийся часто вместе с Гектором.

Полидевк – см. Кастор и Полидевк.

Полидор – младший сын Приама.

Поликтор – древний герой Итаки.

Полиник – сын Эдипа, изгнанный из Фив своим братом Этеоклом и собравший в поход против Фив коалицию царей. Этот “поход семерых” окончился неудачно: Полиник и Этеокл убили друг друга в поединке, а все союзники Полиника погибли, за исключением одного Адраста.

Полипет – сын Пирифоя, один из вождей фессалийских войск под Троей.

Полит – 1) сын Приама; 2) спутник Одиссея.

Полифейд – прорицатель из рода Мелампа.

Полифем – 1) воин из войска лапифов; 2) циклоп.

Понтоной – глашатай в городе феакийцев.

Посейдон (Посейдаон) – бог морей, сын Кроноса и Реи, брат Зевса.

Прет – царь Тиринфа, изгнавший Беллерофонта и замысливший погубить его.

Приам – царь Трои, глубокий старец, отец пятидесяти сыновей и пятидесяти дочерей; в их числе – Парис, Гектор, Деифоб, Кассандра.

Прокрида – дочь первого афинского царя Ерехтея, жена охотника Кефала, случайно погибшая от руки мужа: ревнуя Кефала, она следила за ним на охоте и пряталась в кустах; решив, что в кустах прячется лань, Кефал поразил ее своим волшебным дротиком, не звавшим промаха.

Протей – морское божество, обладающее даром пророчества и способностью превращаться в любой предмет.

Протесилай – юный сын Ификла, предводитель фессалийцев из Филаки. Когда греки прибыли под Трою, Протесилай первым соскочил с корабля на троянскую землю и тотчас пал от руки Гектора.

Псира – небольшой остров в Эгейском море.

Радамант – сын Зевса и Европы, брат Миноса; за его справедливость боги даровали ему после смерти вечное блаженство и право судить мертвых.

Рез – фракийский царь, союзник троянцев.

Ретра – бухта на Итаке.

Рея – дочь Урана-неба и Геи-земли, сестра и жена Крона (см.).

Родос – большой остров, лежащий против юго-западного побережья Малой Азии.

Саламин – остров у берегов Аттики, родина Теламона, отца Аякса и Тевкра.

Салмоней – царь в Фессалии, сын Эола, отец Тиро. Он выдавал себя за Зевса, разъезжая на колеснице и подражая молниям при помощи факелов, а грому – при помощи металлического листа. За это он был убит Зевсом.

Сам – остров близ берегов Фракии (Самофракия).

Самос – остров у берегов Малой Азии, центр культа Геры.

Сангарий – река в Малой Азии, впадающая в Черное море.

Сарпедон – сын Зевса и дочери Беллерофонта Лаодамии, ликийский царь, павший под Троей как союзник троянцев.

Селена – луна.

Селлы – жрецы-предсказатели оракула Зевса в Додоне,

предсказывавшие будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Семела – дочь Кадма, родившая от Зевса бога вина Диониса.

Сестос – город на западном берегу Геллеспонта, расположенный против Абида.

Сидон – крупный торговый город в Финикии. Сидония – Финикия. Сидоняне – финикийцы.

Сизиф – хитрый царь Коринфа, которому удалось сковать самое Смерть, когда она пришла за ним. За свои преступления против богов должен был в царстве Аида вечно катить в гору тяжелый камень, который перед самой вершиной срывается и падает вниз (отсюда выражение “сизифов труд”).

Сикания – Сицилия.

Сикелы – древнейшее население Сицилии.

Сикион – город на севере Пелопоннеса.

Симоис – река под Троей, приток Скамандра.

Синтии (синтийцы) – мифические жители острова Лемноса.

Сипил – гора в Лидии.

Сира – сказочный остров.

Скамандр – река под Троей, впадающая в Геллеспонт.

Скейские ворота – ворота в западной стене Трои.

Скирос – остров в Эгейском море. У царя Скироса Ликомеда Фетида спасала от войны Ахиллеса, переодетого в женское платье. Однако Одиссей разоблачил обман: приехав на Скирос под видом купца, он разложил множество товаров, привлекательных для женщин, а среди этих товаров – набор оружия. В то время как дочери Ликомеда, среди которых находился переодетый Ахиллес, осматривали драгоценности и ткани, юноша смотрел лишь на оружие. В это время товарищи Одиссея подняли перед дворцом ложную тревогу; царевны разбежались, а Ахиллес, схватившись за меч, бросился навстречу мнимой опасности. Этим он выдал себя и вскоре должен был уехать с Одиссеем на войну.

Сминфей – культовое прозвище Аполлона, обозначающее “истребитель полевых мышей”.

Солимы – народ, живший на юге Малой Азии; в их стране находятся Солимские высоты.

Спарта – город в Пелопоннесе, столица царя Менелая.

Стентор – глашатай ахейцев, славившийся своим громовым голосом.

Суний – мыс в Аттике.

Сфенел – участник Троянской войны, сын Капанея, друг Диомеда. Так

же звали сына Персея и Андромеды, отца Эврисфея.

Схерия – остров, на котором живут феакийцы; одни исследователи считают его мифическим, другие отождествляют с современным островом Корфу.

Тайгет – горный хребет в Пелопоннесе, заросший густым лесом.

Талай (Талайон) – аргосский царь, отец главного участника “похода семерых” против Фив – Адраста, дед Эвриала.

Талфибий – вестник Агамемнона, позже – воспитатель его сына Ореста.

Тантал – сын Зевса, царь малоазиатского города Сипила, хитрый и жадный человек. Пользуясь расположением богов, он выкрадывал с их трапез нектар и амброзию, разглашал их тайны. Однажды, желая испытать их всеведение, Тантал подал им во время трапезы мясо своего сына Пелопса. Боги воскресили юношу, а Тантала обрели на вечные муки в Аиде.

Тафийцы – племя, жившее в Акарнании, области, расположенной на западном берегу полуострова, против Итаки.

Тевкр – побочный сын Теламона, сводный брат Аякса, искусный стрелок из лука.

Теламон – царь острова Саламина, сын Эака и брат Пелея, отец Аякса и Тевкра.

Телем – старый циклоп-предсказатель.

Телемах – сын Одиссея, оставленный им на Итаке еще в младенческом возрасте. Имя его значит “сражающийся далеко”.

Темеса – город в южной Италии.

Тенедос – небольшой остров близ берегов Трои; на нем скрылись ахейцы, когда обманно отплыли от Трои, оставив засаду в деревянном коне.

Терсит – самый безобразный и дерзкий воин в греческом войске.

Тесей – аттический герой, совершивший много подвигов, очистивший, подобно Гераклу, родную землю от чудовищ и разбойников. Тесей считался сыном Посейдона и Эфры, жены афинского царя Эгея, и сам был царем в Афинах. О нем – см. также Ариадна и Пирифой.

Тефиса – дочь Урана и Геи, жена Океана.

Тидей – сын Инея, отец царя Аргоса, Диомеда. Он принимал участие в “походе семерых” против Фив и погиб при неудачном штурме города в тот самый момент, когда покровительствовавшая ему Афина добилась для него бессмертия. По имени отца Диомед часто называется в “Илиаде” Тидид или Тидейон.

Тиндар (Тиндарей) – царь Спарты, муж Леды. О нем – см. Леда и

Елена.

Тиресий – знаменитый слепой прорицатель, живший в Фивах.

Тиринф – древнейший город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Тиро – дочь Салмоней, жена фессалийского царя Крефея. От Посейдона она родила Пелиаса (см.) и Нелея (см.), отца Нестора, от мужа – Эсона (см. Ясон), Ферета и Амифаона.

Титаны – дети Урана и Геи, братья Крона. Когда Крон был свергнут Зевсом, титаны восстали на защиту брата, но были побеждены младшими богами и заключены в Тартар.

Титий – сын Геи, свирепый великан. Он силой пытался овладеть Латоной и за это был убит Аполлоном и Артемидой; и в царстве Аида он продолжает терпеть страшные муки.

Тифон – возлюбленный богини зари Эос, сын Лаомедона, брат Приама, отец Мемнона. Эос похитила Тифона на небо, где он получил бессмертие.

Тлиподем – 1) сын Геракла, участвовавший в Троянской войне; 2) троянец, убитый Патроком.

Тмол – гора в Лидии.

Тринакрия – другое название Сицилии (“трехконечная”). С Тринакрией позже был отождествлен мифический остров Тринакия, где паслись стада Гелиоса.

Тритогена (Тритония) – неясный по смыслу эпитет Афины.

Троада – область в Малой Азии вокруг Трои.

Троил – младший сын Приама, убитый в первый год Троянской войны Ахиллесом.

Трос – родоначальник троянских царей, по имени которого была названа Троя, так же зовут троянца, убитого Ахиллесом.

Троя – город в Малой Азии у реки Скамандра. В Трою Парис увез Елену; по этой причине город подвергся нападению союзного войска ахейцев и после десятилетней осады был взят при помощи хитрости с деревянным конем и разрушен.

Уран – небо; бог неба, супруг Геи-земли, отец титанов и первый царь вселенной, свергнутый Кроносом.

Фамир – мифический певец и кифаред из Фракии, осмелившийся вызвать Муз на состязание в пении и за это ослепленный ими.

Фарос – остров в Средиземном море у берегов Египта.

Феа – приморский город в Элиде.

Феакийцы – мифический блаженный народ корабельщиков, переселившийся из Гиперийской земли (см.) на Схерию (см.).

Феана (Феано) – жрица Афины в Трое, жена Антенора.

Феб – культовое имя Аполлона.

Феба – культовое имя Артемиды.

Федим – финикийский царь.

Федон – царь феспротов.

Федра – жена Тесея; она влюбилась в своего пасынка Ипполита, а когда он отверг ее любовь, повесилась, оклеветав его перед Тесеем. Тесей проклял сына, и тот погиб в результате этого проклятия.

Фемида – богиня правосудия.

Феникс – 1) воспитатель и старший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою; 2) царь Сидона, отец Кадма и Европы.

Феоклимен – прорицатель из рода Мелампа, бежавший от кровной мести на корабль Телемаха и приехавший с ним на Итаку.

Фера – город в Пелопоннесе, на полпути между Пилосом и Спартой. Одноименный город был в Фессалии.

Ферет – основатель Феры в Фессалии, отец Адмета.

Феспроты – греческое племя, жившее в Эпире.

Фессалия – область на востоке Средней Греции.

Фест – крупный город на Крите.

Фесторид – Калхас, сын Фестора.

Фетида – дочь морского старца Нерея (нереида), жена Пелея, мать Ахиллеса. На ее свадьбе и произошел спор трех богинь из-за “яблока раздора”.

Фивы (семивратные) – город в Беотии.

Фивы – город в Троаде, у подножья горы Плака, родина Андромахи; был разорен Ахиллесом.

Фивы египетские (стовратные) – столица Древнего Египта в среднем течении Нила.

Фиест – сын Пелопса, брат Атрея. Когда Атрей получил власть над Микенами, Фиест строил против него много козней, пока сам не пал жертвой преступления Атрея (см.). После гибели детей Фиест долго скрывался, но потом был приведен в Микены и заточен Атреем в темницу. Освободившись с помощью Эгиста, он убил Атрея, захватил власть в Микенах и выгнал Менелая и Агамемнона. Но вскоре те вернулись и убили Фиеста.

Филак – мифический основатель города Филаки в Фессалии, отец Ификла.

Филакия – область в Фессалии.

Филей – отец Мегеса, сын царя Авгия, у которого Геракл очистил

конюшни. Когда Авгий не захотел выдать Гераклу обещанной награды, Филей вступился за героя и за это был изгнан отцом.

Филоктет – один из участников Троянского похода, друг Геракла, унаследовавший его лук и стрелы. По пути в Трою Филоктет был укушен змеей и заболел язвой от которой исходило такое зловоние, что ахейцы оставили его на бесплодном острове Лемносе. Там он прожил десять лет, добывая пропитание охотой. Однако ахейцы узнали, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Геракла; тогда они послали за Филоктетом Одиссея и Неоптолема, и те обманом привезли обиженного героя под Трою. Там Махаон исцелил его язву.

Филомилед – царь острова Лесбоса. Всех посещавших остров чужестранцев он заставлял вступать с ним в кулачный бой и убивал их, пока сам не был побежден Одиссеем.

Фимбра – равнина в Троеде.

Финикияне – семитический народ, в гомеровскую эпоху сосредоточивший в своих руках морскую торговлю в Средиземном море и потому хорошо знакомый грекам, заимствовавшим у него свой алфавит.

Фоас Андремонид – царь Плеврона и Калидона в Этолии.

Фокеяне – жители Фокиды, области в центре Средней Греции.

Фооса – нимфа, возлюбленная Посейдона, родившая от него циклопа Полифема.

Форк – морской бог, отец Фоосы; ему была посвящена Форкинская гавань на Итаке.

Фраки (фракийцы, фракияне) – жители Фракии.

Фракия – обширная область на северо-востоке Греции, у берегов Геллеспонта и Пропонтиды (Мраморного моря).

Фригияне – жители Фригии, обширной области в Малой Азии, с востока непосредственно граничившей с Троедой. Впоследствии Троеда стала частью Фригии, и у поздних античных писателей фригийцы отождествляются с троянцами.

Фтия – главный город мирмидонян, столица царства Пелея и Ахиллеса.

Халкис – город в Элиде.

Хариты – три вечно юные богини красоты, грации, радости.

Химера – чудовище, убитое Беллерофонтом.

Хиос – остров в Эгейском море.

Хирон – мудрый кентавр, воспитавший Геракла, Ясона, Ахиллеса и других героев.

Хлорида – жена Нелея, мать Нестора.

Хриса – мифический остров, посвященный Аполлону.

Хрисофемиса – дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ифигении и Лаодики (Электры).

Циклопы – мифический народ диких одноглазых великанов, населявших, как считали античные толкователи Гомера, Сицилию.

Цирцея – дочь Гелиоса и Персы, волшебница, жившая на острове Эе у берегов Италии.

Эак – отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса и Аякса, сын Зевса и Эгины, дочери речного бога Асопа. Эак славился своей справедливостью, так что даже сами боги приглашали его судьей в своих спорах (см. о нем также мирмидоняне).

Эвбея – большой остров в Эгейском море, очень близко от восточных берегов Средней Греции.

Эвней – царь Лемноса, сын Ясона и Ипсипилы, привозивший ахейцам под Троию вино и припасы и скупавший у них военную добычу.

Эвриал – 1) сын Мекестия, один из предводителей аргосцев; 2) феакиец, славный борец.

Эвринома – морская богиня, Океанида (дочь Океана).

Эврипил – царь Ормения, города в Фессалии.

Эвфорб – троянский герой, сын Панфоя.

Эврисфей – см. прим. к “Илиаде”, песнь девятнадцатая, стих 123.

Эга (Эгия) – город на севере Пелопоннеса, в Ахайе, один из центров культа Посейдона.

Эгей – царь Афин, считавшийся отцом Тесея. Когда Тесей возвращался с Крита после победы над Минотавром (см. Ариадна), он забыл выполнить условие, заключенное с отцом перед отплытием, и не поднял на корабле белых парусов в знак благополучного исхода. Эгей издали увидел черные паруса корабля и, решив, что его сын погиб, бросился в море, которое в его честь было названо Эгейским.

Эгиалея – дочь Адраста, жена Диомеда.

Эгида – панцирь из козьей шкуры (“эгида” значит “козья шкура”). В эпоху Гомера уже вышел из употребления и приписывался лишь богам – Зевсу и Афине. На груди эгиды Афины прикреплена голова Горгоны-Медузы, отрубленная Персеем; поэтому эгида внушает ужас.

Эгиох – эпитет Зевса, обозначающий “носящий эгиду”.

Эгист – сын Фиеста (см.), воспитанный Атреем (см.). Атрей послал его в темницу убить Фиеста, которого сын не знал, но Эгист был признан отцом и вместе с ним сверг Атрея. После низложения Фиеста Агамемноном и Менелаем Эгист спасся, потом стал любовником Клитемнестры и вместе с

ней убил Агамемнона, однако вскоре сам пал жертвой мести Ореста.

Эдип – сын царя Фив Лая и Эпикасты (Иокасты). Лай, зная, что умрет от руки сына, велел убить ребенка, но Эдип был спасен и воспитан вдали от родины. Уже юношей Эдип узнал, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Считая своих приемных родителей за подлинных, Эдип во избежание предсказанных бед покинул их и отправился странствовать. В случайной стычке на дороге он убил незнакомого старика; затем, придя в Фивы, Эдип решил загадку страшного чудовища сфинкса и этим освободил от него город. В благодарность фиванцы провозгласили Эдипа своим царем, и он женился на вдове своего предшественника – Лая. Но в Фивах начался мор, вызванный тем, что в городе находится убийца царя Лая. Желая найти преступника, Эдип узнает, что убитый им по дороге старик и был Лай. Затем выясняется, что сам Эдип – сын Лая и что, таким образом, исполнилось пророчество: он убил отца и женился на матери. Эпикаста в ужасе покончила с собой, а Эдип ослепил себя. По одним мифам, Эдип ушел в добровольное изгнание, по другим, отразившимся в “Илиаде”, – умер в Фивах глубоким старцем.

Эйдофея – дочь Протея, морская богиня.

Эксадий – один из лапифов.

Элеон – город в Беотии.

Элеяне – жители Элиды.

Элида – область на западе Пелопоннеса.

Эллада – Греция; иногда этим словом обозначается только Пелопоннес.

Эмафия – прибрежная область на севере Греции, в Македонии.

Эн – город во Фракии.

Эней – сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама, один из главных троянских героев. После падения Трои Эней спасся, вынеся из горящего города на своих плечах старика отца и уведя с собою сына. После долгих странствий Эней создал свое царство в Италии.

Эниалий – прозвище Арея.

Энио – богиня войны.

Энипей – река в Фессалии, приток Алфея.

Эниосигей – эпитет Посейдона, обозначающий “колебатель земли”.

Эол – 1) божество низшего ранга, повелевающее ветрами; 2) отец Сизифа, родоначальник эолян.

Эолия – остров, где живет Эол; некоторые исследователи отождествляют его с вулканическим островком Стромболи близ Сицилии.

Эос – богиня утренней зари, выезжающая на двух бессмертных конях

Лампе и Фэтоне на небо и поливающая росой землю. Эос – сестра Гелиоса, дочь Гипериона и Тея; от нее и Астрея родились звезды.

Эпеос (Эпей) – сын Панопея, художник, находившийся в рядах ахейского войска и построивший деревянного коня, с помощью которого была взята Троя.

Эпеяне – древнее племя, жившее в Элиде.

Эпидавр – город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Эпикаста – мать Эдипа (см.).

Эпир – область на севере Греции. В “Одиссее” словом “Эпир” Жуковский неверно переводит название сказочной страны Апира.

Эпит – мифический аркадский царь.

Эреб – царство мертвых, вечно погруженное во мрак.

Эревлион – силач-аркадец, побежденный в юные годы Нестором.

Эрембы – мифический народ, обитавший, по Гомеру, на востоке Средиземноморья.

Эретрия – город на острове Эвбея.

Эрибея – мачеха Отоса и Эфиальтеса.

Эримант – горы в Аркадии, в Пелопоннесе.

Эринии – богини мщения, преследующие человека за пролитую им кровь.

Эриопа – жена Оилея, мать “быстроногого” Аякса.

Эрифилла – жена Амфиарая, мать Алкмеона (см. Алкмеон и Амфиарай).

Эрмий – Гермес.

Эсон – сын Тиро и Крефея, брат Пелиаса и Нелея, отец Ясона. Был царем в Иолкосе, но потом Пелиас лишил его престола (см. Пелиас).

Этеокл – сын Эдипа, брат Полиника (см.).

Этион – царь малоазиатских Фив, отец Андромахи.

Этна – вулкан в Сицилии, под которым лежит, согласно мифам, побежденное Зевсом чудовище Тифей.

Этолия – область на западе Средней Греции.

Эфиопы – мифический блаженный народ, который населяет два “края земли”, на востоке и на западе, возле самого Океана.

Эфир – воздух, небо.

Эфира – древнее название Коринфа и многих других городов.

Эфра – мать Тесея, захваченная в плен Кастором и Полидевком и отданная ими в рабство Елене. С Еленой Эфра попала в Троию.

Эхалия – город в Этолии.

Эт – сын Солнца и дочери Океана Персы, царь Колхиды, мифической

страны, которая позже была отождествлена с областью на Черноморском побережье Кавказа. У Ээта хранилось золотое руно, за которым совершили поход аргонавты.

Эя – остров, на котором живет Цирцея. Древние не сомневались в его местоположении: это небольшой скалистый островок у самых берегов Лация (в Италии). Теперь этот островок благодаря речным наносам соединился с сушей, но до сих пор еще называется Monte Circeo – Гора Цирцеи.

Ясон – сын Эсона (см.). Он потребовал у Пелиаса вернуть отцу престол, а тот отправил его в Колхиду к царю Ээту за золотым руном. Ясон собрал в поход величайших героев Греции – Геракла, Кастора, Полидевка и др. – и снарядил корабль “Арго”. В Колхиде он добыл золотое руно с помощью дочери царя Ээта – волшебницы Медеи, влюбившейся в него. Ясон увез Медею из Колхиды и после долгих странствий вернулся в Грецию, где Медея умертвила Пелиаса. Из-за этого Ясон бежал с нею в Коринф. Там он задумал бросить ее и жениться на дочери коринфского царя, но Медея погубила девушку и ее отца, а затем убила и двух своих детей от Ясона. Умер Ясон в неизвестности, раздавленный остатками “Арго”, разрушившегося от ветхости.

Япет – титан, отец Прометея и Атланта.

Ясион – сын Зевса, смертный юноша, возлюбленный богини Деметры.

С. Ошеров

notes

СНОСКИ

1

Перевод Б. Пастернака.

Перевод Б. Пастернака.